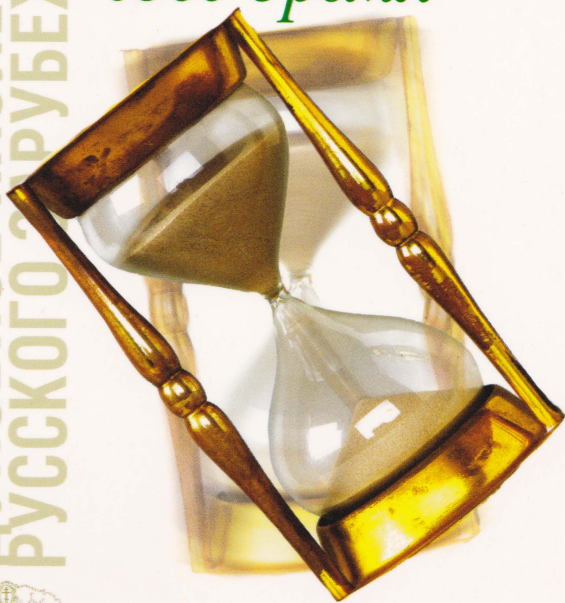

Архиепископ Аверкий (Таушев)

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Всему
свое время*

Издательство Сретенского монастыря

ДУХОВНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

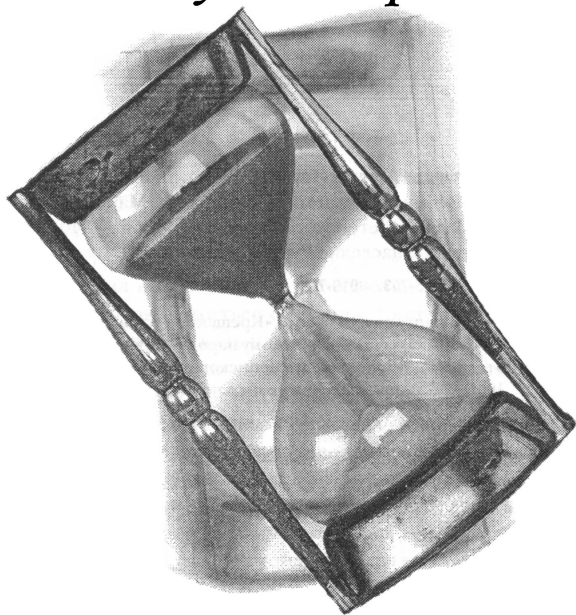
*Издательство
Сретенского монастыря*

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия*

Архиепископ Аверкий (Таушев)

Всему свое время

2006 | Москва

УДК 271.2-1/-4
ББК 86.372
А19

Архиепископ Аверкий (Таушев)

А19 **Всему свое время / Сост. В. И Марченко. —**
М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. — 240 с. —
(Духовное наследие Русского зарубежья).

ISBN 5-7533-0019-7

В книгу вошли работа «Крещение Руси и заветы святого князя Владимира русскому народу» (Мюнхен, 1949) и отдельные проповеди архиепископа Аверкия (Таушева; 1906—1976), произнесенные им в период с 1951 по 1972 г.

УДК 271.2-1/-4
ББК 86.372

ISBN 5-7533-0019-7

© Сретенский монастырь, 2006

Предисловие

Архиепископ Аверкий (Александр Павлович Таушев) родился 19 октября (1 ноября) 1906 года в Казани в благородной семье. Его отец, государственный служащий, по долгу службы часто разъезжал по России, и это позволило юному Александру познакомиться с сердцем Святой Руси — ее монастырями и святынями. И хотя Александр рано покинул Родину, память об этих святых местах сопровождала его всю его последующую жизнь. С раннего детства Александра привлекали книги духовного содержания, такие, как «Невидимая брань», и уже с 7–8 лет он чувствовал отчуждение к обыкновенной мирской жизни и подсознательное тяготение к монашеству.

Во время Гражданской войны семья Таушевых со скорбью покинула Родину и поселилась в болгарском городе Варне, в котором Александр продолжал свою

учебу до 1926 года. В эти годы самое сильное религиозное влияние на него оказывали местный храм и его настоятель, отец Иоанн Слунин.

В 1925 году в Варну приехал архиерей, который определил направление жизни Александра. Это был архиепископ Феофан Полтавский († 1940) – строгий монах, молитвенник и богослов в истинно свято-отеческой традиции. После встречи с владыкой Феофаном у молодого студента появилось непреодолимое стремление к монашеству. С благословения архиепископа Феофана Александр поступил на богословский факультет Софийского университета, который блестяще окончил в 1930 году, а затем, в 1931 году, переехал в Прикарпатскую Русь (в Чехословакии) с намерением принять монашество и служить Русской Церкви. По словам самого владыки Аверкия, в то время там шла увлекавшая многих миссионерская работа по возвращению униатов в Православие.

В 1931 году Александр принял постриг, через год был рукоположен в иеромонаха, начал служить на местных приходах и помогать настоятелю Свято-Николаевского монастыря близ села Изы. Вскоре он получил также должность редактора епархиального издания и преподавателя катехизиса в средних школах.

Когда в 1940 году Прикарпатскую Русь оккупировали венгры, отец Аверкий уехал в Белград, где служил под омофором митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.

В 1945 году отец Аверкий переехал в Мюнхен, где продолжал заниматься законоучительством.

В 1950 году Синод назначил отца Аверкия на должность председателя Миссионерско-просветительного комитета при Архиерейском Синоде. Приехав в 1951 году в Америку, он был приглашен во вновь основанную Свято-Троицкую семинарию в Джорданвилль (штат Нью-Йорк) преподавателем Нового Завета, литургики и гомилетики. В 1952 году он был утвержден в должности ректора Свято-Троицкой семинарии, в 1953-м назначен правящим архиереем Сиракузско-Троицкой епархии, а в 1960 году, после кончины архиепископа Виталия (Максименко), стал настоятелем Свято-Троицкой обители. Совмещая эти три должности, владыка Аверкий до самой смерти продолжал дело просвещения православных верующих, как будущих пастырей в семинарии (за эти годы из окончивших семинарию около 100 человек приняло священство), так и всех, читающих монастырские издания, содержание которых отличалось благочестием и строгим богословием. Проповеди владыки Аверкия печатались в издаваемом в монастыре журнале «Православная Русь». По свидетельству его духовных чад, ораторский дар владыки в сочетании с пламенной любовью к истине делал его проповеди в храме незабываемыми. Часто покаянное настроение настолько охватывало его, что он начинал плакать посреди проповеди. Лишь самые бесчувственные из слушающих посмеивались над этой «эмоциональностью», но всем было ясно, что эти слезы были совершенно естественными — они исходили от сердца.

В число написанных архиепископом Аверкием книг входят учебники по гомилетике, толкования

Священного Писания (в 2-х томах), его «Слова и речи», жизнеописание и письма его возлюбленного аввы — архиепископа Феофана.

Скончался архиепископ Аверкий 31 марта (13 апреля) 1976 года. Погребен в крипте Троицкого собора Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Крещение Руси и заветы святого князя Владимира русскому народу

Велико значение дня святого князя Владимира для русских людей как дня памяти славного просветителя Руси и как дня воспоминания самого великого события в истории Руси — крещения всего русского народа, точная дата которого, к сожалению, нам неизвестна.

День памяти просветителя Руси святого равноапостольного великого князя Владимира — 15 июля по нашему православному календарю — в прежнее время, мы отмечаем это с глубоким прискорбием, весьма слабо праздновался у нас на Русской земле, и только в 1888 году, когда совершалось празднование 900-летия крещения Руси, этот день был отнесен к числу так называемых «средних»

праздников. Нигде, однако, этот день не прославлялся так, как это подобало бы ему, — как день всенародного русского торжества. Только попав за границу, после того как нашу родину постигло страшное кровавое бедствие большевизма, русские люди в изгнании занялись переоценкой ценностей, и вскоре многие из них поняли, как слепы они были раньше и, в частности, как мало ценили они своих подлинных духовных вождей и национальных героев и гигантов духа. Поняли они, что величайшим сокровищем русского народа является святая православная вера, которой русский народ обязан буквально всем, что было и есть у него лучшего, прекрасного и возвышенного; поняли они, что величайшим и славнейшим событием в истории русского народа является крещение Руси, а величайшим национальным героем и духовным вождем русского народа должен быть признан главный виновник этого события — святой равноапостольный великий князь Владимир. К сожалению, дата крещения Руси нам достоверно неизвестна, а потому в день блаженного успения святого князя Владимира 15 июля мы вспоминаем как самого великого просветителя нашего, так и величайшее событие просвещения нашего благодатью святого крещения.

И вот все сознательно мыслящие и подлинно религиозно настроенные русские люди за рубежом поняли, что этот день не может быть для нас, русских, только «средним» праздником, каким он значится в Типиконе. Для всех нас, отдающих себе ясный отчет в том, какое подлинно великое, ни с чем не сравнимое значение имеет для русского народа святая православная вера, этот день, после единственного по своему значению всехристианского торжества Святой Пасхи Господней, должен быть воистину «праздником праздников и торжеством из торжеств», как бы второй пасхой после Пасхи общехристианской. И в самом деле, в день Святой Пасхи мы празднуем избавление всего человечества от вечной смерти и власти диавола, а в день святого князя Владимира мы вспоминаем нашу национальную пасху — избавление от той же вечной смерти и власти диавола всего нашего родного русского народа. Этот день для нас и как бы вторая пятидесятница, ибо в этот день, как и в день святой Пятидесятницы, мы можем с особенным чувством и воодушевлением петь: «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице покланяемся, Та бо нас спасла есть». Да и какой другой день ни возьми из прочих великих праздников, мы

не можем не видеть, что спасительной благодати его мы приобщаемся не иначе как через самый знаменательный для нас день 15 июля. Не будь этого дня, не были бы мы и христианами и не существовало бы для нас радости ни одного из великих христианских праздников. Поэтому для всех, кажется, должно быть ясно, что день этот должен быть для нас, русских людей, *днем великого праздника, днем светлого всенародного религиозно-национального торжества.*

Все это теперь у нас за границей, по-видимому, уже в достаточной мере осознано, и поэтому в течение ряда лет день святого князя Владимира почти повсюду празднуется весьма великолепно и торжественно, под разными, правда, названиями, как то: «День русской культуры», «День русской славы» и т.п. Начинается это наше великое национальное общерусское торжество, конечно, прежде всего Божественной литургией с соответствующей проповедью и молебным пением просветителю Руси святому равноапостольному великому князю Владимиру, по возможности с крестным ходом и освящением воды на реке, где есть река. В послеобеденные часы устраивается академическое собрание с одной или несколькими серьезными лекциями и докладами о значении великого дела святого Владимира,

а вечером — более легкая программа в виде литературно-музыкальных выступлений и приличных развлечений в национальном духе для молодежи.

Конечно, главной темой празднования всегда должно быть воспоминание о том, как, каким образом и при каких обстоятельствах русский народ из народа языческого стал народом христианским, какие обязательства это на него наложило и как он эти обязательства на протяжении всей нашей истории выполнял. Естественно поэтому, что в этот день мысль и чувство каждого религиозно и национально мыслящего и чувствующего русского человека более, чем когда-либо в другое время, обращается в глубь веков, к далекому прошлому нашей родины, и он перебирает в своей памяти все столь дорогие его сердцу исторические события, приведшие в конечном итоге к величайшему и славнейшему событию — крещению всего русского народа.

На наше счастье, мы имеем ценнейший исторический документ, который сохранил для нас важнейшие и интереснейшие сведения о всех этих событиях, как и о самом крещении Руси. И сколько бы ни старалась опорочить этот документ наша поистине безумная либеральная критика, всегда старавшаяся оплевать и облить грязью все самое дорогое и святое

в нашей истории, он никогда не потеряет для нас своего значения как дышащий безыскусственной, неподдельной простотой и правдой, которые сами по себе свидетельствовали о его несомненной подлинности. Это так называемая «Повесть временных лет» летописца Нестора, преподобного инок Киево-Печерской обители, к которому все мы, русские люди, должны питать чувство признательнейшей любви и глубокой благодарности за то, что он дал нам описание столь дорогих нашему сердцу событий древнейшего периода нашей истории.

Благодаря преподобному Нестору мы узнаем, что великое событие крещения Руси, которое принято относить к 988 году по Р.Х., исподволь и постепенно подготавливалось целым рядом предшествующих знаменательных событий. Первый, кто духом Божественного прозрения провидел расцвет Христовой веры на нашей родине и благословил его, был не кто иной, как один из двенадцати ближайших учеников Христовых — святой апостол Андрей Первозванный, которого недаром поэтому еще издавна русский народ почитает своим особенным молитвенником и покровителем. Как гласит древнее предание, закончив свою проповедническую миссию по берегам Черного моря, он углубился в пределы нынешней

Русской земли, поднявшись вверх по течению Днепра. Здесь святой апостол остановился на тех самых холмах, на которых впоследствии был построен Киев, и тут изрек сопровождавшим его ученикам замечательное пророчество: *«Видите ли горы сии? Смотрите, ибо на сих горах воссияет благодать Божия, имать град велик быти и церкви многи Бог воздвигнути имать»*. Сказав это, апостол, взойдя на горы, благословил их, помолился и на той из них, где позже был построен Киев, водрузил крест.

Наш выдающийся церковный историк Е.Е.Голубинский, отличавшийся безудержным скептицизмом¹, доходящим до крайнего болезненно пристрастного огульно-отрицательного отношения ко всему древнему периоду нашей отечественной истории, не только подвергает сомнению, но даже прямо и категорически отвергает достоверность этого пребывания святого апостола Андрея в пределах будущей Русской земли. При желании можно, конечно, все оспаривать, но если бы проф. Е.Е.Голубинский, попав вместе с русскими беженцами за границу, в Болгарию, после Первой мировой войны, походил по окрестностям г. Варны на берегу Черного моря, то, может быть, не решился бы так упорно и категорически отвергать достоверность этого летописного сказания. В 17 километрах

от Варны, вблизи морского побережья, имеются катакомбы, сохранившиеся от первого века христианской веры, а неподалеку от них — большая пещера, в которой находится икона святого апостола Андрея Первозванного с возжженной перед ней лампадой. По преданию, свято хранящемуся у местных жителей, в этой пещере останавливался святой апостол, когда шел проповедовать в Россию.

Первые сведения о частных обращениях насельников Русской земли ко Христу являются уже в первой четверти IV века, но это были только отдельные случаи. По несомненному же голосу истории первое массовое обращение руссов ко Христу произошло в середине IX столетия (867) при киевских князьях Аскольде и Дире, о чем повествует нам и целый ряд греческих источников. Тогда впервые были заложены прочные основы для распространения христианства на Руси, причем построены были и храмы, хотя главная масса русских славян еще продолжала оставаться во тьме язычества.

В 866 году двое из сподвижников Рюрика, Аскольд и Дир, овладевшие Киевом и начавшие княжить в нем, предприняли набег на Царьград. Со своей многочисленной дружиной на 200 ладьях они подступили к самому Царьграду, заставив трепетать сердца его жителей. Тогдашние император Михаил III и патриарх

Фотий со множеством народа обратились со слезной мольбой к Богу о спасении столицы от диких варваров. По совершении всенощного бдения во Влахернском храме они вынесли хранившуюся там ризу Богоматери торжественным крестным ходом на берег Босфора и погрузили ее в воды залива. Спокойное до того море вдруг разразилось страшной бурей, которая разбила и потопила ладьи руссов. Многие из них погибли, а оставшиеся в живых немедленно обратились в бегство, находясь под сильным впечатлением поразившего их гнева Божия. Это событие было поводом для массового обращения руссов ко Христу. «Руссы, — писал тогда святейший патриарх Фотий, — преложили нечестивое языческое суеверие на чистую и неблазненную христианскую веру и, приняв епископа и учителя, ведут себя, как послушные дети и друзья». И далее говорит, что они приняли епископа и христианские обряды (послание Фотия — Stritt Memor. рор. 2, 957). Действительно, в Киев вскоре после этого события прибыл греческий епископ с проповедью о Христе, о чем так повествует император Константин: «Когда епископ прибыл в столицу руссов, государь руссов собрал совет (вече).

Тут было множество народа; сам государь председательствовал с боярами и старейшинами, которые по давней привычке более других

были привержены к язычеству. Стали рассуждать о вере своей и христианской и, пригласив архипастыря, спросили: чему он хочет учить их? Епископ раскрыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе и Его чудесах, говорил и о разных чудесах, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая проповедника, сказали: “Если и мы не увидим чего-нибудь подобного тому, что случилось с тремя отроками в пещи, мы не хотим верить”. Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: “Мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы?” Они просили, чтобы брошена была в огонь книга Евангелия, и обещались обратиться к христианскому Богу, если она останется невредимой. Тогда епископ воззвал: “Господи! прослави имя Твое пред сим народом” — и положил книгу в огонь. Прошло несколько времени: огонь истребил материал, а Евангелие осталось целым; сохранились даже ленты, которыми оно было связано. Видя это, грубые люди, пораженные чудом, начали креститься» (Константин Багрянородный. *De administr. imp.* с. 29).

Это было в 867 году. По-видимому, тогда крестились и князья. По крайней мере на могиле одного из них, Аскольда, впоследствии была воздвигнута церковь во имя святителя Николая, что дает основание предполагать, что он был крещен с именем Николая.

При князе Олеге в числе подведомых Константинопольскому патриарху епархий уже числилась особая Русская епархия.

В княжение Игоря, как это видно из текста договора руссов с греками, руссы официально делились на тех, «которые приняли крещение», и на «некрещеных», причем крещеные утверждали этот договор присягою в соборной церкви Святого пророка Илии в Киеве. То, что в Киеве тогда уже существовал соборный храм, заставляет предполагать о существовании и других храмов. Следовательно, христиан было уже значительное число.

Первым ярким провозвестником всеобщего крещения русских была *блаженная великая княгиня Ольга*. В восторженно-умиленных тонах повествует о ней летописец, преклоняясь перед ее мудростью. По его образному выражению, она была для Русской земли *«звездой утренней, предваряющей солнце, зарю утра, предвещающей свет дневной; она сияла, как полная луна в ночи, блистая между неверными, как жемчужина»*. Одаренная светлым, проницательным умом и видя непорочную жизнь христиан, она пленилась евангельской истиной и, по преданию, сама отправилась в Константинополь в 957 году, где и приняла крещение от патриарха Полиевкта, причем сам император Константин Багрянородный был ее восприемником.

Патриарх благословил блаженную Ольгу крестом, который принесла она в Киев, и предрек ей славу в потомстве. Ольга поднесла патриарху в знак любви к святой вере золотое блюдо с изображением Спасителя на драгоценном камне. Несомненно, что тогда же приняли святое крещение и многие из ее свиты. Вернувшись в Киев, она усердно занялась проповедью Христовой веры, о чем свидетельствует и Степенная книга: «Многие, дивясь о глаголах ее (Ольги), ихже николиже прежде слышаша, любезно принимали из уст ее слово Божие — и крестились». За это, как и за ее высокую христианскую настроенность, Церковь причислила блаженную княгиню Ольгу к лику святых и ежегодно празднует ее память 11 июля.

Так исподволь, шаг за шагом, были подготовлены твердые основы для обращения ко Христу всего русского народа, что произошло наконец в 988 году при внуке святой Ольги — святом равноапостольном великом князе Владимире. Солнце, которому, по словам летописца, предтекла, как утренняя заря, Ольга, был *святой равноапостольный великий князь Владимир*.

Кем был для Римской империи император Константин Великий, тем суждено было стать для Руси святому князю Владимиру, ибо им было совершено великое дело обращения ко

Христу всего русского народа. Необыкновенно поучительно для нас самое его житие. Оно ярко свидетельствует о том, какую необычайную возрождающую силу имеет христианское учение; как оно, принятое искренне, всем сердцем и воплощенное в жизнь, способно вполне переродить человеческую душу. Владимир до крещения и Владимир после крещения — это как бы два совершенно разных человека. Мрачный, жестокий, подозрительный, грубый, сластолюбивый варвар, — он после крещения становится ласковым, приветливым, любвеобильным и милостивым князем, истинным отцом своих подданных. Владимир Красное Солнышко — таким прозвищем характеризуют его письменные памятники второго периода его жизни.

Первые годы своего правления Владимир занят был кровавыми войнами и жил, как самый нечистый язычник. Одержав победу над своими братьями, с которыми он вел борьбу за власть, он сделался единодержавным правителем Киевского княжества. Однако совесть не давала ему покоя, и он думал усыпить ее тем, что ставил на берегах Днепра и Волхова новые кумиры, украшая их золотом и серебром и закалая перед ними обильные жертвы. Дошло однажды дело и до человеческой жертвы, что, по-видимому, и явилось поворотным пунктом

в настроении Владимира и заставило его помышлять о перемене веры.

После победы над ятвягами решено было возблагодарить богов человеческой жертвой. Жребий пал на прекрасного юношу — христианина именем *Иоанн*. Отец его *Феодор* не хотел отдавать сына в жертву идолам. Рассвирепевшая толпа ворвалась в их жилище и с оружием в руках стала требовать от отца выдачи сына. Отец, стоя с сыном в сенях дома, на возвышении, спокойно отвечал: *«Если боги ваши суть точно боги, то пусть они пошлют одного из среды себя, чтобы взять сына моего, — а вы чего требуете?..»* Раздраженные язычники посекали сени дома, и под развалинами его погибли и отец и сын. Память этих первых на Руси мучеников за Христа, Феодора и Иоанна, празднуется ежегодно 12 июля.

Этот случай возбудил у Владимира большую душевную тревогу и сомнения в истинности языческой веры. Душа его томилась, искала света и мира, а память говорила еще о великой Ольге, «мудрейшей всех человек», о ее Боге, о Боге греческих христиан. По свидетельству летописца, к князю стали являться, прослышав о его душевных сомнениях, представители соседних с Русью народов с предложениями принять их веру. Так, прежде всего пришли волжские булгары, исповедовавшие

магометанство, и начали расхваливать свою веру. Владимиру не понравилось, однако, в магометанстве обрезание и запрещение пить вино. Пришли латинские миссионеры от римского папы и стали говорить о величии невидимого Бога и ничтожестве идолов, но славный князь, наслышавшись уже о властолюбивой политике папы, не дал им много говорить, а сразу же отослал их от себя со словами: *«Идите откуда пришли: отцы наши не принимали веры от папы»*. Затем явились хазарские жиды, которые сказали, что они веруют во единого истинного Бога. Владимир, слушая их, внезапно спросил: «А где ваше отечество?» — «В Иерусалиме, — отвечали они, — но Бог за грехи отцов наших лишил нас отечества и рассеял по всей земле». — «Как же вы учите других, — возразил Владимир, — будучи сами отвержены Богом; если бы Бог любил вас и закон ваш, вы не были бы расточены по чужим землям; ужели того же вы и нам хотите?» Такими остроумными ответами Владимир ярко обнаружил свою врожденную мудрость и светлый, проницательный ум — качества, оправдывавшие его избрание Божественным Провидением как совершителя великого дела обращения ко Христу всего русского народа.

Наконец после всех явился к Владимиру ученый греческий монах, философ, как их

называли. В пространной речи он показал князю несправедливость всех других вер и изложил ему по Библии всю историю Божественного промысления о людях, начиная от сотворения мира и кончая Страшным Судом, причем в заключение показал князю картину Страшного Суда. Владимир, смотря картину, глубоко вздохнул и сказал: *«Добро сим одесную и горе сим ошуюю»*. — *«Если и ты желаешь стать с праведниками, то крестись»*, — заметил ему проповедник. *«Пожду еще мало»*, — отвечал на это мудрый князь.

Так как Владимир помышлял о перемене веры не для одного себя, но для всего своего народа, то ему, конечно, важно было, чтобы в выборе новой веры принимали участие лучшие представители народа. Поэтому, отпустив греческого проповедника с богатыми дарами, он в 987 году собрал совет бояр и объявил им о предложениях бывших у него проповедников. *«Каждый хвалит свою веру»*, — сказали бояре, — *у тебя много людей умных: пошли испытать, чья вера лучше»*. Тогда Владимир, последовав этому совету бояр, отправил «десять мужей добрых и смысленных», дабы они на местах ознакомились с новыми верами. Послы эти побывали у волжских булгар, затем у немцев, исповедовавших латинскую веру, и наконец прибыли в Царьград, где попали в великолепный собор Святой Софии, в котором сам па-

триарх совершал торжественную службу. Великолепие храма, участие всего духовенства с патриархом во главе, стройное, глубоко молитвенное пение, как бы отрешавшее молящихся от земли, величие и простота всей службы привели послов в священный восторг и растрогали до глубины души.

Возвратившись домой, они дали отрицательные отзывы о богослужении магометан и немцев и с восторженным умилением рассказывали о богослужении греков. *«Когда пришли мы к грекам, — говорили послы, — нас ввели туда, где они служат Богу своему, и мы не знали, на небе ли мы находимся или на земле: забыть этой красоты мы не можем, ибо всякий человек, вкусив сладкого, отверщается от горького, так и мы “не имамы zde быти”, не хотим оставаться в прежней языческой вере».* Тогда и бояре со старцами заметили князю: *«Если бы не хорош был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая всех человек».* — *«Так мы примем крещение, но где?»* — спросил Владимир. *«Где ти любо...»* — ответили бояре, предоставляя этим ответом самому князю осуществление уже принятого всем народом в лице его лучших представителей решения о принятии святой Христовой веры от греков.

Воинственный князь, хотя и решившийся уже принять христианскую веру, без особого

воздействия благодати Божией, конечно, не мог еще настолько смириться в душе, чтобы обратиться к грекам со смиренной просьбой о крещении и о наставлении всего своего народа в новой вере. К тому же врожденная мудрость его и проницательный государственный ум подсказывали ему, что небезопасно просто просить об этом греков. Примеры тогдашней исторической действительности показывали, что народ, принявший от другого народа христианскую веру, весьма часто попадал не только в духовную от него зависимость, но и в политическую и даже терял совсем свою государственную самостоятельность. Этого, конечно, не хотел Владимир для своего народа. И вот, боясь вслед за духовным и политическим подчинением русского народа грекам, он решил завоевать новую веру силою оружия. Этим и объясняется все то, что последовало за решением Владимира и бояр о принятии святого крещения и что, на первый взгляд, кажется многим странным и непонятным и даже противным подлинно христианскому настроению духа.

Владимир решил дать понять грекам, что, приняв от них святую веру, он не намерен тем не менее подчинить им свое государство и хочет разговаривать с ними как равный с равными. И вот он пошел на них войной, осадив

греческий город Херсонес (по-славянски Корсунь) в Тавриде, причем дал обет креститься, если город будет им взят. Овладев городом, чтобы еще более смирить греков, он потребовал от императоров-соправителей Василия и Константина руки их сестры царевны Анны. Императоры ответили, что они согласны выдать за него свою сестру, но при условии, что он примет крещение, так как их сестра не может выйти замуж за язычника. *«Я давно испытал и полюбил закон греческий»*, — ответил на это Владимир.

Перед самым прибытием царевны Анны со священниками, которые должны были его крестить, а затем бракосочетать, с Владимиром произошло чудесное событие, в котором сокрыт глубокий духовный смысл. По особому попущению Божию он был поражен тяжелой глазной болезнью и совершенно ослеп. Слепота — недуг, при котором человек особенно остро ощущает свою беспомощность, свое ничтожество, и естественно смиряется. Поэтому Господь, желая сделать гордого князя подлинным рабом Своим, и послал ему временно это тяжелое испытание, дабы перед самым приятием великого христианского Таинства крещения научить его важнейшей христианской добродетели смирения, точно так же, как Он сделал это в свое время с гордым гонителем

христианства Савлом, предназначив его Своим избранным сосудом к обращению язычников. Как некогда Савл, так и Владимир в этом состоянии познал свою духовную немощь, свое бессилие и ничтожество и с чувством уже глубокого смирения приготавлился к принятию великого Таинства. И над ним совершилось великое чудо, которое явилось символом его духовного прозрения и перерождения. Едва только Корсунский епископ, совершавший крещение, возложил руку на выходящего из купели Владимира, нареченного Василием, как он мгновенно прозрел и радостно воскликнул: *«Вот теперь-то впервые я узрел Бога истинного!»* Многие из дружины его, пораженные чудом, тут же крестились, а затем совершенно было бракосочетание князя с царевной Анной.

Но Владимир искал лучшей веры не для одного себя, а для всего своего народа. Испытав на самом себе в момент крещения всю силу и величие веры христианской, он несомненно с еще большей ревностью возгорелся желанием скорее просветить светом Христовой веры весь свой народ. И вот, возвратившись в Киев, он прежде всего окрестил 12 своих сыновей, а затем решительно приступил к истреблению идолов и оглашению народа христианской проповедью. Приехавшие с Владимиром свя-

щенники обходили улицы Киева и наставляли народ в истинах новой веры, знакомой уже многим киевлянам.

После этого Владимир назначил определенный день, в который все жители Киева должны были собраться на реку для принятия крещения. Киевляне с радостью спешили исполнить волю своего любимого князя, рассуждая при этом так: *«Если бы новая вера не была лучшей, то князь и бояре не приняли бы ее»*. Необозримые толпы людей, старцы и юноши, матери с детьми явились на берег реки. Вскоре явился и сам князь, сопровождаемый собором священников. По данному знаку все эти массы народа вошли в реку: одни по шею, другие по перси, взрослые держали на руках младенцев, а священники, стоя на берегу, читали молитвы, совершая над ними великое Таинство.

В эти священные минуты, как говорит благочестивый летописец, поистине радовались небо и земля толикому множеству спасаемых. Радовались крестившиеся, радовались крестившие, но более всех возрадовался духом главный виновник этого торжества — святой князь Владимир. Возведши очи к небу, он с умилением воззвал к Богу: *«Боже великий, сотворивый небо и землю! Призри на новые люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебе, истинного Бога,*

якоже уведеша страны христианския, и утверди в них веру праву и несовратну, и мне помози, Господи, на супротивнаго врага, да надеяся на Тя и на Твою державу, побежю козни его!»

В словах этой замечательной, весьма краткой по объему, но необычайно пространной, можно сказать, всеобъемлющей по своему внутреннему содержанию, вдохновенной молитвы излилась вся душа уже возрожденного баней пакибытия князя-христианина, глубоко переживавшего всем существом своим дивное зрелище обновляемого благодатью святого крещения всего своего народа. Молитва эта действительно замечательна, если мы дадим себе труд глубоко вдуматься в ее слова и почувствовать то, что переживал произносивший ее в тот великий момент святой равноапостольный князь. При всей своей видимой простоте и полной безыскусственности, она отличается необычайной глубиной содержащихся в ней мыслей и указывает на то, как глубоко усвоил святой князь, недавний язычник, подлинные основы христианского учения. В ней, как мы увидим сейчас, заключается полностью *вся программа истинно христианской жизни*. А так как словами этой молитвы святой князь молился о своем родном народе и о себе как о духовном вожде этого народа (таковым он несомненно мыслил себя, зани-

маясь потом всю остальную жизнь свою подлинно апостольской деятельностью), то из этой молитвы мы можем видеть, *чего именно желал святой равноапостольный князь новокрещенному русскому народу*, какой путь жизни по принятии святого крещения для него предназначивал, и, следовательно, молитва эта явно заключает в себе *заветы святого князя Владимира русскому народу*.

Какие же это заветы? О чем молился наш просветитель и чего он желал нам? *«Боже великий, сотворивый небо и землю! Призри на новые люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебе, истинного Бога, якоже уведеша страны христианския...»* Вот он, *первый завет*, первостепенной важности завет для каждого, решающегося начать христианскую жизнь, для каждого, желающего жить христианской жизнью, быть подлинным христианином, — *завет боговедения, завет богопознания*.

Богопознание, по учению слова Божия и святых отцов, есть первая и основная задача жизни истинного христианина. Чтобы быть христианином, необходимо прежде всего верить в Бога, надеяться на Бога и любить Бога. Но нельзя верить в того, надеяться на того и любить того, кого не знаешь. Отсюда сама собой вытекает для каждого христианина насущнейшая необходимость богопознания.

Следовательно, все, что говорит нам о Боге или открывает нам Бога, должно быть для нас предметом самого тщательного и прилежного изучения. О Боге красноречиво говорит окружающая нас дивная природа всем своим гармоничным и целесообразным, премудрым устройством; о Боге выразительно свидетельствуют нам глубины нашего собственного человеческого духа, если мы добросовестно стремимся к подлинному самопознанию; но полнее всего и яснее всего, конечно, открывает нам Бога само Его Божественное слово — Священное Писание, ибо в нем *от Святого Духа просвещаеми глаголаша святии Божии человецы* (2 Пет 1, 21), а также и Священное Предание, хранимое Церковью в постановлениях соборных, богослужебных книгах и творениях общепризнанных святых отцов и описаниях жизни прославленных Церковью святых угодников Божиих. Все это и должно быть предметом нашего самого внимательного и старательного изучения в течение всей нашей жизни.

Но как понимать это «богопознание»? Разве можем мы, земные ограниченные твари, в полном смысле этого слова «познать Бога», и проникнуть во все тайны Божеского Существа, изучить и постигнуть самое Существо Божие со всеми Его свойствами? И не дерзость ли это будет с нашей стороны?

Конечно, с христианской точки зрения отнюдь не о таком богопознании идет у нас речь. Мы должны стремиться к богопознанию лишь в той мере, в какой Сам Бог благоволил людям открыть Себя и в какой это *необходимо для нашего спасения*, ибо только такое богопознание входит в планы Самого Бога, желающего «всем человекам спастися и в познание истины прийти» (см.: 1 Тим 2, 4). Все, что сверх этого, конечно, есть дерзость, *недопустимая* для истинного христианина, порождение гордого пытливого ума, приведшего наших прародителей к грехопадению и потере райского блаженства. Мы должны стремиться *познать Бога настолько и поскольку это необходимо для нашего спасения*, нашего духовного возрождения и вступления в общение с Богом. Всякое другое стремление к богопознанию, гностическое или рационалистическое стремление проникнуть в тайны Самого Божеского Существа, своим слабым ограниченным умом дерзать проанализировать все Божеские свойства, как сами по себе, так и в отношении Бога к миру и человеку, с христианской точки зрения, конечно, предосудительно и не только не спасительно, но, наоборот, губительно для души, ибо как можем мы, *прах и пепел* (Быт 18, 27), осмеливаться открывать в Боге то, чего Он Сам не благоволил нам открыть. Вот почему

Церковь наша осудила и теперь осуждает все, как древние, так и новые гностические системы и самопроизвольное мудрствование об истинах веры, не основанное на слове Божиим и авторитете святых отцов.

Как исполнял русский народ этот первый завет своего великого просветителя? В древний период своей истории, а частично и до самого последнего времени, не считая нашей интеллигенции, которая со времен императора Петра I в большинстве своем воспитывалась в чуждом Православию западном духе, русский народ старался исполнять этот святой завет самым тщательным образом. Любимым чтением русских людей, пока не внедрилась на Русской земле отравка западного вольнодумства и безбожия, были книги Священного Писания, а из них в особенности Псалтирь и Евангелие, которые многие знали наизусть, святоотеческие творения и жития святых, а в храмах за продолжительными уставными службами они назидались глубоко поучительными богослужебными песнопениями, впрочем не только в храмах, а зачастую и у себя в домах, представлявших собою нередко подлинны «малые церкви», где глава семьи был как бы настоятелем, игуменом, а члены семьи — братией. Даже грамоте малые дети обучались по богослужебным книгам — Часослову

и Псалтири. Так продолжалось во многих благочестивых крестьянских и казачьих семьях почти до самого последнего времени перед революцией. Только интеллигенция наша, а еще больше полуинтеллигенция, расплотившаяся у нас со времени петровских реформ, после того как через прорубленное Петром I «окно в Европу» ворвался к нам зловонный смрад безбожных материалистических учений Запада, стала за последние два века все больше и больше отступать от этого великого завета своего просветителя, и вот — плоды теперь налицо: страшная кровавая большевистская революция со всеми ее ужасами и ныне — угроза всему миру от страшного апокалиптического чудовища, грозящего все поглотить и уничтожить, вследствие того что русский народ перестал быть хранителем подлинно христианского православного благочестия и стал навозом для удобрения бого- и человеконенавистнической теории марксо-коммунизма и орудием для ее осуществления во всем мире. Отречение русского народа от первого завета своего великого просветителя — завета богопознания, — как мы это теперь наглядно видим, привело к тому, что ныне весь мир находится как бы на краю пропасти, зияющей поглотить его. И, конечно, без покаяния всего русского народа в целом в грехе богоотступничества и без

обращения его к Богу не может быть спасения человечеству, и тогда неизбежен конец века сего, как это совершенно очевидно явствует из раскрытых нам Самим Господом признаков близости конца мира и Его Второго Пришествия (см.: Мф 24, 3—39; Мк 13, 4—37; Лк 21, 7—36).

Посмотрим теперь, каков *второй* завет, оставленный нам святым князем Владимиром? *«...и утверди в них веру праву и несовертну...»* Что это, как не завет хранить твердо и нерушимо свою православную веру, которую святой Владимир с такой предусмотрительностью и тщательностью выбрал из целого ряда других вер? И как действительно долго и самоотверженно осуществлял русский народ в своей жизни этот священный завет! Ведь в сущности вся история русского народа — это в главном и основном, конечно, непрерывная борьба «за веру православную, за дом Пресвятой Богородицы». Дороже всего для русского человека всегда была *чистота его исповедания*, чистота его святой православной веры, за которую он жизнь свою был готов отдать. *«Православие» и «русскость» — это понятия, сделавшиеся как бы неотделимыми одно от другого, как бы синонимы.*

Сколько ни было со стороны римских пап попыток подчинить себе русский народ, попыток, неизменно и настойчиво повторявшихся

чуть ли не при каждом великом князе и государе с самыми льстивыми обещаниями и предложениями, они всегда решительно отменялись. «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем», — так, например, отвечал в 1251 году папе Иннокентию IV святой благоверный князь Александр Невский в ответ на приглашение его вступить под сень римского престола, взамен чего обещалась ему помощь против татар: крестовый поход для освобождения русского народа от татарского ига — предложение, казалось бы, столь соблазнительное после пережитых от татарского нашествия бедствий и тяжкого гнета татарской неволи.

Достойно примечания, что на Русской земле долгое время не появлялось никаких ересей и сект вплоть до второй половины XIV века, когда возникла весьма кратковременная ересь стригольников, и второй половины XV века, когда явилась уже более опасная ересь жидовствующих, занесенная к нам из-за границы евреем Схарией.

И все позднейшие еретические учения и секты заносились к нам неизменно с Запада. На русской почве, в собственном смысле, никогда не зарождалось никаких лжеучений вплоть до возникновения так называемого «раскола» в XVII веке, но это уже совсем особое явление. Этот раскол возник именно на

почве исключительной любви и преданности православной вере, которой, как казалось последователям раскола, угрожала опасность извращения. Раскольники, как это ни звучит парадоксально, откололись от Святой Православной Церкви *во имя чистоты Православия*, ревнуя о чистоте и неповрежденности святой православной веры, хотя они были неправы в своей чрезмерной привязанности к букве, к испорченным текстам и обрядам, заключавшим в себе нередко вполне еретические мысли, благодаря своей «простоте и невежеству» (как охарактеризовал сущность раскола великий Московский Собор 1666—1667 гг.), однако, по существу ими руководило доброе чувство, доброе стремление — спасти русский народ от все более и более вторгавшихся в его жизнь глубоко противных и враждебных духу святого Православия западноевропейских новшеств. И, конечно, как показала вся дальнейшая история русского народа вплоть до наших трагических дней, безусловно правы были эти раскольники, восставая резко против тех реформ Петра I, которые были направлены к искоренению русского православного быта и вековых традиций и установлений Православной Церкви, тех поистине губительных, как это ясно стало теперь, его мероприятий, которые потрясли самые основы подлинно

православного благочестия и этим самым подготовили почву для торжества безбожного материалистического учения марксо-коммунизма на нашей несчастной, сбитой с ее прямого исторического пути Родине.

И в дальнейшем все лжеучения и так называемые секты возникали на Русской земле почти исключительно под влиянием нездоровых мистических идей западного сектантства, а некоторые и полностью транспортировались с Запада благодаря приезжавшим в Россию западным сектантским проповедникам, ревностно старавшимся о насаждении у нас сектантства.

Но необходимо отметить, что до самого последнего времени русский народ все же в значительной массе своей оставался верен святому Православию и даже при самых неблагоприятных условиях боролся за чистоту святой православной веры. Достаточно вспомнить, как была принята у нас народом так называемая живая церковь, а затем обновленчество, которые сами собой постепенно ликвидировались. А сектантство имело успех и распространение исключительно среди тех русских людей, которые в силу особых условий своей жизни не получили с детства прочных основ правильного воспитания и образования в православном духе, лиц,

не знавших Православия. В частности, главным образом по этой именно причине сектантство особенно распространилось в годы большевизма.

Здесь нельзя не вспомнить, как этот священный завет верности святому Православию трогательно хранился в течение ряда столетий среди русского народа, насильственно отторгнутого от России, в так называемой Прикарпатской Руси, где, несмотря на страшный вековой гнет и преследования поработителей, светоч святого Православия был с благоговейной любовью донесен народом до наших дней и где понятия «Православие» и «русскость» лучшими сынами этого народа рассматривались как однозначные.

И до настоящего времени подлинно русские люди, не утратившие своего национального чувства и любви к своей родине и своему народу, чутки к вопросу о чистоте святого Православия. Они органически не переносят, ибо души их не приемлют, никаких новых веяний и идей, пропагандируемых разными новаторами и модернистами, пытающимися, как они иногда выражаются, внести новую, «живую» струю в якобы омертвевшее или устаревшее древлеотеческое учение Святой Православной Церкви. Души таких преданных святому Православию русских людей сразу чувствуют

фальшивые нотки в этой модернистической пропаганде, даже если они по недостатку богословского образования бывают не в состоянии сразу определить и указать, в чем именно заключается их ложь.

Православие всегда было душой русского народа. Святой православной вере обязан русский народ всем, что есть у него подлинно великого, возвышенного и святого. А потому только тщательное исполнение второго завета святого князя Владимира о верности святому Православию способно возродить русский народ, а через него и все человечество. Нынешнее русское рассеяние несомненно возлагает на русских людей, находящихся за рубежом своей родины, великую миссию ознакомления с Православием всех инославных и иноверных народов. В этом оправдание и смысл нашего пребывания за границей. Но для выполнения такой важной и ответственной миссии мы сами должны стать строгими ревнителями подлинного Православия без тени какого бы то ни было еретического мудрования или модернизма. И к этому зовет нас теперь через даль веков наш великий просветитель и духовный вождь, святой равноапостольный князь Владимир.

Каков же *третий* завет нашего просветителя? Он выражен в его молитве за себя

о даровании ему победы над бесплотным врагом, конечно, всю злобу свою пытавшимся излить на него за его великое дело отторжения целого народа из его сатанинской области тьмы: *«...и мне помози, Господи, на супротивного врага, да надеясь на Тя и на Твою державу, побежю козни его»*. Здесь заключается священный завет неустанной борьбы с врагом Божиим и врагом человеческого спасения — диаволом (и, конечно, с его исчадиями и верными слугами и приспешниками) — вплоть до окончательной победы над ним при помощи Божией. Важно отметить слова: *«надеяся на Тя и на Твою державу»*. Они исключают, в полном согласии со словом Божиим и святоотеческими наставлениями об этой борьбе, или так называемой «невидимой брани», всякое самонадеяние, всякую самоуверенность. Мы должны неустанно бороться с врагом нашего спасения, но *победить в этой борьбе мы сами, своими собственными силами не можем: побеждает лишь наша надежда на Бога и на Его державу*. Это мы всегда должны помнить, как и то, что всякое самонадеяние в этой брани всегда посрамляется и карается неминуемым поражением нашим и торжеством врага. Нужно ли говорить о том, как глубоко воспринял православный русский народ этот великий завет своего просветителя и началовождя в этой священной борьбе с диавольским злом!

Уже одно то, как популярен стал идеал аскетического христианства в среде русского народа вскоре же после принятия им святого крещения, необыкновенный расцвет монашества, давший Вселенской Церкви подвижников, подобных великим христианским аскетам и отцам древности, ярко свидетельствует о том, что русский народ твердо усвоил себе правильные начала и методы невидимой брани. Но эту борьбу с «супротивным врагом» и происходящими от него всеми видами зла русский народ перенес и в сферу общественной и государственной жизни. Православный русский человек до самого последнего времени всегда был непримирим ко злу, а если и случалось ему падать, поддаваясь обольщениям этого зла, то он умел поражать всех необычайной силой и глубиной своего искреннего покаянного чувства. Умеv согрешить, русский человек подлинно умел и покаяться. И в этом была особенность и величие нашего православного русского духа.

Непримиримая борьба со злом во всех его видах и проявлениях — вот лозунг, типичный для православного русского человека на протяжении всей его почти тысячелетней истории. Во имя этой борьбы со злом за *правду Божию* велись у нас и все войны — сначала за веру православную, за дом Пресвятой

Богородицы, позже — за веру, царя и Отечество. Вспомним замечательную речь святого благоверного великого князя Александра Невского, обращенную к его малочисленной дружине перед битвой со словами: «Братия, нас немного, а враг силен, но *не в силе Бог, а в правде...* Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог!»

Глубоко чужда была русскому человеку всякая идея какого бы то ни было компромисса со злом. Он всегда чувствовал душой своей ее фальшь и неправославность и горячо восставал против нее. Вспомним хотя бы, как решительно отверг наш страстотерпец святой благоверный Черниговский князь Михаил уговоры бояр исполнить требования жрецов ради сохранения своей жизни, нужной его подданным, с обещанием даже взять епитимью на себя за его грех; вспомним, как пожертвовал собой великий Московский святитель Филипп, не желавший примириться с опричной царя Грозного; вспомним, какую подлинно самоотверженную стойкость и твердость в борьбе за веру и родину проявил священномученик Гермоген, патриарх Всероссийский, не шедший ни на какие компромиссы с поляками, уже засевшими в Кремле, хотя он и находился в их власти. А как мужественно оборонялась Троицко-Сергиевская лавра, ставшая на

время из иноческой обители как бы военной крепостью!

Все это — примеры весьма поучительные для нас, для нашего шаткого времени, времени малодушия и всяческих компромиссов со злом даже лиц, прямо не угрожаемых со стороны этого зла!

Забвение русскими людьми этого третьего священного завета святого равноапостольного князя Владимира началось с тех же злосчастных петровских реформ — резания бород, заведения так называемых ассамблей с легкомысленным времяпрепровождением на них, а затем — и проникновения с Запада идеи сентиментального «розового» христианства, проповедовавшего в духе протестантизма легкость спасения без всяких подвигов борьбы с бесплотным врагом, ненужность христианской аскетики и чрезмерно любвеобильное отношение ко всему, не исключая даже антихристианства, той мнимой христианской любви, которая превышала любовь Христову и была готова идти на любой компромисс со всяким видом зла. На этой именно почве прелестного, извращенного христианства и выросло толстовское учение о непротавлении злу, подготовившее почву для торжества подлинно сатанинского зла на нашей родине. И теперь, к глубокому прискорбию,

приходится отметить, что это же толстовское непротивление злу проповедуется до сих пор во многих, даже некоторых церковных кругах нашего Зарубежья под благовидным лозунгом невмешательства Церкви в политику, как будто борьба с явно сатанинским злом есть предосудительное для верующего церковно настроенного христианина занятие политикой?! Что же? Неужели и святой благоверный князь Александр Невский, и преподобный Сергей Радонежский, и великие святители Московские Петр, Алексий, Иона и Филипп, и священномученик патриарх Гермоген были политиканами? Да и вся история нашей Русской Православной Церкви, неразрывно связанная с историей Российского государства, разве не свидетельствует самым красноречивым образом о том, что для русского православного человека непримиримая и бескомпромиссная борьба со злом во всех видах его проявления, как в личной, так и общественной и государственной жизни, есть *священный долг, завещанный русскому человеку его святыми предками* — угодниками Божиими, в земле Российской просиявшими, — а не предосудительное занятие политикой?! Такие чрезмерно любвеобильные христиане и враги политики должны были бы, по всей справедливости, пересмотреть свое отношение

к святым угодникам Божиим, в земле Российской просиявшим, и *последовательно отречься от них и от всего великого прошлого нашей родины*, вдохновенного и порожденного благодатным воздействием и руководством этих духовных светил Русской Православной Церкви, никогда не отмежевывавшейся от общественной и государственной жизни своего народа, но бывшей его подлинной душой и совестью.

Итак, если мы желаем быть верными третьему завету нашего великого просветителя и всему великому прошлому нашей родины, олицетворенному в святых угодниках Божиих, в земле Российской просиявших, для нас возможен один-единственный путь — *путь бескомпромиссной непримиримости с сатанинским злом, исключаящий, конечно, мнимохристианское лобзание с антихристом, ибо «кое общение свету ко тьме? Кое же согласие Христови с Велларом? Или кая часть верну с неверным?»* (2 Кор 6, 14, 15). И это путь, конечно, подлинно христианский, подлинно церковный, как основанный на слове Божиим и примере многочисленных угодников Божиих, прославленных Церковью именно за этот путь!

Вот сколь глубока и содержательна замечательная, хотя столь краткая и несложная по внешности и форме, Самим Богом вдохновленная молитва нашего крестителя и просветителя,

святого равноапостольного великого князя Владимира, которую произнес он в великий и священный момент крещения русского народа! Эту молитву надлежало бы знать наизусть каждому православному русскому человеку, а вытекающие из нее заветы глубоко запечатлеть в своем сердце и сделать их программой своей жизни, как личной, так общественной и государственной.

Великое наше несчастье в том, что русский народ не устоял в верности этим великим заветам, поддался обольщениям вражьиим, свернул со своего прямого законного исторического пути, и результатом этого явились великие бедствия и потрясения, пережитые нами, а теперь даже угроза гибели всему человечеству. Поэтому для спасения как русского народа, так и всего человечества надо оставить всякую политику, в том числе и лукавую политику непротивления злу, и начертать на знамени своем единственно эти три великих лозунга, заветанных нам нашим просветителем: *богопознание, верность святому Православию и непримиримая борьба с сатанинским злом* при всецелом уповании лишь на *помощь Божию*, которая тогда не замедлит явиться.

Проповеди

Сорокалетие безмерного падения и неслыханных страданий

Приближается страшная для нашей Родины России дата — 25 октября ст. ст. И в этом году (1957-м. — *Прим. ред.*) исполняется ровно сорок лет с этого зловеще-жуткого дня, когда так ярко проявилось безмерное падение русского народа, повлекшее за собой неслыханные страдания его.

Мы подчеркиваем — *безмерное* падение и *неслыханные* страдания. Ибо не найти в истории человечества другого такого примера, когда бы такой могущественный многомиллионный народ, занимавший шестую часть света и удостоенный от Бога великой чести быть хранителем единой истинной веры — оплотом святого Православия, так низко

пал и подвергся бы за это таким тяжким страданиям, которых и вообразить себе не может тот, кто их не испытал.

Какова причина этого? И можно ли было избежать тогда, в 1917 году, этой страшной, беспрецедентной в истории катастрофы принятием тех или иных внешних мер, как это думали и до сих пор продолжают думать многие общественные и политические деятели?

Ответ на этот столь важный и существенный вопрос дает нам единственная историческая параллель, которую мы можем провести, пытаясь найти хотя бы некоторое подобие нашей российской катастрофы в минувшей истории человечества.

Судьбы русского народа в очень многом чрезвычайно сходны с судьбами избранного Богом в Ветхом Завете народа еврейского. Как евреи в ветхозаветной истории человечества были хранителями единой истинной веры — веры во Единого Бога, так и русский народ, со времени принятия им христианства, был хранителем и твердым оплотом для всего мира единой истинной веры — веры православной. Среди все более и более охватывавшего весь остальной мир отступления от истинного христианства и явного нечестия и богоборчества только русский народ

долгое время сиял своим истинно христианским благочестием и был подлинно *Святою Русью, народом-богоносцем*, а русские государи, будучи верными и преданными сынами Святой Православной Церкви, являлись вместе с тем высокими державными защитниками и покровителями Православия во всем мире. Как на таковых на них всегда смотрели все прочие православные народы и в трудные моменты своей жизни от них ожидали себе помощи и поддержки.

«Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры» — так говорил великий праведник и чудотворец нашего времени отец Иоанн Кронштадтский. Он же во многих своих вдохновенных речах и поучениях, как и другой великий духоносный муж, современный ему, святитель Феофан Затворник, Вышенский, утверждал, что «удерживающим», который не дает до времени явиться антихристу (см.: 2 Фес 2, 7), является не кто иной, как самодержавный русский царь.

Из всего вышесказанного должно быть ясно, какое важное значение имели и *для русского народа* все те грозные предостережения, какие делал Господь в Ветхом Завете Своему избранному народу.

Вот они, эти предостережения, которым — увы! — на беду свою, не внял до конца ветхозаветный Израиль:

«Твердо храните заповеди Господа, Бога вашего, и уставы Его и постановления, которые Он заповедал тебе» (Втор 6, 17).

«Берегись, чтобы ты не забыл Господа, Бога твоего, не соблюдая заповедей Его, и законов Его, и постановлений Его... Смотри, чтобы не надмилось сердце твое (от земного благосостояния) и не забыл ты Господа, Бога твоего... Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, и пойдешь вслед богов других, и будешь служить им и поклоняться им, то свидетельствуюсь вам... что вы погибнете» (Втор 8, 11, 14, 19).

«Если... будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его... то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли; и придут на тебя все благословения сии... И увидят все народы земли, что имя Господа [Бога твоего] нарицается на тебе, и убоятся тебя. И даст тебе Господь [Бог твой] изобилие во всех благах... Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его... то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя... Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих... доколе не будешь истреблен, — и ты скоро погибнешь

за злые дела твои, за то, что ты оставил Меня» (Втор 28, 1–2, 10–11, 15, 20).

А вот и чрезвычайно знаменательные, конкретные указания бедствий, какие постигнут избранный народ Божий за богоотступничество:

«Дом построишь, и не будешь жить в нем; виноградник насадишь, и не будешь пользоваться им. Вола твоего заколют в глазах твоих, и не будешь есть его; осла твоего уведут от тебя и не возвратят тебе; овцы твои отданы будут врагам твоим, и никто не защитит тебя. И сойдешь с ума от того, что будут видеть глаза твои» (Втор 28, 30–31, 34).

«За то, что ты не служил Господу Богу твоему с веселием и радостью сердца, при изобилии всего, будешь служить врагу твоему... в голоде, и жажде, и наготе и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя» (Втор 28, 47–48).

А вот и еще замечательное пророчество, буквально над евреями исполнившееся, и нам, русским людям, в изгнании и рассеянии сущим, особенно близкое и понятное:

«И рассеет тебя Господь [Бог твой] по всем народам, от края земли до края земли... Но и между этими народами (ты) не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей, и Господь даст тебе там тревожащее сердце, иставание очей и изнывание души;

жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей» (Втор 28, 64—66).

И как величественно-вразумительно звучали заключительные слова этого грозного предостережения Божия:

«Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих» (Втор 30, 19—20).

Как поразительно точно исполнилось все вышеизложенное на судьбе ветхозаветного избранного народа Божия — народа израильского, и как замечательно сходна с ним судьба нашего русского народа — избранника Божия в Новом Завете!

Уже из одних этих вышеприведенных мест Священного Писания, ясно видно, что *единственная основная причина страшного бедствия, постигшего русский народ, — в том, что он не устоял на высоте своего призвания и отступил от Бога*, подобно ветхозаветному Израилю. Обратим внимание на то, как даже отдельные мелкие черты этого бедствия, столь предусмотрительно перечисляемые словом Божиим, буквально исполнились и на нас, русских людях: и потеря всех видов имущества, и всевозмож-

ные ужасы, способные довести человека до потери рассудка, и голод, и холод, и гнетущее рабское состояние, и постоянный страх за свою жизнь, и, наконец, — рассеяние по всем народам земли.

Вспомним и то, что еще задолго до страшной даты 25 октября 1917 года многие великие духоносные мужи предупреждали русский народ о надвигающейся на него каре Божией за богоотступничество. Сколько было таких прозорливых праведников и среди благочестивых мирян, и среди иноков-подвижников, и среди исполненных духа истинной ревности пастырей и великих наших святителей, которые ужасались, духовным взором своим прозревая ту страшную кровавую бездну, в которую несется начавший все более и более отступать от Бога и от Церкви православный русский народ! И не только прозревали, а и открыто это высказывали, призывая русских людей к образумлению.

Из таковых особенно замечательны почти современные друг другу подлинно великие праведники и молитвенники: преосвященный Феофан Затворник, Вышенский (1815—1894) и приснопамятный протоиерей Иоанн Кронштадтский (1829—1908). Оба они во второй половине XIX и начале XX столетия с великою

силою являли собой обреченной, все более и более погружавшейся в нечестие России как бы грозных пророков Божиих, проповедующих истину, обличающих ложь, призывающих к покаянию. Оба они предрекали близкую неизбежную кару Божию как естественное следствие измены православных русских людей Богу, измены святому Православию, отступления от Церкви, попрания священных церковных заветов и установлений.

Замечательно, что святитель Феофан говорил о неизбежности страшной кровавой революции в России, «если все пойдет *таким* путем», еще в 60-х годах XIX столетия. Вот его подлинные слова: *«Воды потопного нечестия устремляются на нас и готовы поглотить всех нас»,* ибо *«ныне начинает господствовать водворяться среди нас дух мира — тот дух, который побежден Господом Иисусом Христом и должен быть побеждаем силою Его и чрез нас».* *«Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осмнадцатого века (намек на великую французскую революцию) со всеми его ужасами»* (Слова на торжественные дни. С. 262, 187).

Совершенно согласно со святителем Феофаном, много лет позже, и отец Иоанн Кронштадтский предупреждал: *«Царство русское ко-*

леблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие, за свои беззакония» (Слово на 1907 г.).

«Кайтесь, кайтесь!» — пламенно взывал в одной из своих проповедей отец Иоанн. — Приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете».

Все это, как мы видим, исполнилось.

И каким жалким, наивным детским лепетом представляются нам после всего этого самоуверенные утверждения некоторых политических и общественных деятелей, что если бы, мол, приняты были те или другие меры, осуществлены такие-то и такие-то необходимые, по их мнению, реформы, то революции и последовавших за нею кровавых бедствий не было бы.

Революция, и притом такая, какая она была, — страшная, кровавая, неизбежно должна была бы быть, поскольку не было вразумления у русского народа, зарвавшегося в своем отступлении от Церкви, в своем безумном богоборчестве. А это отступление от Церкви, это

безумное богоборчество началось, хотя и не всегда смело себя открыто проявлять, еще задолго до 25 октября 1917 года. В 1917 году произошло лишь то, что давно готовилось, давно назревало, — как бы некое извержение вулкана, которое бесполезно было бы стараться пресечь чисто внешними мерами.

Могли быть лишь одни средства к пресечению постигших Россию кровавых ужасов — средства духовно-благодатные, но к ним не пожелали прибегнуть: столь далеко зашло отступление русского народа во всех его слоях от Церкви!

И Россия должна была естественно испить до дна чашу праведного гнева Божия.

Но почему именно России выпал такой тяжкий жребий — испытать все эти ужасы, которые, как показало истекшее сорокалетие, действительно превзошли всякое человеческое представление?

По слову Писания: «Кому много дано, с того больше и взыщется» (см.: Лк 12, 48).

Сколькими благодатными сокровищами наделил Господь Россию, даровав ей величайшее в мире сокровище — чистую и неповрежденную святую православную веру, сделав ее «Святою Русью», «Домом Пресвятой Богородицы», сколько дивных знамений показал над

нею, «избавляя ее от врагов сильнейших и покая ей народы», «сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения — в святых мощах и чудотворных иконах», и «однако ж, — как отмечал это еще в конце прошлого столетия святитель Феофан, — россияне начали уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падала в неверие, другая отпадала в протестантство, третья начала тайком сплетать свои верования, в которых думала совместить и спиритизм и геологические бредни с Божественным Откровением»... И вот — *«зло растет»*, — скорбел святитель Феофан, — *зловение и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образуемся? — и будет, наконец, то же и у нас, что, например, было у французов (то есть революция) и других»* (Мысли на каждый день года. С. 187—188).

Кажется, сказано ясно!

Революция в России произошла потому, что темные духи зла в своей упорной вековой борьбе с Богом не могли не употребить всех своих вышеестественных усилий для того, чтобы сломить такой оплот истинной веры на земле, которым была Святая Русь. С другой стороны, и русский народ-богоносец не мог не понести самой тяжелой кары Божией за свою измену Богу.

Вот и наступил столь страшный для русского народа день 25 октября 1917 года!

Где же теперь искать спасения? И не только для русского народа, а и для всего человечества, судьбы которого ныне так тесно связаны с судьбами русского народа?

И на это мы находим ясный ответ все у тех же прозорливых мужей, предрекших постигшее нас бедствие.

Спасение наше в том, чтобы *осознать* все происшедшее *так, как оно есть*, и не строить себе никаких иллюзий и воздушных замков. Необходимо понять, что кровавые ужасы попущены нам Богом как очистительный огонь, что они имеют промыслительное значение, как все страдания, которым попускает Бог подвергнуться человеку для его спасения. «Душа, закосневшая во грехах всякого рода, — говорит отец Иоанн Кронштадтский, — нелегко поддается чистке и врачеванию... Господь, как искусный Врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле» (Новые слова. С. 5).

Горе нам, если мы этого не понимаем! Горе нам, если мы будем чрезмерно увлекаться поисками чисто внешних причин русской революции вроде несовершенства прежнего со-

циального и политического строя, каких-нибудь ошибок экономики, или недостатков техники, или чего-либо подобного!

Не о политических программах, в первую очередь, должны мы думать, и не организацией политических партий, всегда вносящих разделения и раздоры, должны мы, православные христиане, заниматься. *Никакие политические партии и никакие политические программы, сколь бы они ни прекрасны были сами по себе, не спасут нас, если мы будем продолжать жить без Бога, изменять святому Православию и попира́ть уставы Святой Церкви. Спасение России, а с нею и всего остального человечества, от конечной гибели не придет иначе, как только через решительное, коренное отстранение всех тех причин, которые привели Россию к постигшей ее страшной кровавой катастрофе 1917 года. И в этот страшный день подлинно сатанинского беснования, охватившего нашу несчастную родину и заковавшего весь русский народ на целые сорок лет в рабские кровавые цепи, мы все должны особенно внимательно прислушаться к пламенному призыву нашего великого все-российского пастыря:*

«Нужно нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские. Омоемся слезами покаяния,

очистимся, примиримся с Богом, и Он примирится с нами!» (Слово о. Иоанна Кронштадтского на 1 марта 1881 г.).

1957

Религиозно-мистический смысл убийства царской семьи

Страшная ночь!.. Этой наступающей ночью исполняется точно 54 года со страшного злодеяния, которое совершилось на Русской земле при попустительстве православного русского народа; увы! как это ни страшно, как это ни больно, как это ни скорбно сознавать!

Слабое утешение для нас в том, что непосредственное убийство царской семьи совершено было не русскими руками — руками неправославных и нерусских людей. Хотя это и так, но весь русский народ повинен в этом ужасном, беспримерном злодеянии, поскольку не противостоял, не воспрепятствовал ему, а вел себя так, что это злодеяние явилось естественным выражением того настроения, которое к этому времени созрело в умах и сердцах

несомненного большинства несчастных заблудившихся русских людей, начиная с «низов» и кончая самыми «верхами» — высшей знатью. Злодеяние это — совершенно беспрецедентное в истории не только России, но и всего человечества по своему крайнему напряжению злых сил, по своей невероятной, можно сказать, даже бессмысленной жестокости, если принимать особенно во внимание, что был убит, без всякого суда и следствия, не только ни в чем не повинный наш царь-государь, но и вся его семья — чистые, невинные дети и преданные ему всем сердцем верные слуги. Трудно себе даже вообразить, что было в жестоких сердцах этих лютых кровожадных убийц, потерявших и совесть, и стыд, и всякое человеческое подобие.

Весь русский народ несет вину за этот тяжкий грех, совершившийся на Русской земле. Но, увы, вот прошло уже 54 года, а далеко не все русские люди сознали всю тяжесть и губительность этого страшного греха! Многие до сих пор с удивительным легкомыслием относятся к этому страшному событию, а есть и такие, которые доселе еще носят в своих душах отраву, приведшую нашу несчастную Родину Россию к этому жуткому преступлению.

А между тем, казалось бы, все православные русские люди, после всего ими пережитого с тех пор, должны были бы окончательно прозреть и дать должную оценку всему происшедшему — всему кровавому бедствию, постигшему нашу Родину в результате страшного греха цареубийства. Мало того, некоторые даже пробуют нас осуждать за служение нами панихид по убиенной царской семье, говоря, что мы «занимаемся политикой». Служение нами панихид по царской семье — это акт несколько не политический, а чисто духовный, религиозно-мистический, как и самое убийство царской семьи тоже не было обычным политическим актом, как убийства многих других монархов, президентов, министров и разных высокопоставленных лиц. Нет! Это убийство носило совершенно особый характер, о чем свидетельствует хотя бы надпись — каббалистическая надпись, обнаруженная на стенах подвала Ипатьевского дома, где совершено было это страшное убийство, — убийство, имевшее чисто мистическое, а отнюдь не политическое значение и смысл.

Это убийство было продумано и организовано не кем другим, как слугами грядущего антихриста — теми продавшими свою душу сатане людьми, которые ведут самую напря-

женную подготовку к скорейшему воцарению в мире врага Христова — антихриста. Они отлично понимали, что главное препятствие, стоявшее им на пути, — это православная царская Россия. А поэтому надо уничтожить Россию православную, устроив на месте ее безбожное богоборческое государство, которое бы постепенно распространило свою власть над всем миром. А для скорейшего и вернейшего уничтожения России надо было уничтожить того, кто был живым символом ее, — царя православного, нашего благочестивейшего государя, который был поистине благочестивейшим, — не только потому, что такова была формула поминовения его за богослужением, но и по особенному действительно благочестивому настроению его подлинно христианской души. Вот почему так ненавидели его особенной лютой ненавистью все эти сатанисты — слуги антихриста, скрежетали зубами на него, клеветали...

Увы! До настоящего времени этим клеветам кое-кто еще верит, особенно из числа наивных распропагандированных иностранцев. Но как это странно, когда и русские люди иногда повторяют эти гнусные, отвратительные клеветы о нашем милостивейшем, добрейшем, гуманнейшем царе, подлинном христианине.

Такова была и вся его благочестивая семья. Государыня императрица, которую так гадко и несправедливо порочили, была высоконравственной женщиной, настоящей русской патриоткой и глубоко верующей православной христианкой. В таком же точно духе они воспитывали и своих царственных детей. Нам известно, что в царском дворце порою ежедневно совершалась Божественная литургия, о чем свидетельствуют духовники царской семьи, причем сама государыня императрица и четыре великие княжны пели всю литургию на клиросе сами и со слезами всегда исповедывались. Вот сколь велико было благочестивое, истинно христианское настроение их душ! А эти изверги рода человеческого уготовили для них такую ужасную, жестокую, мучительную смерть. Поистине, только сам сатана мог так ополчиться со всею своею злобою на эту благочестивейшую семью — только потому, что она была символом Православной России, символом Святой Руси, которая была оплотом истинной, православной веры для всего мира, для всего человечества.

Наш великий всероссийский праведник святой Иоанн Кронштадтский неоднократно высказывался прямо и решительно, что до тех пор антихрист не придет, пока существует

в России самодержавная царская власть, которая «сдерживает бесчинное шатание безбожников». А когда царя не будет, тогда антихрист и явится. Провидел наш великий праведник эти страшные времена, хотя и не дожил до них: все это случилось сравнительно скоро после его праведной кончины († 1908). Когда однажды приехали к нему благочестивые богомольцы из Перми, он встретил их непонятным, загадочным заявлением: «Над Пермью повис черный крест!» Они поняли, что это обозначало, только после ужасного события царевубийства в 1918 году, ибо город Екатеринбург, где совершилось это страшное злодеяние, входил тогда в состав Пермской губернии. Когда затем святой праведный Иоанн служил в подворье Леушинского монастыря, он начал во время своей проповеди взывать: «Кайтесь! Кайтесь! Наступает страшное время — такое страшное время, что вы и представить себе этого не можете!» — «Когда это будет?» — спросила его восьмидесятилетняя старица игуменья Таисия. «Мы с тобой, матушка, не доживем до этого, — сказал святой Иоанн, — но вот они, — он указал на более молодых монахинь, — они доживут!»

Конечно, нам теперь понятно, о каких это страшных временах предрекал наш великий

праведник. Увы! Все это случилось только потому, что православные русские люди не обращали внимания на пламенные призывы своего праведника, который часто в своих проповедях взывал: «Нам необходимо всеобщее нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские. Очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом, и Бог примирится с нами!»

Этого всеобщего нравственного очищения, этого всенародного глубокого покаяния не последовало. Не видно его — увы! — и до настоящего времени! И в этом — единственная причина, почему, несмотря на горячее желание многих из нас, несмотря на наши молитвы, не приходит до сих пор спасение нашей Родины России.

Без покаяния нет спасения — так в один голос утверждали многие святые отцы Церкви и святые подвижники благочестия.

И пока мы не образумимся полностью и не принесем настоящего покаяния Богу, до тех пор мы не можем рассчитывать ни на что хорошее, ни на что подлинно доброе: зло будет только все более и более усиливаться и сгущаться в мире, пока не придет страшная пора явления антихриста, признаки близкого при-

шества которого становятся столь явными и очевидными, что только духовные слепцы этого не видят или — вернее — не хотят видеть и замечать.

Вот почему нынешний наступающий день объявлен нашей высшей церковной властью «Днем русской скорби» и в этот день назначен строгий пост. Это день глубокого всенародного покаяния, к которому напрасно в свое время призывал нас великий всероссийский праведник.

Вот почему по окончании этой панихиды мы, по постановлению нашей высшей церковной власти, читаем особую, с покаянным коленопреклонением, покаянную молитву, слова коей заимствованы из молитвы трех отроков, находившихся в плену Вавилонском.

Очистимся же с вами, братие! Омоемся слезами покаяния, оставим нравы языческие и постараемся приобрести нравы христианские, примиримся с Богом: оставим нашу взаимную злобу, зависть, клевету и ненависть, проникнемся, по заповеди Христовой, чувством истинно христианской любви к ближнему, возлюбим паче всего на свете нашего любящего Творца и Отца — Бога и нашу мать — Святую Церковь, без чего безнадежно рассчитывать нам на какое бы то ни было лучшее

будущее, без чего не воскреснет наша несчастная Родина Россия и без чего весь мир ожидает несомненно надвигающаяся на него страшная погибель. Аминь.

1972

Июль — месяц русских святых

Изобиловала когда-то Русская земля святыми угодниками Божиими — «именитыми и безыменными», «явленными и неявленными», знаемыми и незнаемыми, прославленными и еще только ждущими своего официального прославления на земле, хотя и несомненно прославленными у Бога на небесах. Вторая Неделя по Пятидесятнице так и посвящается памяти всех святых в земли Российской просиявших. И почти нет дня в году, когда бы не славилась память того или другого из этого славного сонма духовных питомцев Святой Руси. Но особенно богат этими празднованиями месяц июль, когда прославляются памяти наиболее славных, чтимых и любимых угодников Божиих, вышедших из среды нашего православного русского народа. Отметим здесь

только тех из них, которые более всего дороги и близки сердцу русского человека как основоположники Святой Руси и выразители духа ее.

Так, 3 июля празднуется перенесение мощей священномученика Филиппа, митрополита Московского и всея России, который не убоился всенародно в Успенском соборе обличить самого Грозного царя за пролитие невинной крови. Какой это яркий образ — обличительный урок для тех архипастырей, которые молчат там, где святой долг служения правде Божией повелевает им говорить! Нетленное тело этого великого святителя было торжественно прославлено многочисленными чудесами исцелений при перенесении его из Соловецкого монастыря в Москву, где оно было положено в серебряной раке в том самом Успенском соборе, стены которого были безмолвными свидетелями его самоотверженно-го бесстрашного подвига (1652).

В тот же день вспоминается преставление блаженного Иоанна, юродивого Московского, который ходил полунагой, носил на себе тяжелые железные вериги и на голове большой железный колпак. За свою святую жизнь был удостоен дара прозорливости и чудотворений и предрек свою смерть, указав место

своего погребения в московском Покровском соборе. Стяжание высшей христианской добродетели смирения чрез подвиг юродства во Христе стало особенно близким душе русского человека, и потому у нас явилось немало таких юродивых во Христе, которых очень чтит русский народ, чувствуя величие их духа, оказавшегося способным поправить свою гордыню — этот источник и корень всех греховных страстей (†1589).

В этот же день празднуется память святых благоверных князей Ярославских Василия и Константина Всеволодовичей, по-христиански безропотно переносивших множество скорбей, выпавших на их долю, и, как истинные христиане, отечески управлявших своими подданными. Святые мощи их сохранились нетленными и источали многие исцеления. Где теперь такие правители и вожди народные, которые были бы проникнуты подлинно христианским духом и искали бы не своей выгоды, а блага народа?! (†1249 и 1257).

И еще в тот же день наша Святая Церковь славит преподобных Иоанна и Лонгина, Яренских чудотворцев, бывших учениками святителя Филиппа, тогда игумена Соловецкого. Проводя свою жизнь в посте и внимании к своей совести, они являли собою образцы смирения

и послушания, главных добродетелей христианских, столь чуждых современному человеку, исполненному гордыни и самочиния. Множество чудес совершалось от их святых мощей (†1638).

И в тот же день память преподобного Никодима Кожеозерского, прожившего тридцать пять лет пустынножителем в полном безмолвии, творившего многие чудеса и чудесно уведоженного о приближении своей кончины святителем Алексием Московским и преподобным Дионисием (†1540).

5 июля празднуется обретение честных мощей преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца (1422) — «игумена земли Русской», одного из главных основоположников Святой Руси, «печальника и стоятеля за землю Русскую», преставление которого Святая Церковь славит 25 сентября (†1392). По смерти своих родителей он, еще юношей, презрев «тленную славу», «мира красоту и сладость временную» и больше всего на свете возлюбив «монашеское житие», родительское наследство отдал своему младшему брату Петру, а сам ушел в непроходимую чащу леса в десяти верстах от местечка Радонеж вместе с овдовевшим братом своим Стефаном, который скоро

ушел от него в благоустроенный монастырь. Юный подвижник остался совершенно один в дремучем лесу, терпя все невзгоды и трудности, лишения и искушения пустынного жития. Только медведь посещал его, с которым он делился последним куском хлеба, оставаясь сам подолгу без пищи. Прослышав о его подвижнической жизни, к нему стали собираться иноки, желавшие служить Господу Богу под его руководством. И вот на месте смиренных подвигов этого дивного подвижника выросла величественная Троице-Сергиева лавра, которая сделалась духовным оплотом Московской Руси. Преподобный Сергей уходил от мира, но мир шел за ним, чувствуя в нем великую духовную силу. Получая множество пожертвований от богатых и знатных людей, лавра все ширилась и укреплялась, а в годы народных бедствий кормила голодающих, давала приют сирым и убогим, спасала Отечество от нападавших врагов, особенно в так называемое Смутное время. Сам преподобный Сергей для себя не искал ничего, вел бедную трудовую жизнь и решительно отказался от сана митрополита всея Руси, когда митрополит Московский Алексей хотел сделать его своим преемником. За свою святую жизнь преподобный Сергей сподобился дара прозорливости и чу-

дотворений, а под конец жизни удостоился явления Божией Матери, в сопровождении святых апостолов Петра и Иоанна, Которая утешила его обещанием покровительства основанной им обители и предрекла ее процветание. Через 30 лет после преставления святые мощи его были обретены нетленными (1422) и доныне почивают в Троицком соборе, служа неиссякаемым источником утешений и исцелений для всех стекающихся со всех концов Русской земли благочестивых богомольцев — даже доныне.

В день 6 июля чествуется память святой девицы Иулиании, княжны Ольшанской, которая преставилась шестнадцати лет от роду не позднее 1540 года. Ее святые мощи были обретены совершенно нетленными в 1617 году в Антониевских пещерах в Киеве, где она была погребена.

В день 7 июля чествуется преставление благоверной Евдокии, во инокинях Евфросинии, великой княгини Московской (†1407), которая была супругой великого князя Дмитрия Донского, отличалась своей истинно благочестивой жизнью, была как бы матерью для бедных, сострадательной ко всем страждущим, щедро расточала свои средства на строительство, восстановление и украшение

Божиих храмов. Оставаясь внешне княгиней, она была строгой постницей и смиряла себя тяжелыми подвигами. В Москве она основала Вознесенский женский монастырь и незадолго до своей кончины сама приняла в нем иноческий постриг, где и хранятся ее святые мощи. Над гробом ее нередко сами собой загорались свечи.

В день 8 июля наша Русская Церковь празднует событие явления образа Пресвятой Богородицы во граде Казани — одной из наиболее прославленных и почитаемых чудотворных икон, с которой связано великое событие чудесного спасения России от ужасов Смутного времени, грозивших нашей Родине, как казалось, неизбежной гибелью. Эта дивная национальная русская святыня явилась в 1579 году в пепелище сгоревшего дома, как бы в подкрепление веры Христовой среди магометан, населявших столицу недавно покоренного Казанского царства. На месте явления святой иконы был воздвигнут Богородицкий женский монастырь, где и находилась постоянно эта святыня до ее похищения злоумышленниками в 1904 году. Много копий ее также прославились чудесами.

В тот же день празднуется память блаженного Прокопия, Христа ради юродивого, Ус-

тужского чудотворца. Блаженный Прокопий, хотя и не был по своему происхождению русским, но, прибыв в Россию, так пленился святой православной верой, что отказался от папизма и, приняв святое Православие, стал подвизаться. Он отказался от купеческого ремесла, раздал свое имение бедным и вступил в обитель преподобного Варлаама Хутынского. Не удовлетворившись отречением от мира, он удалился в город Великий Устюг, где принял на себя весьма тяжкий подвиг юродства во Христе, проводя ночи в молитве на паперти соборного храма, а днем ходя по городу и представляясь глупцом. Ложился отдыхать то на навозе, то на камне, то на голой земле и нередко в снегу. Бог удостоил его дара прозорливости, и своими молитвами он спас город от каменной тучи, призвав жителей его к покаянию. Преставился в глубокой старости в 1285 году.

В тот же день наша Святая Церковь чествует память блаженного Прокопия Устьянского, подвизавшегося в XVII веке в Вологодской губернии, мощи которого были обретены нетленными и издавали благоухание.

В день 10 июля празднуется память преподобного отца нашего Антония Печерского, бывшего начальником всех российских монахов.

В мире Антипа, родившийся в 983 году в местечке Любеч около Чернигова, он отправился на Афон и там постригся в монахи, подвизаясь в пещере. Игуменом своей обители Есфигменом он был послан в Россию для насаждения в этой новообращенной стране иночества. В 1013 году он поселился на берегу Днепра в пещере и этим положил начало возникновению знаменитой Киево-Печерской лавры, ставшей очагом духовного просвещения для всей Киевской Руси. Скончался в 1073 году, будучи извещен свыше о дне своей кончины. Как он сам при жизни всячески удалялся от людей, «моляся Богу втайне», так и святые мощи его, по соизволению Божию, сокрыты в земле. «Проповедует преславно и паче трубы вопиет священная и великая лавра, тобою начало приимшая, отче преподобне Антоние, всех российских монахов начальниче» — так славит этого великого подвижника наша Российская Церковь.

11 июля чествуется преставление блаженной Ольги, княгини Российской, во святом крещении нареченной Еленой, о которой летописец говорит, что она как «утренняя заря предварила восход солнца», разумея под «солнцем» ее внука — святого равноапостольного князя Владимира, совершившего великое дело

просвещения светом истинной христианской веры всего русского народа. «Величие наше и похвала ты еси, Ольго богомудрая, тобою бо от идольския лести свободихомся, и ныне молися за люди, яже Богу привела еси» — так зовет к ней наша Святая Церковь. «Мудрейшая всех человек», как именует ее летописец, Ольга, по смерти своего мужа князя Игоря, управляла Русской землей. Видя жизнь христиан, бывших в ее время в Киеве, она своим проницательным умом поняла, что язычество не может воспитать таких людей, каковы были христиане, а беседа с христианскими учителями открыла ей всю небесную чистоту и высоту Христова учения, и сердце ее пленилось евангельской истиной. Желая ближе познакомиться с христианством, она в 957 году отправилась в Константинополь, где пробыла около трех месяцев и приняла там святое крещение, причем крестил ее сам патриарх Полиевкт, а восприемником был император Константин Багрянородный. Вернувшись в Киев, она пыталась обратить ко Христу сына своего Святослава, но тот слишком любил воинскую славу и думал только о битвах. И все же он не препятствовал желающим принимать Христову веру. А она, по словам летописца, «молилась за сына и народ свой день и ночь». Прожив после крещения

своего двенадцать лет, Ольга почила в 969 году. Мощи ее были обретены нетленными при внуке ее, святом князе Владимире, который положил их в Десятинном храме. То был первый случай открытия святых мощей на Святой Руси. Но в начале XVIII века, вследствие несчастных обстоятельств, мощи ее были сокрыты неизвестно где.

12 июля празднуется память первых мучеников на Руси Феодора и сына его Иоанна. В благодарность за победу над ятвягами решено было принести в Киеве жертву идолам. Жребий пал на прекрасного юношу-христианина по имени Иоанн, но отец его Феодор воспротивился, сказав пришедшим взять его: «Ваши боги не боги, а дерево, ныне целое, а завтра и истлевшее; они не едят, не пьют, не говорят, а сделаны руками из дерева; Бог един, Которому служат и поклоняются греки. Он сотворил небо и землю, звезды и луну, солнце и человека. А эти боги что сотворили? Сами сотворены они. Не дам сына своего бесам». Рассвирепевшие язычники подсекли сени дома, на которых стояли отец и сын, и умертвили их (984). Так было начато исповедничество и мученичество на Русской земле.

В тот же день вспоминается преставление блаженного Серапиона, епископа Владимир-

ского. Он проводил подвижническую жизнь в Киево-Печерской обители в самое печальное время нашествия Батыя и начала татарского ига на Руси (1240). Возведенный в архимандриты лавры, он прославился своими поучениями, в которых призывал к покаянию и сокрушению о грехах, и вскоре митрополитом Кириллом с сонмом архипастырей был посвящен во епископы для городов Владимира и Нижнего Новгорода. До нас дошли его замечательно сильные поучения, в которых он указывал, что нашествие татар было наказанием русским людям от Бога за их грехи, обличал грешников и звал к покаянию. Скончался в 1275 году и погребен во владимирском Успенском соборе.

В тот же день прославляется блаженная кончина преподобного Арсения Новгородского. Вступивший против своей воли в брак, он оставил жену и удалился в Новгород, где проводил строгую подвижническую жизнь в молитве и посте. С помощью благочестивого благодетеля он построил в 1562 году новый монастырь с храмом в честь Рождества Пресвятыя Богородицы на правом берегу реки Волхов, где принял иночество и продолжал свои подвиги, нося вериги. Последние годы жизни провел в затворе и скончался в 1570 году.

Обретенны были его нетленные мощи, от которых истекали исцеления; они были перенесены в храм Кириллова монастыря, где покоились до последнего времени, и там был сооружен придел в честь его.

В тот же день воспоминается мученическая кончина убиенного злодеями преподобного Симона Воломского (†1641), подвизавшегося в Пинегской Макариевской обители, а затем в Воломском лесу, где пять лет прожил один, питаясь лишь овощами. Когда стали являться к нему желавшие подражать его подвижнической жизни, он построил храм в честь Креста Господня и в 1620 году был посвящен в настоятеля обители. И как настоятель он служил для всех примером трудолюбия, сердечной простоты, поста и молитвы. В 1641 году его злодейски умертвили разбойники из крестьян, требовавшие выдать им царскую грамоту на землю обители. От мощей его происходили чудеса исцелений.

14 июля прославляется преставление преподобного Стефана Махрищского, который родился в Киеве и принял иночество в Киево-Печерской обители, где и подвизался в течение ряда лет в послушании и молитве. Но ища уединения и стремясь к подвигу безмолвия, он удалился в местечко Махрище в тридцати

верстах от Троице-Сергиевой лавры, и тут возникла, благодаря его трудам, новая обитель Святой Троицы, в которой он был поставлен игуменом (1358). Вследствие ненависти соседних владельцев земли, он, будучи кротким и смиренным, ушел оттуда в глухой Вологодский лес на реке Авнеже и там основал пустынную обитель Святой Троицы. Великий князь Димитрий Иоаннович, почитавший старца, вновь вызвал его в Махрищскую обитель, где он и скончался в 1406 году, приняв схиму. Мощи его были обретены нетленными, и от них совершалось много чудесных исцелений.

15 июля празднуется память преставления святого равноапостольного князя Владимира, во святом крещении Василия, просветителя Руси. Он был внуком «преблаженной Ольги», сыном язычника князя Святослава, и сам вначале был язычником, отличаясь властолюбием, страстью к битвам, был ревностным приверженцем идолопоклонства и предавался чувственным удовольствиям. Но когда сердца его коснулось веяние благодати Божией, он уразумел суету идольского заблуждения и взыскал Единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое. Выслушав приходивших к нему представителей разных

вер, он пленился речами греческого монаха-философа и в 988 году принял святое крещение в городе Корсуни в Крыму. По возвращении в Киев он уничтожил идолов и обратил в православно-христианскую веру киевлян, положив тем начало распространению веры Христовой по всей Русской земле. Всю дальнейшую жизнь он проводил в подвигах христианского благочестия и в трудах по просвещению русского народа светом истинной христианской веры, которую возлюбил всем сердцем. Он строил храмы, устраивал при них училища, учреждал больницы, богадельни и странноприимницы, отпускал на волю рабов и выкупал должников и пленных. Велико было его истинно христианское милосердие ко всем страждущим, больным и бедным; для нищих он устраивал общие трапезы. «Боясь греха», — говорил он, когда духовные отцы внушали ему, что он должен не только миловать, но и наказывать преступников. Был он истинным отцом для своих подданных и заслужил от них прозвание Красного Солнышка. Нельзя по достоинству оценить все те благодеяния, какие оказал России святой князь Владимир, которого наша Святая Церковь именует «вторым Константином», «отцом российским» и «наставником нашим»,

«российской похвалой», «начальником благочестия и проповедником веры» и призывает «хвалами и песнями духовными венчать его», ибо Человеколюбец Господь дал ему «Соломонову мудрость, Давидову кротость и апостольское Православие», прославляя его за то, что он «не от человек звание свое приял, но яко чудный Павел сие свыше от Христа Бога». Скончался святой князь Владимир 15 июля 1015 года и был погребен в построенной им Десятинной церкви в Киеве. Святые мощи его были обретены нетленными в 1636 году. Честная глава его хранилась до последнего времени в Софийском соборе в Киеве, а малые частицы — по всем местам России.

17 июля чествуется преставление преподобного Иринарха, игумена Соловецкого, который, приняв пострижение в Соловецкой обители, за свои труды и высокие добродетели был поставлен ее игуменом в 1614 году. Он много потрудился над устройством этой знаменитой русской обители, имевшей громадное духовно-просветительное значение для всего нашего северного края и даже государственное в деле защиты его от врагов. Преподобный Иринарх был высоким примером духовной жизни для всей братии, отличался снисходительностью и кротостью к другим

и строгостью к самому себе. Проведя последние два года своей жизни в подвигах безмолвной молитвы, он блаженно почил о Господе в 1628 году. Мощи его покоятся под спудом, но не раз он являлся братьям с чудесной небесной помощью.

В тот же день чествуется преставление преподобного Леонида Устьнедумского. Постриженный в Кожеозерском монастыре, он подвизался потом в монастыре Соловецком, откуда перешел в Моржевскую пустынь. Повинуясь бывшему ему во сне видению, он с благословения игумена взял икону Одигитрии и на реке Лузе в восьмидесяти верстах от города Устюга устроил себе хижину из хвороста, а затем — келлию и часовню и в 1608 году соорудил храм во имя Введения Божией Матери. Во время своего труда был ужален змеей, но с упованием на Бога старался не думать о последствиях этого и остался жив и здоров. По этому случаю он называл прокопанный им здесь канал Недумой-речкой, а обитель, возникшая на этом месте, получила название Усть-Недумской. Эта обитель приобрела громадное значение в том диком краю, населенном пермяками, и они считают его своим просветителем. Свою подвижническую жизнь преподобный Леонид закончил на сотом году от рождения 17 июля 1654 года.

В день 18 июля празднуется память преподобного Иоанна Печерского Многострадального, который явил собой пример тяжелой борьбы с плотской похотью, закончившейся славной победой при совместном действии его твердой воли и благодати Божией. С целью побороть в себе плотскую похоть он томил себя голодом и жаждою, носил тяжелые вериги, несколько лет безысходно жил в тесной пещере и, наконец, закопал себя в землю по плечи в пещере преподобного Антония, в каковом положении и преставился около 1160 года. В тот же день — память преподобного Леонтия Кариховского, который основал близ Новгорода монастырь Карихов, где и скончался в 1492 году.

В день 19 июля празднуется прославление преподобного Серафима Саровского, чудотворца, величайшего подвижника и молитвенника, близкого к нашему времени (†1833), но по духу и подвигам подобного древним отцам-подвижникам первых веков христианства. Родом из города Курска, купеческого звания, он «от юности возлюбил Христа» и, получив благословение своей благочестивой матери, направился в Киево-Печерскую лавру, откуда старец Досифей направил его в Саровскую пустынь, где и протекала вся его подвижническая жизнь в трудах молитвы и послушания.

Взяв на себя подвиг столпничества и затворничества, он по повелению Божией Матери принял на себя, открыв затвор, и подвиг старчества, сделавшись духовным руководителем всех притекавших к нему за помощью со всех концов Русской земли, «и никтоже от него тощ и неутешен отъиде», как читается в составленной ему молитве, ибо все получали от него и духовное утешение, и необходимое наставление. Старец Серафим весь сиял радостью и передавал эту радость другим, внушая никогда не унывать, не падать духом и всегда призывать имя Божие в непрестанной молитве. Он учил, что цель христианской жизни состоит «в стяжании Духа Святаго, Божиего» и что больше всего для этого дает молитва, которая есть «непобедимая победа». Наша Святая Церковь чтит его как «избранника возлюбленного Божия Матере», ибо Матерь Божия двенадцать раз являлась ему. «О, радости наша, Серафиме преподобне! — так славит его Церковь. — Великия твоя пустынные подвиги и труды, и сладость учения твоего почитаем, имиже многия приходящия к тебе просветил еси, и научил еси воспевати Единосущную Троицу».

Прославление его святых мощей было грандиозным всероссийским торжеством, со-

бравшим в Саровскую пустынь более ста тысяч богомольцев во главе с царем-мучеником императором Николаем Александровичем, и состоялось 19 июля 1903 года.

В тот же день чествуется память святого Романа, князя Рязанского, который хранил свою веру и любовь к страждущему Отечеству в самую тяжелую пору татарского ига на Руси, всеми силами защищая своих подданных от насилия и грабежей ханских баскаков. Вызванный ханом в Орду, он твердо поведал себя христианином и за это был подвергнут страшным истязаниям: ему отрезали язык, вырезали глаза, обрезали уши и губы и, наконец, отсекли голову. Было это в 1270 году.

20 июля вспоминается преставление преподобного Авраамия Чухломского-Галичского, который был учеником преподобного Сергия Радонежского, подвизался в подвиге молчания. По любви к безмолвию удалился в Галичскую страну около Чухломского озера и там основал один за другим четыре монастыря. Скончался в мире 20 июля 1375 года в основанном им Городецком монастыре, где чудесно явилась ему икона Божией Матери и где святые мощи его почивают под спудом в приделе его имени.

21 июля чествуется память преподобного Онуфрия Печерского, старца и чудотворца, любителя молчания, святые мощи которого почивают открыто в Антониевой пещере.

22 июля вспоминается преставление преподобного Корнилия Переяславского, купеческого сына из Рязани, который юношей скрылся из родительского дома и сначала подвизался в Лукьяновой пустыни, а потом в обители Святых Бориса и Глеба в Переяславле, где после многих трудов послушания был пострижен в иночество и тридцать лет подвизался в затворе, взяв на себя подвиг молчания. Скончался в схиме 22 июля 1693 года. Спустя девять лет были обретены его нетленные мощи.

В тот же день празднуется память святого Германа, архиепископа Казанского, происходившего от князей Смоленских. Он с юности соблюдал строгий пост и любил молитву, а потом удалился в обитель преподобного Иосифа Волоколамского и там принял иночество. Занимался в обители усердным списыванием книг. Возведенный в архимандриты Старицкой обители, он в 1555 году на соборе был избран и посвящен в архиепископа Казанского. В Свияжске он построил обитель, где и подвизался весьма строго, будучи сам ее настоятелем. Свияжская обитель благодаря ему стала

средоточием, откуда распространялась проповедь Христовой веры по правому берегу Волги среди магометан и язычников. Иоанн Грозный хотел сделать его митрополитом Московским и всея Руси, но он так решительно разговаривал с царем, внушая ему страх Божий, что царь, по наущению своих советников-опричников, отказался от своего первоначального намерения. Его не отпустили в Казань и держали в заключении. Преставился он в Москве во время морового поветрия в 1568 году, а в 1595 году свияжские граждане выпросили у царя и патриарха дозволение перенести тело его в Свияжск. Архиепископ Гермоген засвидетельствовал нетление его святых мощей, а когда их поставили в алтаре созданного им монастырского храма, по всей обители распространилось благоухание. Произошел при этом ряд исцелений: прозрели два слепца, исцелились глухонемой и расслабленный и один страдавший от пьянства.

24 июля празднуется память святых благоверных князей и страстотерпцев Бориса и Глеба, во святом крещении Романа и Давида, сыновей святого равноапостольного князя Владимира, рожденных от матери-христианки. Оба они с ранней юности отличались искренним христианским благочестием и по

праву заслужили наименование «прекрасный цвет новокрещеной земли Русской». Еще при жизни отца они получили в управление уделы: Борис — Ростовское княжество, а Глеб — Муромское, и много потрудились для того, чтобы насадить веру Христову в своих подданных — грубых и диких язычниках. После блаженной кончины святого князя Владимира великокняжеский престол захватил Святополк, прозванный Окаянным за то, что стремился с помощью наемных убийц устранить своих братьев, которых считал опасными для себя конкурентами. Дружина предлагала Борису идти на Киев, чтобы выгнать Святополка и стать самому великим князем, но Борис решительно сказал: «Не подниму я руки на старшего брата моего; умер отец мой, пусть он будет мне вместо отца» — и предпочел умереть мученическою смертью. Вслед за ним был убит и младший брат Глеб. Святополк, желая удержать власть за собою, убил еще брата Святослава и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. Четыре года продолжалась эта брань, пока в 1019 году на реке Альте, где совершилось страшное злодеяние братоубийства, Ярослав не нанес решительное поражение братоубийце и занял киевский престол. Первой его заботой было воздать почести его мучениче-

ски пострадавшим братьям. С большим трудом разыскали их тела, и они погребены были вместе в Вышгороде, после чего на могиле их начали совершаться чудеса. При открытии гробов их тела их оказались белы, как снег, лица их сияли небесным светом и все люди ощутили великое благоухание. Тогда же в их честь установили праздник 24 июля и составили службу. В 1240 году при нашествии Батыя мощи их были неизвестно где сокрыты, но память их всюду чтилась свято на Руси, и им было посвящено много монастырских и приходских церквей.

В тот же день прославляется память преподобного Поликарпа, архимандрита Печерского. Мощи его почивают в Антониевой пещере. Он известен как жизнеописатель святых угодников Печерских (†1182).

В день 25 июля празднуется память преподобного Макария Желтоводского, Унженского чудотворца, который двенадцати лет от роду покинул родительский дом и принял пострижение в Нижегородской Печерской обители. Только через три года родители узнали, где он. Отец пришел повидаться, но Макарий позволил себе разговаривать с ним лишь из-за стены, обещая, что увидятся они в будущей жизни. По просьбе отца он все же

протянул ему свою руку. Отец поцеловал его руку, протянутую чрез окно, и возвратился домой. «Бегая мира» и тяготясь славою своих подвигов, преподобный Макарий удалился из обители на берег Волги и стал проводить пустыннический образ жизни, но не избежал желавших спастись под его руководством и основал здесь во имя Святой Троицы иноческую обитель, названную Желтоводской по близ находившемуся озеру Желтые Воды. После разорения этой обители казанскими татарами он переселился в Галичскую страну и здесь на берегу озера Унжи основал новую Унженскую обитель, в которой и почил о Господе в 1444 году. Мощи его, прославившиеся многими чудесами исцелений, были открыты в 1620 году.

В тот же день прославляется память преподобного Христофора, ученика преподобного Лонгина, который был основателем Христофоровой Богородицкой пустыни в двадцати семи верстах от Сольвычегодска Вологодской губернии в XVI веке.

В день 26 июля чествуется память преподобного Моисея Угрина, который был слугой святого страстотерпца князя Бориса. После смерти святого князя он один уцелел из его свиты и скрылся у Предиславы, сестры свя-

тых князей. В 1018 году тесть Святополка Окаянного, польский король Болеслав, овладел Киевом, но, преследуемый князем Ярославом, ушел в Польшу, захватив с собою пленных, в том числе и Моисея, где тот пять лет томился в оковах. На красивого юношу обратила внимание знатная и богатая полька, которая стремилась склонить его к преступной плотской связи с нею, но он презрел все ее ласкания, угрозы и муки, за что был подвергнут от нее увечьям и с позором изгнан. Придя в Киев к преподобному Антонию, Моисей поселился в пещере и подвизался в посте и молитве до самой своей кончины в 1043 году. За великую победу над нечистой плотской страстью Бог даровал ему власть врачевать эту страсть и в других.

27 июля празднуется память блаженного Николая Кочанова, Христа ради юродивого, Новгородского чудотворца. От самой юности своей он проводил добродетельную жизнь, но услышав однажды похвалу своим добродетелям, ради смирения принял на себя подвиг юродства Христа ради и стал в рубище бегать по Новгороду, терпя побои, обиды и насмешки, чтобы не поддаться чувству горделивого самопревозношения. Представляясь непримиримым врагом другого новгородского

юродивого блаженного Феодора, он этим наглядно обличал новгородские междоусобия. Однажды он как посуху пошел по реке Волхов, бросая в блаженного Феодора кочан капусты, отчего и получил прозвание Кочанова. Прославился прозорливостью и чудесами и почил в 1392 году.

В тот же день чествуется преставление святого Иоасафа, митрополита Московского, который принял иночество в обители преподобного Сергия и с 1529 года был игуменом ее, а в 1539 году был избран митрополитом Московским. Он самоотверженно старался положить предел бесчинству и насилиям бояр Шуйских и навлек на себя такую страшную их ненависть, что по их проискам был сослан в Кириллов монастырь, а затем в Сергиеву лавру, где и скончался в 1555 году после многих скорблений, перенесенных им от сосланных сюда в наказание лиц. Он прославился исправлением книг и переписыванием житий святых.

В день 29 июля чествуется память преподобного Константина Косинского, ученика преподобного Варлаама Хутынского, основавшего монастырь на косе между двух рек Полистью и Снежною в восьми верстах от города Старая Русса. После многих подвигов скончался в 1240 году.

В тот же день память преподобного Романа Киржачского, ученика преподобного Сергия и строителя монастыря на Киржаче. Он был примером жизни для иноков и мирно скончался в 1392 году.

В день 30 июля празднуется обретение мощей преподобного Германа Соловецкого, который вместе с преподобным Зосимою положил начало знаменитой Соловецкой обители, после того как первоначально подвизался отшельником на реке Выге. Он пятьдесят лет провел в подвигах на холодном острове, терпя всякие невзгоды и лишения, и скончался в 1479 году в Новгороде, куда поехал по делам обители. В 1484 году святые мощи его были обретены нетленными.

Вот какое большое число святых, в земле Русской просиявших, прославляется в одном только июле! Тот не русский человек, кто не знает и не чтит этих святых угодников Божиих, своих сродников по плоти, и не призывает их в своих молитвах. Ведь они — эти угодники Божии — наша слава, наша честь, наша похвала и наша могущественная благодатная помощь во всех бедах и напастях, постигающих нас в этой многотрудной временной жизни, в наше время особенно многобедственной и грозящей нам не только телесной, но и душевной

гибелью. И вместо того чтобы тратить время на пустое чтение газет и суетных книг, отравляющих душу духовным ядом, всем нам, русским людям, следовало бы посвящать больше времени чтению глубоконазидательных житий этих наших дивных и славных соплеменников и вникать в их богоугодную жизнь, стремясь, по силам нашим, брать пример с них и подражать им в самом главном для всех нас — в том, что *«едино на потребу»* (Лк 10, 42). Без этого тщетны наши надежды на спасение нашей Родины России и на возрождение русского народа к новой светлой жизни после постигшего его за богоотступничество безбожного кровавого кошмара.

Чему поучает нас Успение Пресвятой Богородицы?

О, дивное чудо! Источник жизни во гробе полагается, и лестница к небу си гроб бывает.

(Стихира на Успение)

Велик и радостен для христиан православных праздник Успения Пресвятой Богородицы. С древнейших времен христианских, как и самое почитание Приснодевы, ведет он

свое начало. Уже в IV столетии упоминается о нем в сочинениях блаженных Иеронима и Августина, причем блаженный Иероним свидетельствует, что на гробе Богородицы построен был храм. В V веке святитель Анатолий Константинопольский, в VIII веке святой Иоанн Дамаскин и святитель Косма Маиумский, а в IX веке святитель Феофан Никейский составили вдохновенные песнопения в честь этого праздника, который издревле почитался *великим, двенадцатым, вселенским* праздником *всей* христианской Церкви. В церковных песнопениях, которые поются у нас доселе, праздник Успения Пресвятой Богородицы именуется «знаменитым», «торжественным», «божественным праздником».

Чему же так радуется Святая Церковь в день этого праздника? Ведь в этот день воспоминается *смерть* Божией Матери, а смерть, как это обычно принято считать у людей, есть событие *скорбное, печальное*, но вовсе не радостное?

Радуется Святая Церковь в день праздника Успения Пресвятой Богородицы потому, что во успении Своем Она не только не оставила мира, а, наоборот, — «преставльшись от земных к небесным», Она стала еще ближе, еще дороже миру, ибо сделалась всемогущей

Ходатаицей за мир перед Престолом Сына Своего и Бога, «в молитвах неусыпающей» и «в предстательствах непреложное упование» (см. кондак Успения).

Смерть Ее была лишь коротким переходным моментом в Ее жизни, именно *успением*, то есть временным *сном*, после которого Она восстала уже к новой, *вечной и нетленной* жизни, воскрешенная Божественною силою Сына Своего и Бога. Вот почему блаженный Иероним называет праздник Успения «торжеством, несравненным с празднествами святых», «ибо в оный», — говорит он, — Спаситель всех Сам во всей Своей славе с радостью сретил и вселил Матерь Свою с Собою». «Она как бы сном на малое время смертью уснула, вскоре от нея, яко от сна, воспрянула, и мертвость гробную, как сонное от очес дремание оттрясши, узрела безсмертную во свете лица Господня жизнь и славу».

А что это было действительно так, в этом воочию убедились святые апостолы Христовы уже на третий день после Ее кончины.

По особому Промыслу Божию святой апостол Фома не был при успении и погребении Божией Матери. Пришедши только на третий день в Гефсиманию, где была погребена Она, святой Фома с плачем повергся перед гробо-

вой пещерой, громко, жалостным воплем выражая свою глубокую скорбь о том, что он не удостоился попрощаться с Божией Матерью и получить от Нее Ее последнее благословение. Желая доставить ему утешение, святые апостолы решились открыть пещеру, дабы он мог поклониться останкам Приснодевы. И вот — тела Пресвятой Богородицы там не оказалось: лежали одни только погребальные пелены Ее, которые издавали чудное благоухание. В тот же день вечером святые апостолы, беседуя между собою за трапезою о том, как не нашлось во гробе святого тела Богоматери, слышали вдруг ангельское пение и неожиданно, подняв взоры к небесам, узрели там Пресвятую Деву «живу, со множеством Ангелов стоящую и неизреченною славою осияваемую. Яже и рече к ним: *радуйтесь!*»

Вот где причина нашей радости в день великого праздника Успения Пресвятой Богородицы: мы радуемся безмерной славе Той, Которая удостоилась стать Матерью Бога нашего и сделалась «Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим», — мы радуемся и тому, что гроб Ее подлинно стал «лестницей к небеси», не только для Нее Самой, но и для всех нас, несомненно уповающих на Нее как на «Предстательство христиан

непостыдное и Ходатайство ко Творцу непреложное».

Безмерна и несравненна слава Пречистой Матери Божией, ибо хотя и умерла Она, подобно всем смертным людям, покоровшись общему закону смерти, но не видела тления: пречистое тело Ее, «возвысив на небеса возведе Иисус, Сын Ея и Спас душ наших».

Но ведь и *все люди*, искупленные драгоценною Кровью Сына Ее, призваны к наследованию вечной небесной славы, вечного блаженства.

В этом, и *только в этом*, как ясно учит нас слово Божие, состоит наше предназначение, к этому должны быть устремлены все наши мысли, чувства и пожелания, в постоянной подготовке себя к этому должна проходить вся наша временная земная жизнь — *в неустанном стремлении к этой конечной цели должны видеть мы весь смысл нашей жизни.*

Ведь и для всех нас смерть есть не более как временный сон — «успление», после которого мы пробудимся к вечной жизни, ибо все мы, как христиане, веруем и ожидаем *«воскресения мертвых и жизни будущего века»* (см. конечные слова нашего Символа веры), а *кто в это не верует, тот и не христианин.*

И мы знаем, что все истинные христиане во все времена так именно и смотрели на смерть, которая *сама по себе* была для них не страшной, а, наоборот, — радостной, как вожделенный для них переход к лучшей жизни, что так прекрасно выражено во вдохновенных словах умилительной молитвы святого Василия Великого на вечерне в день Пятидесятницы: *«Нестъ убо, Господи, рабом твоим смерть, исходящим нам от тела, и к Тебе Богу нашему приходящим, но преславление от печальнейших на полезнейшая, и сладостнейшая, и на упокоение и радость»*.

Вот почему смерть и именуется у нас, христиан, *«преславием»*, а недавно умершие — *«новопреславленными»*.

Такой взгляд на смерть был и у великого апостола языков святого Павла, прошедшего с проповедью Евангелия всю вселенную. *«Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение»* (Флп 1, 21), — говорил он, а потому и выражал *«желание разрешиться (от уз плоти) и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»* (Флп 1, 23).

Неудивительно поэтому, что целые сонмы мучеников христианских на протяжении почти трех веков с такой радостью шли на страшные

мучения и смерть за Христа, а Святая Церковь отмечала радостным празднованием те дни, в которые они сподобились мученической смерти, называя эти дни «днями рождения» их.

Так ли и теперь настроены все современные христиане?

Все ли они смотрят на эту временную земную жизнь только как на подготовку к новой — *лучшей* будущей жизни, все ли они с радостью ожидают наступления своего последнего смертного часа?

Увы, страшно сказать, до чего теперь извращены все понятия в современном христианском обществе — даже среди христиан православных, даже среди самих руководителей их духовной жизни и носителей священного сана, казалось бы, обязывающего хотя бы *мыслить* правильно по-христиански, если нет сил так жить.

Мы живем в страшное время, когда *самые* понятия христианские, здоровые и истинные, *подменяются* понятиями фальшивыми и ложными, зачастую злонамеренно изобретаемыми с несомненной целью, конечно, отклонить людей от правого пути истинно христианской жизни. Во всем этом видна какая-то планомер-

но действующая черная рука, которая стремится как можно крепче привязать людей к этой временной земной жизни, заставив их забыть о неизбежно всех нас ожидающей жизни будущей, жизни вечной.

Так, например, достаточно кому-нибудь начать регулярно ходить в церковь, молиться Богу дома, соблюдать посты, вести себя целомудренно и воздержно, уклоняясь от всех современных, столь нескромных развлечений и увеселений, как окружающие сейчас же набрасываются на него с насмешками и укоризнами: «Да что ты? В монахи, что ли, собрался? Или хочешь показаться перед нами каким-то праведником, святошей?» Это и прежде бывало, но никогда в такой мере, как теперь, когда — увы! — и некоторые современные пастыри, либерально и модернистски настроенные, относятся к подобным подвижникам благочестия (иначе их в наше время и не назвать!) явно неодобрительно.

Стоит пастырю, желающему только честно и добросовестно исполнять свой пастырский долг, без всяких поблажек и уступок современной моде и развращенным нравам, начать учить своих пасомых истинно христианскому пути жизни, как сейчас же весьма

многие из современного мнимохристианского общества обрушиваются на него со всею силою ожесточенного озлобления, начинают всячески хулить и порочить его, стремясь дискредитировать в глазах остальных и подорвать его пастырский авторитет.

И наоборот — теперь многим нравятся пастыри, которые, принаравливаясь к вкусам, взглядам и настроениям современной расцерковленной толпы, *унижают* высокий христианский идеал жизни, едва ли не втоптывают его в грязь, фальшиво подменяя и извращая все подлинно христианские понятия, лишь бы только кому-то *угодить*. Весьма ошибочно видеть здесь то «пастырское применение», основываемое на словах святого апостола Павла: *«всем бых вся, да всяко некия спасу»* (1 Кор 9, 22), которое рекомендуется пастырю для успеха его святого дела, ибо такое «пастырское применение», как ясно видно из тех же слов святого апостола, должно иметь свою меру: применяясь к немощи своих пасомых, пастырь не смеет доходить до того, чтобы становиться «беззаконником Богу» (см.: 1 Кор 9, 21).

Это не «пастырское применение», а просто искание сомнительной популярности, дешевая демагогия в духе столь строго обличае-

мых в книгах святых пророков Иеремии и Иезекииля лживых пророков.

«Горе безумным пророкам, которые водятся своим духом, — говорит Господь, — и предвещают ложь» (Иез 13, 3, 6). *«Не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних»* (Иер 23, 16). *«Они говорят: мир! мир! когда нет мира»* (см.: Иез 13, 10). *«Я не посылал пророков сих... а они... пророчествовали»* сами от себя (Иер 23, 21). *«Вот, Я — на пророков, говорит Господь, которые действуют своим языком, а говорят: "Он сказал"»* (Иер 23, 31). *«И будет рука Моя против этих пророков, видящих пустое и предвещающих ложь»* (Иез 13, 9).

Совершенно справедливо говорит наш выдающийся гомилет профессор Киевской духовной академии В.Ф.Певницкий, что истинный пастырь не должен поддаваться заманчивой идее примирения христианства с современностью и что «нельзя допускать ни малейшего изменения начал веры Христовой», «никакой уступки ввиду ходячих заблуждений времени, никакого послабления строгих требований евангельского закона, ввиду понизившейся нравственности и нежелания

подчиниться им со стороны расслабленной воли» (Церковное красноречие и его основные законы. С. 164). Нельзя проповедовать какое-то «новое христианство», «христианство разжиженное и расслабленное», ибо задача пастыря не в том состоит, чтобы принижать высокие требования Божественного закона до уровня понизившейся жизни, но в том, чтобы эту понизившуюся жизнь возводить до той высоты, на какой она должна стоять, по требованию слова Божия и указанию Церкви (см. там же).

Раньше были только отдельные попытки такой проповеди, а теперь мы лицом к лицу стали перед таким достаточно уже мощным и сильным, ввиду общего падения нравственности, направлением «*неохристианства*», как откровенно нарекли его сами сторонники этого направления.

На этой именно почве главным образом и возникли у нас церковные расколы в нашей Русской Церкви в Советской России и за границей, на этой именно почве ширится и движение так называемого «экуменизма» и стремление к объединению всех христианских и даже нехристианских вероисповеданий — *объединению не в истине, а во лжи*. Усиленно проповедуется мир там, где нет и не может быть для истинного христианина мира.

В полной мере исполняется то, что говорил еще в начале нынешнего столетия наш благочестивый профессор: «Не нравится то, что служители Церкви влекут людей к Небу, а забывают о земле, — говорят о спасении души и вечном блаженстве, а не думают устроить земное благополучие, водворять Царствие Божие на земле, — Царство Божие, понимаемое ими своеобразно, как культ плоти и признание нормальными требований того закона, «сущего во удех наших», который святой апостол противопоставляет *закону Божию* и прямо называет *законом греховным* (см.: Рим 7, 22–23)» (см. там же. С. 168).

Современные «христиане» хотят, чтобы пастыри не стесняли греховных стремлений человеческой природы, и только под этим условием согласны войти в единение с Церковью и жить ее жизнью. И вот находится теперь немало «пастырей», которые готовы идти на такой преступный компромисс, во имя чего и устраиваются в наше время всякие «примирения» и «объединения» и замышляются даже грандиозные «реформы» в Церкви в мировом масштабе, с каковой целью предполагаются созывы всяких «предсоборных совещаний» и чуть ли не «вселенского собора» в недалеком будущем.

Каково должно быть наше отношение ко всему этому?

Ответ на этот вопрос для каждого истинного христианина ясен. *Церковь, верная заветам Христа Спасителя, имеет в виду внутреннего человека, а не внешнего: душу хочет обновить и спасти, а не телу угождать.* Поэтому все наши мысли, чувства и пожелания должны быть направлены в сторону будущей, ожидающей нас вечной жизни, а не в сторону забот о наилучшем устройстве нашего кратковременного и быстро исчезающего земного благополучия.

«Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиление!» — так горячо должны мы, по заповеди Святой Церкви, молиться ежедневно отходя ко сну, который всегда должен напоминать нам неизбежно ожидающую нас смерть, — молиться не одними устами, но и всем сердцем.

И всю жизнь свою строить не иначе как сообразно с этой молитвой, умоляя Пречистую Матерь Божию, во успении Своем нас не оставляющую: «О Всепетая Мати Бессмертного Царя небесе и земли Христа Бога нашего, живущая и по смерти! В жизни сей и в смертном успении нашем от всякия напасти, бед и муки нас избави, и Небесного Царствия нас, Царице, сподоби!...»

1961

Крест — верных утверждение

Крест, хранитель вся вселенная,
Крест, красота Церкви, Крест,
царей держава,
Крест, верных утверждение,
Крест, Ангелов слава, и демонов язва.
(Светилен Кресту)

Такая великая для нас святыня Крест Господень, что, помимо частых обращений к нему и упоминаний о нем в повседневных службах и молитвах, Святая Церковь сочла нужным для вящего прославления установить в честь него особый *великий* праздник — праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, вошедший в ряд самых больших, так называемых двенадесятых праздников.

Дивный это осенний праздник! Он как бы завершает собою круг всех остальных праздников — подводит итог им. Нарисовав нам умиляющую наши души картину всего домостроительства Божия — благостного и премудрого промысления Божия о нашем спасении, в целом ряде Господских и Богородичных великих праздников, Святая Церковь в заключение всего приводит нас к поклонению Кресту

Господню, как бы так говоря нам: «Ты видел все, что сделано Богом для твоего спасения, но ты еще не знаешь, что надлежит делать тебе самому, дабы спастись. Вот сегодня я и говорю тебе: *если хочешь спастись, прильни ко Кресту Христову, и спасешься*. В нем сокрыты чудодейственные животворные силы, которые воскресят твою душу, умерщвленную грехами. Возлюби же Крест Господень, великое знамение любви Божественной и орудие спасения твоего, возлюби Крест Господень *превыше всего на свете, прильни к нему, не только устами твоими, лобызая его, но всей душой твоей, всем внутренним существом твоим, и спасешься!*»

Это потому, что Крест Господень — славное орудие нашего спасения, нашего искупления от греха, проклятия и вечной смерти. На Кресте Христос «пригвоздил рукописание грехов наших». На Кресте «Христос Царь славы волею руце распростер, вознесе нас на первое блаженство, яже прежде враг сластию украд, изгнаны от Бога сотвори». На Кресте Христос «распятие претерпев, смертью смерть разруши».

Вот поэтому-то Крест для нас, христиан, перестал быть орудием страшной позорной казни, каким он был в древности, орудием проклятия: «*проклят... всяк висий на древе*»

(Втор 21, 23), как сказано было в Ветхом Завете, а стал орудием благословения Божия, знаменiem радости.

«Приидите вси языцы, благословенному древу поклонимся, имже бысть вечная правда, праотца бо Адама прельстивый древом, крестом прельщается, и падает низвержен падением странным... Кровию Божиею яд змиев отмывается...» — так радостно поет Святая Церковь. И вызывает ко Кресту от имени всех верных: *«Радуйся, Господень Кресте, имже разрешился от клятвы человечество, сущия радости знамение!»*

Вместе с тем Крест Господень есть для нас, христиан, великое и славное знамение неизреченной, невыразимой ни на каком языке человеческого любви Божественной к падшему человеческому роду: *«так бо возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но иматъ живот вечный»* (Ин 3, 16). Крест Господень постоянно напоминает нам о той великой истине, которую открыл нам только возлюбленный ученик Христов — апостол любви, святой Иоанн Богослов, что *«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»* пребывает (1 Ин 4, 16), а потому *«если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга»* (1 Ин 4, 11).

Вот сколько важных, можно сказать, важнейших поучительных истин дает нам почитание Креста Христова!

Но Крест Господень не только воодушевляющее нас и вдохновляющее на христианскую жизнь знамение нашего спасения и знамение любви Божественной. Крест Господень есть также действенное и сильное, самое сильное на свете оружие, с помощью которого мы можем побеждать врагов нашего спасения — дьявола и всех его слугителей, борющихся против нас и стремящихся погубить нас.

«Господи, оружие на дьявола Крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его: яко мертвыя возставляет, и смерть упраздни. Сего ради покланяемся погребению Твоему и востанию» — поет Святая Церковь (стихира воскресна на хвалитех 8 гласа).

«Радуйся, Живоносный Кресте, благочестия непобедимая победа... Оружие непобедимое, бесов сопротивоборче...» Креста «устрашаются демонския полки»... *«О сем языцы варварстии побеждаются, о сем скиптры царей утверждаются»* — такими выражениями прославляет непобедимую силу Креста Господня Святая Церковь.

Сколько дивных чудес совершено в истории христианского человечества «силою Чест-

наго и Животворящаго Креста Господня» — этого и не перечесть!

Вот почему наша Святая Церковь, Церковь Православная, придает такое большое значение правильному и благоговейному изображению на себе крестного знамения. *«Да не стыдится каждый из нас исповедывать Распятого, — говорит великий отец Церкви святитель Кирилл Иерусалимский. — Пусть изображает рукою знамение святого креста на челе и на всем: на хлебе, который вкушает, на сосудах, из которых пьет. Пусть изображает его на себе при входах и выходах, когда ложится спать и встает, когда находится в пути или отдыхает. Он — великое предохраниение от всех бед и несчастий»* (Огласительные поучения. 13, 36).

После всего вышесказанного понятно, почему святой апостол Павел говорит: *«Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру»* (Гал 6, 14).

Крест Господень — это наша радость и похвала — «похвала похвал», по выражению того же святителя Кирилла Иерусалимского.

Крест Господень для нас, воинов Христовых, призванных к невидимой брани — к постоянному воинствованию против врагов нашего спасения

есть и наше воинское знамя и наше оружие одновременно.

Крест для нас — *всё*: он — «хранитель *всех вселенных*», он — «красота Церкви», он — «царей держава», он — «верных утверждение», он — «Ангелов слава и демонов язва» (погубление).

Так веровали когда-то и так исповедовали все христиане; так веровали когда-то и так исповедовали и наши благочестивые предки на Святой Руси, во всем стремившиеся подражать первым христианам.

Не то мы видим теперь! Среди народов Запада, давно отпавших от истинно христианской веры — веры православной, редко-редко где найдем мы настоящее почитание Креста Господня, а у многих из них не только нет совсем и не признается его священное изображение, но оно — страшно сказать! — подвергается даже кощунственному поруганию. Крест Господень всячески вытесняется здесь и заменяется иными символами и эмблемами, которые мы видим повсюду, и объединяются эти современные люди, иногда даже не отрекшиеся совсем от своего христианского имени, вокруг других идей и лозунгов, не только ничего общего с Крестом Господним не имеющих, но часто прямо враждебных ему.

Но что нам смотреть на других, когда и сами мы, православные русские люди, далеко-далеко отошли теперь от того, чтобы считать Крест Господень нашей «радостью» и «похвалой», чтобы видеть в нем наше воинское знамя и наше единственно верное и благонадежное оружие в борьбе с врагами нашего спасения — наше *утверждение*.

Разве не стыдимся мы нередко «исповедывать Распятого», или боясь кого-то, или просто не считая нужным осенить себя крестным знаменiem, когда пробуждаемся ото сна или засыпаем, когда садимся за стол вкушать пищу или встаем, когда проходим мимо храма или какой-нибудь святыни, и во всех подобных случаях, — или совершая это крайне небрежно и неблагоговеино?

Является ли Крест Господень для нас тем знаменем, которым все мы воодушевляемся, вокруг которого все мы, православные русские люди, забывая о всех наших распрях и раздорах, объединяемся во взаимной любви христианской, ощущая себя подлинными воинами Христовыми, неустанно ведущими невидимую брань с врагами нашего спасения?

Увы, совсем *иные* кумиры, иные лозунги, иные идеи, зачастую даже ничего общего не

имеющие с Крестом Христовым, влекут в нынешнее время большинство из нас к себе. И приходится ли удивляться тому, что Родину нашу постигла такая страшная катастрофа, когда мы стали изменниками, предателями Святой Руси, когда мы, отрекшись от Креста Христова и поклонившись иным богам, сделали дезертирами с поприща невидимой брани? Но поистине удивительно, что многие из нас еще живут и даже благодушествуют, наслаждаясь всеми земными благами, земным благосостоянием, ибо всякий знает, какой суровой каре подвергаются изменники своего отечества и дезертиры с поля битвы.

Но *«щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив»* (Пс 102, 8). Он не хочет *«смерти грешника, но еже обратится... и живу быти ему»* (Иез 33, 11).

До каких же, однако, пор мы будем испытывать Его долготерпение, ведя самочинную борьбу не под знаменем Его Креста с врагами нашего спасения, воюющими против нас чрез бесчисленные скопища наших страстей и похотей, а — под разными самоизмышленными лозунгами с ближними нашими, созданными, как и мы, по образу и по подобию Божию и купленными, наравне с нами, на Кресте драгоценною Кровью Христовою... за беспрепятст-

венное и более удобное удовлетворение этих страстей?

И пусть не оправдывается никто из таких борцов своею мнимою ревностью о каких-то высоких идеалах, ибо истинная *святая ревность* (как и *мудрость, сходящая свыше*), «*во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна*» (Иак 3, 17). Всякая другая ревность, не обладающая этими качествами, происходит, как учит святой апостол, от «горькой зависти и сварливости», и она не останавливается перед «самохвальством» и «ложью на истину», производя всюду лишь «*неустройство и все худое*» (Иак 3, 16).

Изумительно глубоко и красочно рисует психологию этой неразумной ревности, заставляющей нас видеть только чужие недостатки и пороки и не замечать своих, ревности, производящей в нашей среде раздоры, смуты и разделения, святитель Феофан Затворник, Вышенский.

Эту неразумную ревность называет он «духом пересудливости». «Этот дух, — говорит он, — за все цепляется и все представляет в мрачном виде незаконности и пагубности. Это — немощь, в большей или меньшей степени, почти общая у людей, *не внимающих себе...*

Кто-то приседит сердцу и разжигает его на пересуды — оно и источает их. Но в то же самое время пересудчик сам готов на недобрые дела, лишь бы только никто не видал, и непременно состоит в недобром порядке в каком-либо отношении; он как будто и судит и осуждает, чтобы чувство правды, оскорбленное и подавленное в себе, вознаградить нападками на других, хотя бы то и неправыми. Правдолюбивый и стоящий в правде, зная, как трудно достается исправность в делах, а еще более в чувствах, никогда не станет судить: он скорее готов бывает покрыть снисхождением не только малое, но и великое преступление других... И всегда почти так бывает: рассуди о поступке ближнего, и найдешь, что он совсем не имеет того важного, ужасающего характера, который показался тебе в нем с первого раза» (Мысли на каждый день года. С. 350–351).

Не этот ли «дух пересудливости» в связи с массовым отступлением русских людей от святыни Креста Господня и следованием за иными богами, иными кумирами и довел нашу несчастную Родину Россию до такой страшной, беспримерной в истории, кровавой катастрофы? Не эта ли неразумная ревность, за все цепляющаяся и все представляющая в мрачном виде беззаконности и пагубности,

и здесь, за границей, в столь заслуженном нами изгнании, мешает нам жить в мире и любви друг с другом?

Не желая в покаянных чувствах за грехи наши и за грехи наших отцов и дедов, сгубивших нашу Родину, сплотиться вокруг единственно естественного для нас, христиан, центра единения — Креста Господня, мы упрямо изобретаем себе свои собственные центры единения и лютою ненавистью преследуем всех тех, кто осмеливается с нами не соглашаться.

И несмотря на все нами пережитое до сих пор, настолько еще мало у нас ясного сознания всего ужаса, приключившегося с нами за грехи наши, что мы все время ищем врагов вокруг себя, не замечая в своем самодовольном самоослеплении, что *первые и главные* враги наши — это *мы сами*.

Одно политиканство наше всякого рода чего стоит?

Ведь это оно, это злосчастное политиканство, часто напоминающее какую-то детскую игру, но только совсем не невинную, так разделяет нас, так дробит наши силы, рождая в нашей среде «ненависти, зависти, рвения и прочие страсти, братолюбие разрушающие», об избавлении от которых учит нас

молиться наша мать Святая Церковь, желающая насадить в наших сердцах «нелицемерную любовь» друг ко другу (см. умилительный чин молебного пения о спасении России, теперь почему-то нами оставленный).

Нет! Давно пора осознать нам, что не политиканство, не вечера и банкеты, не пляски по субботам, под лукавым предлогом воспитания нашей молодежи в «идеалах русской культуры», ни даже празднование национальных юбилеев *само по себе* — ибо о каких празднованиях может идти речь, когда несчастная Родина наша уже более сорока лет лежит поверженная во прах и окутанная страшным кровавым кошмаром — не спасут и не могут спасти нас и нашей Родины, а *только из глубины сердца исходящий покаянный молитвенный вопль к Богу о спасении, соединенный с твердым намерением впредь исправить свою жизнь, строя ее в полном соответствии с евангельскими заповедями и уставами Святой Церкви.*

«Если не покаетесь, все... погибнете» (Лк 13, 3) — грозно предостерегает нас Сам наш Божественный Спаситель Христос.

Итак, оставим все, как ненужную мишуру, и поспешим скорее с покаянием к подножию Креста Господня: объединимся все вокруг этого единственно спасительного для нас

знамения, прильнем ко Кресту Господню, ибо одна только сила крестная может нас спасти, и ничто другое, так как «Крест — верных утверждение».

1963

Правило веры

Не только мы, православные христиане, но и весь мир, еще считающий себя христианским, с датой 6 декабря связывает память одного из величайших и наиболее почитаемых святых Христовой Церкви — святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца.

Нет такого другого угодника Божия, которого бы так все чтили, прославляли и величали, как святителя Христова Николая. Несомненная святость его засвидетельствована бесчисленными чудесами, совершенными им, как при жизни, так и после смерти, вплоть до самого нашего времени. Поистине нет такого другого угодника Божия, от которого бы исходило такое «неисчерпаемое чудес море», как от святителя Христова Николая. Чтят его поэтому не только христиане, но даже магометане

и язычники как великого чудотворца и скорого помощника людям во всех бедах и напастях. А особенно нежно и свято чтит его наш православный русский народ, считая его как бы своим, родным, с особой любовью нарекая имя его новорожденным и посвящая ему многочисленные храмы, воздвигаемые по всему лицу земли Русской.

Откуда же такая великая слава святителя Христова Николая? В чем его сила и величие, чем он так покоряет и привлекает к себе сердца человеческие?

Тем, что он, в полном смысле слова, был «правилом веры» христианской, как именует его в своих песнопениях Святая Церковь, то есть *образцом* истинно христианской жизни. Он в точности исполнил на себе завещание святого апостола, обращенное к пастырям: *«Образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою»* (1 Тим 4, 12).

На нем буквально исполнилось замечательное пророчество, которое, по особому, конечно, вдохновению от Бога, изрек посвящавший его в сан пресвитера епископ Николай Патарский:

«Я вижу, братие, новое солнце, восходящее над землей и приносящее сладостное уте-

шение скорбящим и страждущим. Счастлива та паства, которая будет иметь его своим руководителем, он укрепит ее в вере в Господа, он наставит ее в добродетельной и благочестивой жизни, он будет усердным помощником для всех бедствующих».

И действительно, вся жизнь святителя Николая была блистательным исполнением этих пророческих слов рукополагавшего его епископа. От самой юности своей он весь горел пламенной верой в Бога, будучи строгим и непреклонным ревнителем чистоты Православия; он проводил самую суровую подвижническую жизнь в непрестанных бдениях, постах и молитвах; забывая себя, он самоотверженно помогал бедным, утешал страждущих, мужественно защищал несправедливо обиженных и обездоленных, укреплял и наставлял колеблющихся и слабых в вере, — он никогда не уставал совершать всевозможные дела христианской любви и милосердия по отношению ко всем людям.

Прославляя святых угодников Божиих, Святая Церковь делает это для того, чтобы воодушевить нас на подражание им. Прославляя святителя Николая как «правило веры», Святая Церковь желает, чтобы мы, следуя его

примеру, как правилу, или образцу, подражали ему в подвигах его христианской добродетельной жизни.

Делаем ли мы это?

Сколько слышно в настоящее время красивых, но бесплодных, а зачастую и лицемерных слов о гуманности, человечности, справедливости, всеобщем благополучии, сытости и довольстве, которые так обильно расточают тщащиеся быть вождями и руководителями жизни народов, — но совсем не видно *дела*, того настоящего, подлинного дела христианской любви и благочестия, которым так прославился и к которому так горячо зовет нас самую жизнь свою столь почитаемый всеми и так хорошо всем известный святитель Христов и Чудотворец Николай.

Если мы действительно хотим блага себе и всему человечеству, то для всех нас, а в особенности для тех, кто стоит во главе общественной — церковной или государственной, гражданской — жизни, этот всенародный и общепризнанный святой должен был бы быть высшим идеалом как личной жизни, так и общественной деятельности. Для этого нужно только взять житие его, внимательно прочитать, изучить его, глубоко запечатлеть в своем сердце и составить по нему программу своей

жизни, твердо решившись, в надежде на благодатную помощь Божию, никогда не отступать от нее.

Тогда только и можем мы надеяться, что преобразится и к лучшему переменится вся наша современная жизнь, являющая ныне столь печальную картину всеобщего религиозного и нравственного разложения и упадка и тем самым неизбежно влекущая человечество к его конечной гибели.

Из жития святителя Николая мы прежде всего узнаем, что еще с детских лет и ранней юности своей он избегал отроческих шалостей и забав, любил воздержание и уединение, часто посещал храм Божий, углублялся в чтение Священного Писания и большую часть времени проводил в молитвах, избегая суетного времяпрепровождения и пустых бесед. В таких наклонностях и настроениях воспитывали его благочестивые родители.

Так ли и у нас воспитывают детей своих?

Святитель Николай горячо предан был Святой Церкви своей и пламенно ревновал о славе ее и о чистоте святой веры православной. Он не мог терпеть, чтобы в его присутствии поносили святую веру и унижали имя Божие. Кротчайший и смиреннейший, исполненный благодати и любви к людям, он не

мог, однако, выдержать богохульства еретика Ария, унижавшего достоинство Сына Божия, и, не думая о последствиях, в порыве ревности о Господе, ударил его (это очень не нравится либералам, отвергающим поэтому даже самую действительность этого события). Поступок его был оправдан чудесным знамением: в видении пред очами некоторых епископов Господь Иисус Христос подал святителю Николаю Евангелие, а Пресвятая Богородица возложила на плечи его архиерейский омофор.

Так ли и мы готовы всегда ревностно и безбоязненно отстаивать свою святую веру от поругания и поношения ее безбожниками и еретиками? Не случается ли иногда в наше время, что люди, считающие себя христианами, спокойно и равнодушно позволяют в своем присутствии глумиться над верою в Бога, кощунственно издеваться над Церковью и ее установлениями, благочестивыми обычаями и традициями? Допустимо ли, по малодушию и *«страха ради иудейска»* (Ин 19, 38), молчать, когда мы обязаны мужественно возвысить свой голос в защиту подвергаемой хулению святыни? Ведь молчанием предается Бог.

Святитель Николай всегда первым являлся в храм Божий к богослужению и последним

уходил из него. Эта привычка, как известно из его жития, послужила как раз поводом к избранию его в архиепископа Мир Ликийских.

Так ли и мы всегда спешим попасть в храм Божий еще до начала богослужения и дорожим возможностью простоять все богослужение полностью до конца? Не бывает ли с современными христианами чаще, что они страшно боятся опоздать на какое-нибудь увеселение, зрелище или светское собрание, а в храм Божий намеренно опаздывают, чтобы не утруждать себя долгим в нем стоянием?

В частной жизни своей святитель Николай был необыкновенно прост и невзыскателен: одежду он носил самую скромную и простую, пищи вкушал немного, соблюдал все церковные посты.

Так ли и мы удовлетворяемся самым простым и скромным и так ли бываем невзыскательны в своих жизненных потребностях? Не бывает ли в среде современных христиан и христианок, наоборот, стремления к приобретению роскошных и изысканных одежд, причем непременно по последней моде? Не служат ли у нас эти одежды предметом тщеславия и превозношения перед другими, не имеющими возможности приобрести себе такой

дорогой и роскошной одежды? Не любят ли современные христиане услаждать себя изысканной и лакомой пищей, употребляя ее в гораздо большем количестве, чем это необходимо для поддержания сил и здоровья? А уж о соблюдении постов в наше время и говорить трудно: это многими теперь считается излишним и ненужным и даже будто бы вредным для здоровья, хотя современная медицина свидетельствует как раз о противном. Да и мало кто знает теперь, какие и когда установлены Святой Церковью посты!

Но особенно прославился святитель Николай своим необыкновенным милосердием и сострадательной любовью ко всем страждущим и бедствующим, ко всем нуждающимся в помощи и утешении людям, почему так и чтил его всегда православный русский народ, глубоко воспринявший в свое сердце заповедь Христову о милосердии и любви к ближним, как Николу Милостивца, подчеркивая этим наименованием ту основную черту его высокой христианской добродетели, которой он так пленяет сердца человеческие.

Все свое имущество, все свое богатое наследство, полученное им от родителей, святитель Николай употреблял на дела подлинной благотворительности и христианского мило-

сердия, многих людей спас он от греха и пороков своею помощью, причем всегда старался благотворить *тайно* — так, чтобы, как учит Христос Спаситель, левая рука не знала, что делает правая (см.: Мф 6, 3).

Так ли и современные христиане поступают, употребляя свои доходы и имущества, или хотя бы материальные избытки, на помощь нуждающимся?

Не бывает ли чаще наоборот, что люди, носящие святое имя христиан, щедро расходуют свои средства на всякие греховные прихоти и удовольствия, развлечения и увеселения и равнодушно проходят мимо людского горя и несчастья? Охотно бросают иной раз громадные деньги на какой-нибудь вздор, служащий удовлетворению страстей, а на добрые дела жалеют дать даже гроши, а если и дают, то непременно так, чтобы все об этом знали и восхваляли их за мнимое добросердечие и бескорыстие.

Истинно христианская благотворительность есть лишь та, которая проистекает от милостивого, сострадающего людям сердца.

«Все жертвы и милостыни нищим не заменят любви к ближнему, — говорит величайший праведник и благотворитель нашего времени приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский, —

если ее нет в сердце, потому при подавании милостыни всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них» (Моя жизнь во Христе. Т. 2. С. 79).

«Те, которые подают алчущим хлеб или деньги с жалением, с лукавым оком и несатым сердцем, все равно что кладут яд в свой хлеб или в свою милостыню, — говорит отец Иоанн в другом месте своего замечательного дневника. — Нужно подавать *с любовью, с уважением к лицу ближнего, доброхотно, с радостью*, ибо любви свойственно радоваться при оказании помощи любимому» (Там же. Т. 1. С. 209).

В нынешнее время редко можно встретить такую настоящую, от глубины любящего сердца происходящую благотворительность. Она почти полностью заменена так называемой *общественной* благотворительностью.

Но обладает ли эта общественная благотворительность качествами, которыми должна отличаться истинная христианская благотворительность? Есть ли в ней настоящая христианская любовь и милосердие к страждущим, есть ли подлинное самоотвержение, пожертвование своими личными благами ради блага ближних, есть ли стремление благоотво-

рить тайно, так, чтобы левая рука не знала, по слову Христову, что делает правая?

Увы, ничего этого мы в ней не видим, а, наоборот, часто встречаем холодность, сухость, жесткость, официальность и более или менее ярко обнаруживаемое превозношение своим занятием, которое становится как бы профес-сией, питающей гордость и тщеславие, толкает на искание славы и известности, почета и уважения в обществе.

А если мы обратимся к источникам, из которых большею частью теперь почерпаются средства для этой общественной благотворительности, то тут дело обстоит еще хуже.

Балы и вечера, зачастую весьма нескромные и недостойные истинных христиан увеселения и развлечения, да еще нередко в кануны воскресных и праздничных дней, когда место христианам в храме, за богослужением, и даже иногда во дни поста, дни покаяния и молитвы — вот *основной* источник этого общественного благотворения! Без этого, видите ли, денег от современных христиан на добрые дела *получить невозможно*.

Какой ужас! Да разве это благотворение?

Как бичевал и обличал в своих словах и поучениях такую мнимую благотворительность исполненный подлинной любви и милосердия

к людям наш великий пастырь-благотворитель приснопамятный отец Иоанн, через руки которого проходило в год, по самому скромному подсчету, не менее одного миллиона рублей, которые он все употреблял полностью на добрые дела.

Вот как говорит он об этом в своем дивном вдохновенном дневнике:

«О нынешних благотворениях. — Ты полною мерою вкушаешь блага земные, подаешь нуждающимся, но себя ласкаешь больше: значит, делаешь добрые дела без малейшего самоотвержения. Не велики дела твоих благотворений.

А то что еще есть? Какие благотворения мнимые? С благотворительной целью делают увеселения, то есть прежде всего хотят намеренно послужить своей греховной плоти, диаволу, а потом уже — ближнему и Богу.

Да это, господа, вовсе не благотворение! одно только имя благотворения носит. Не “сотворим злая, да придут благая” (Рим 3, 8).

“Горе вам, насыщеннии ныне, яко взалчете! Горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете” (Лк 6, 25)»! (Моя жизнь во Христе. Т. 2. С. 113).

Вот какой строгий суд вынес столь авторитетный для нас величайший праведник нашего времени и подлинный благотворитель отец

Иоанн Кронштадтский современным «благотворителям»!

Не следует ли серьезно прислушаться к этому авторитетному мнению и призадуматься, вместо того чтобы с гордой заносчивостью и самомнением отвергать голос христианского благоразумия, как это у нас обыкновенно делается? Не свой гордый, превозносящийся разум будем ставить на первое место, а разум матери нашей — Святой Церкви в лице ее великих, прославленных и Богом и людьми духовных служителей, каковыми в древности был святитель Николай Чудотворец, а в наше время — столь плодотворно подражавший ему в подвиге пастырского служения приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский.

Их высокому примеру и богомудрым наставлениям и будем следовать!

Надо также помнить, что всякая такая «общественная благотворительность», которая связывает и обязывает, может быть не только не христианской, но даже *антихристианской*: антихрист ведь будет величайшим *общественным* благотворителем и путем именно *такой* «благотворительности» приобретет влияние, а затем и полноту власти над всем человечеством, столь падким на благотворения.

Вообще крайне необходимо знать, что всякое доброделание и всякая нравственность, оторванная от истинной веры в Бога и от послушания Святой Церкви, не только не спасительны, а даже губительны, поскольку они творятся *«во имя свое»* (Ин 5, 43), а не во имя Божие. Только то добро есть истинное добро, которое делается, как у нас говорили, *Христа ради*. А иначе все труды наши будут *всуе*, сколь бы мы ни льстили самим себе и ни ублажали сами себя и как бы ни хвалили и ни превозносили нас люди, делающие это обычно, притом далеко не бескорыстно.

И, наконец, еще одна чрезвычайно важная черта в святителе Николае, черта, почти совсем утраченная современными людьми и даже многими из числа занимающих высокие престолы священства.

Святитель Николай никогда не раболепствовал перед сильными и славными мира сего. В нем в высокой степени было развито чувство правды Божией, чувство высшей справедливости. Смиренный сердцем, но сильный духом, он мужественно выступал против представителей гражданской власти, когда она попирала правду, в защиту невинно обиженных и неправо осужденных. Не устрасился он жестоких гонений языческой власти, претерпев

темничное заключение за веру; не побоялся он выступить и против несправедливых поступков сменившей языческую новой христианской власти, вплоть до принятия самых решительных мер, когда, как известно из жития его, он выхватил из рук палача меч, уже занесенный над головами невинных жертв, а в другой раз — чудесным образом принудил самого императора Константина пересмотреть свой приговор и помиловать оклеветанных военачальников.

Таков был этот дивный угодник Божий! Его необыкновенная, сияющая по всей вселенной слава, или, выражаясь светским языком, популярность, уже сама по себе ярко свидетельствует о жизненности и истинности нашей святой православно-христианской веры, правилом, или образцом которой он был.

Казалось бы: *какой простой выход* из создавшегося тяжкого международного положения, из того безнадежного нравственного тупика, в какой зашло современное человечество, так живо, как никогда, ощущающее близость своей неминуемой гибели, — перестать кощунственно делать из святителя Николая какого-то легендарного шутовского Деда Мороза, или Санта Клауса, раздающего подарки

детям, а вместо этого *серьезно* заняться воспитанием детей в духе той веры, которую с детства исповедывал святитель Николай, старавшийся потом всю свою жизнь проводить в строгом соответствии с ее требованиями.

В этом и *только* в этом — единственное спасение для человечества. А без этого наивно ждать в будущем чего-либо хорошего! Но что этому мешает?

1960

С нами Бог!

*Всяческая днесь радости исполняются,
Христос родися в Вифлееме.*

Как величественно и торжественно звучит на всенощном бдении под праздник Рождества Христова древнее пророчество святого Исаии: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покайтесь... яко с нами Бог» (Ис 8, 8, 10). Сколько самой возвышенной и светлой радости, сколько самой твердой и ничем не поколебимой надежды на милость и помощь Божию внушает оно нам, странствующим в неверной и изменчивой земной юдоли — юдоли греха, печали и слез.

Какой это чудный праздник — день Рождества Христова! Какое дивное торжество! Уста смыкаются пред священным безмолвием вифлеемской ночи, сердце в тишине внемлет ангельскому пению:

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк 2, 14).

«Ныне не время поучений, — говорит отечественный наш подвижник и вития свяtitель Феофан. — Ныне не время поучений, но время славословий; ныне не время наставлений, но время благодарений». И к этому-то и зовет нас Церковь.

«Христос раждается — славите! — взывает она. *— Христос с небес — сряцете! Христос на земли — возноситеся! Пойте Господеву вся земля, и веселием воспойте людие, яко прославися».*

Что еще к этому можно прибавить? Разве можно выразить чувство радости и ликования сильнее, чем оно выражено в этих немногих, но столь много говорящих сердцу верующего словах? Сколько пламенной веры и горячего вдохновения слышно в этих словах, какая неотразимо влекущая сила мощного призыва ко Христу заключается в них!

Да и в самом деле, как не радоваться, как не ликовать нам в этот преславный день Рождества Христова? Ведь в этот день совершилось то,

чего тысячелетиями ожидало погрязшее во грехах, страстях и пороках, уже отчаявшееся в своем спасении человечество, измученное враждой и отсутствием высоких и осмысленных интересов и целей в жизни. Сладостной мечтой об этом дне сознательно или бессознательно только жили и дышали на протяжении более пяти тысяч лет все лучшие представители человечества до Христа — ветхозаветные праведники и пророки и славные мудрецы языческого мира, верившие в то, что только пришествие в мир Сына Божия сможет облегчить человеку путь добродетельной жизни, избавить его от тяготеющего над ним чувства какой-то мучительной обреченности, водворить на земле мир, принести общее счастье и новую блаженную жизнь.

И вот оно — совершилось. Совершилась *«великая благочестия тайна: Бог явился во плоти»* и поселился между людьми, став истинным человеком, но не переставая в то же время быть Богом.

С нами Бог! Он явился на землю для того, чтобы действительно даровать нам эту новую блаженную жизнь, чтобы научить нас, как ее достигнуть и, что особенно важно, дать нам необходимые силы к ее достижению. Взошло *Солнце правды* и озарило весь мир Своим Боже-

ственным светом. Оно дало нам *«свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем во истинном Сыне Его Иисусе Христе»* (1 Ин 5, 20).

И теперь, после всего того, что было нам дано и сделано для нас воплотившимся и явившимся на землю Сыном Божиим, если не видим мы среди современных людей райской жизни, если не возносится постоянно среди нас слава в вышних Богу, если нет на земле прочного мира и в человеках благоволения, то кто в этом виновен?

Виновата в этом только одна наша упорная, злая, коснеющая в пороках и преступлениях человеческая воля, отвращающаяся от своего Спасителя, — воля, которая не имеет для себя уже никаких оправданий и которая понесет страшную кару, страшное возмездие во Второе славное Пришествие Христово, когда Христос явится, как Мздовоздаятель, *«судити живым и мертвым»* (1 Пет 4, 5).

Как не убояться нам этого? Как не вострепетать при помышлении о приближении к нам этого страшного дня судного?

Убоимся же этого! Но убоимся не вечного огня и страшных мук, как презренные рабы, не сотворившие воли господина своего, а убоимся лучше своей черной неблагодарности Богу, своей бесчувственности к Его бесчисленным

благодетелям, убоимся, как сыны, лишения Отчей любви, убоимся оскорбить безмерную, несказанную любовь Божественную к нам, окаянными грешниками. Сознаем наше высокое сыновнее достоинство, дарованное нам Богом. Ведь мы — *сыны Его* по благодати, как подчеркивается это в замечательном апостольском чтении, приуроченном к празднику Рождества Христова. Мы — *сыны Божии и наследники Иисус Христом* (см.: Гал 4, 7).

А для того, чтобы быть достойными того великого наследства, которое уготовал Он нам во Царствии Своем, возьмем пример с Него, — пример *смирения и послушания*. Когда в предвечном совете Божиим было решено спасти человека через воплощение и крестные муки Сына Божия, Сын Божий не отрекался этого, не прекословил, но тотчас же изрек: «*Се, иду сотворити волю Твою, Боже*» (Евр 10, 9).

Вот каково было Его сыновнее послушание! И чего-чего только не перетерпел Он, Всемогущий Бог, равночестный и сопрестольный Богу Отцу, лишь бы только исполнить волю Отца Своего Небесного. Как безгранично умалил и уничижил Он Себя, сойдя во утробу Девы и родившись от Нее беспомощным Младенцем! Какое безмерное смирение показал Он, Творец вселенной, обладатель всех сокро-

вищ мира, Которому с трепетом предстоят ангельские силы, положившись в убогих яслях в мрачной подземной пещере и повившись пеленами!

И все это Он сделал для нас, единственно по несказанной любви Своей к нам, чтобы нас обогатить, нас осчастливить, сделать вечно блаженными.

Что же мы? Неужели не стыдно, не грешно оставаться нам бесчувственными к такой любви?

Но чем мы можем отблагодарить Его? Возьмем пример с Него, убогого Младенца, лежащего «в скотиих яслех».

Научимся от Него всецелой преданности воле Божией, научимся божественному *смирению*, этому венцу добродетелей, предадим себя с полной *покорностью* в руке Его, дабы мог Он на Страшном Суде Своим сказать о нас Отцу Своему Небесному: «*се, Аз и дети, яже Ми дал есть Бог*» (Евр 2, 13).

С нами Бог, братие. Потщимся же и мы, не смотря ни на что, не прельщаясь никакими соблазнами и искушениями временного и скоропреходящего мира сего тленного, *быть с Ним*. В этом единственный верный залог нашего счастья, нашего благополучия не только в этой временной, но и в *вечной*, ожидающей

неизбежно всех нас жизни. Не станем скрываться и убегать от Него, как некогда согрешивший Адам в раю, но, наоборот, — смело и радостно пойдем к Нему, мысленно припадем к божественным стопам Его и, поклонившись Ему, как некогда волхвы, от глубины сердца возопием: «Рождейся от Девы, Боже, помилуй нас!»

1959

С Новым годом, с новым счастьем!

Так когда-то приветствовали у нас на Руси друг друга русские люди при наступлении Нового года.

Этим стародавним традиционным приветствием сердечно приветствуем и мы всех наших соотечественников — православных русских людей в изгнании и рассеянии сущих и искренно желаем им в наступающем Новом, 1963 году *нового счастья*.

Но как и откуда может прийти к нам это «новое счастье»?

Надо знать, что счастье наше зависит прежде всего и в первую очередь не от каких-либо

внешне благоприятных условий и обстоятельств нашей жизни, всегда столь изменчивой и непостоянной, а главным образом — от *внутреннего* состояния наших душ. Когда в душе настоящий ад от неудовлетворенных желаний, стремлений и разного рода греховных страстей, когда кипит в ней зависть, злоба, гнев и ненависть, когда погружена она в уныние и отчаяние, — о каком счастье можно тогда говорить?!

Вот почему новое счастье возможно для нас только тогда, когда мы сами станем *новыми*, когда мы *обновимся* душами своими, когда мы, по выражению слова Божия, *совлечемся ветхого человека с деяньми его* и облечемся в *нового, обновляемого в разум по образу Создавшего его* (Кол 3, 9–10), то есть когда мы, как разъясняет дальше апостол, *отложим прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях*, и обновимся *духом ума* нашего, *облекшись в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины* (Еф 4, 22–24). Иными словами, когда мы облечемся, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в *милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу, как Христос простил нас*. Более же всего — когда мы облечемся в *любовь, которая есть совокупность совершенства*. И когда будет

владычествовать *в сердцах* наших *мир Божий*, к которому мы, христиане, призваны, когда слово Христово будет вселяться в нас обильно, со всякою премудростью, когда мы будем научать и вразумлять друг друга *псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах* наших Господу, а коротко говоря: когда мы будем так настроены, что все, что ни делаем, словом или делом, все будем делать *во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца* (Кол 3, 12–17).

Таково о самом важном для нас, о самом жизненном непреложное учение слова Божия, которое *«пребывает во веки»* (Ис 40, 8)!

Кто же, помимо этого ясного учения слова Божия, хочет находить какие-то *иные* пути к счастью человека — к установлению мира, благополучия и благоденствия на земле, тот только жестоко заблуждается и ничего, кроме самых горьких и мучительных разочарований, не добьется.

Разве не довольно для нас, как яркое доказательство этого, всего того ужаса, который постиг нашу Родину — Россию? Разве не постигло такое же самое горькое и мучительное разочарование всех тех, кто ожидал какого-то нового счастья от так называемого социализ-

ма и коммунизма, столь много обещавших обманутому ими человечеству?

Такое же точно разочарование ожидает и всех тех, кто, игнорируя учение слова Божия и истинную Церковь Христову, станет стремиться к одному лишь *внешнему* упорядочению человеческой жизни, не желая помышлять о *внутренних, духовных* основах ее (в которых-то и заключается вся суть!) — кто видит все счастье людей в одной лишь *внешней форме* их жизни, в лучшем, по их мнению, политическом государственном строе, как бы он ни назывался.

Все это — наивная мечта, никогда еще себя не оправдавшая и никогда не могущая себя оправдать, ибо Спаситель наш, Господь Иисус Христос, для того и пришедший на землю, чтобы даровать нам истинное счастье, ясно сказал, предупредив нас: *«Без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин 15, 5).

Что же без Него, без созданной Им Церкви можем сделать мы хорошего? *Ровно ничего.*

Не политика, а вера Христова. Не политическая, а духовно-нравственная работа и церковная деятельность. Вот что *только* и может спасти нас, спасти нашу Россию, спасти весь столь очевидно к гибели стремящийся мир.

Это отнюдь не значит, что мы вовсе и не чисто отвергаем *всякую* политику и *всякую* политическую деятельность. Вовсе нет!

Мы только указываем и подчеркиваем, что, по утверждению высочайшего для нас авторитета — учению слова Божия, на *первом* месте для нас, православных русских людей, должна *быть* наша святая православная вера и наша Святая Церковь.

Все же остальное, как бы оно ни казалось нам прекрасным и возвышенным, должно стоять, по сравнению с этими величайшими духовными ценностями, на *втором* месте. Ведь Христос Спаситель сказал вполне определенно, а слова Его, конечно, должны быть для нас непререкаемо авторитетны: «*Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и все остальное тогда приложится вам*» (Мф 6, 33).

Таким именно путем искания прежде всего Царствия Божия и правды Его и шел на протяжении всей своей истории наш православный русский народ — так именно и строилась та великая Россия, в которой вера и Церковь всегда были на первом месте.

А когда русский народ, под влиянием безбожных агитаторов, пришедших к нам с боготступнического Запада, стал отклоняться от этого своего подлинно исторического пути,

тогда и разразилась над ним эта страшная кровавая катастрофа, в результате коей мы очутились в изгнании, а весь остальной русский народ под игом страшного, беспримерного рабства.

Вот почему так печально видеть, когда православные русские люди, столь много перестрадавшие и даже свою Родину потерявшие, находясь здесь в изгнании, нисколько не помышляют о своем духовном *обновлении*, а продолжают жить все теми же безбожными и антицерковными взглядами, интересами и настроениями, которые именно и привели к такому страшному бедствию нашу несчастную Родину — Россию. И наивно думают, что без полного и всецелого возвращения их к Богу и без подлинного оцерковления их жизни, путем одной лишь политической деятельности, можно будто бы спасти Россию. И даже самую Церковь нашу хотят подчинить своей политике, сделать ее орудием своих политических интриг, игрушкой своих политических страстей.

Вечное хотят подчинить временному, небесное — земному, святое — греховному...

Что может быть ужаснее, безнадежнее, преступнее такой духовной слепоты, такого крайнего неразумия, от которого лишь один шаг до самых глубин адовых?

Где уж нам ожидать нового счастья с такими настроениями? И на что хорошее можем мы рассчитывать в наступающем Новом году?

Нет! Как учит нас слово Божие, как учит нас Святая Церковь, путь спасения для нас, для нашей России и для всего мира *только один — это путь духовного обновления.*

Найдем в себе мужество сознать свои пагубные ошибки и заблуждения, в свое время и Россию приведшие к гибели, образумимся наконец, поняв, что без Божией помощи мы — *ничто*, обратимся всею душою и всем сердцем в теплом чувстве искреннего *покаяния* к Богу и к истинной Церкви, — *обновимся душами своими*, дабы этот наступающий, 1963 год действительно стал для нас *новым* годом, а тогда сможем мы надеяться и на *новое счастье!*

1962–1963

Постимся постом приятным

Вот и Великий пост — «время покаяния», «жительство Ангелов и спасение человеков», духовная отрада для истинно верующих душ.

Отношение к посту, в наше время особенно, есть яркое мерило церковности. Церковно настроенные христиане радуются при наступлении Великого поста, ибо спасительная стихия поста, очищающего и освящающего их души, это — их родная стихия. Люди, отошедшие от Церкви, утратившие дух подлинной церковности, как бы не замечают наступления поста, он для них словно не существует, а некоторые из них относятся к посту прямо враждебно. И таких в нынешнее время большинство.

Отчего это? Это оттого, что современные люди, даже из числа считающих себя православными христианами, настолько далеко отошли от истинной веры в Бога, от истинной Церкви, настолько перестали жить подлинной духовной жизнью, что правильное понятие о посте сделалось им совершенно чуждым. Поэтому они и не чувствуют потребности в посте и не постятся. Мало того, многие из них, отрицательно относясь к посту, осуждают верующих, которые постятся, называя их ханжами и тому подобными именами.

Такое отношение к посту, если оно не связано с явным богоборчеством, объясняется главным образом тем ужасающим религиозным и церковным невежеством, в котором

живут современные люди, и совершенно превратным вследствие того представлением о посте. Большинство современных людей наивно считают, будто вся сущность поста заключается лишь в запрещении есть мясо, молоко, сыр, яйца и всю так называемую скоромную пищу, и негодуют на это, ибо главный интерес жизни сводится у них к получению как можно большего числа чисто животных удовольствий и наслаждений. Они не могут себе представить, как обойтись хотя бы в течение нескольких дней без мяса и других видов лакомой и утучняющей плоть пищи, и ожесточенно возражают против поста, находя даже подходящие, как им кажется, изречения из Священного Писания (с которым вообще по большей части они даже не знакомы) вроде того, что «входящее в уста не оскверняет человека» (см.: Мф 15, 11), и, по-видимому, не зная, что сказавший это Христос Спаситель Сам постился, и притом так строго, как никто из нас не постится теперь, *«сорок дней и сорок ночей»* (Мф 4, 2) совсем ничего не вкушая. Он же дал нам и заповедь о том, как мы должны проводить пост, о чем и напоминает нам Святая Церковь в установленном ею евангельском чтении перед наступлением Великого поста в Неделю сыропустную (Мф 6, 16–18): поститься мы должны *для Бога*, а не для людей.

Сам же Господь указал нам и на всю великую важность поста, как на *одно из двух* могущественных средств борьбы с темной бесовской силой.

«Сей же род (то есть бесовский род) не исходит, токмо молитвою и постом» (Мф 17, 21) — сказал Он Своим ученикам, в объяснение, почему они не смогли изгнать беса из жестоко бесновавшегося юноши, которого привел к ним с просьбой об исцелении несчастный отец.

Вот почему так важно знать, как следует по-настоящему поститься и в чем заключается истинный пост, и всем неведущим и непонимающим разъяснять это, всячески разбивая нелепые представления о посте людей, чуждых и враждебных Церкви.

В чем же состоит сущность поста по учению Церкви?

Это так ясно и понятно разъяснено в целом ряде наших прекрасных церковных песнопений, из коих особенно выразительна стихира, которая поется в понедельник на первой седмице Великого поста. Вот эта стихира:

«Постимся постом приятным, благоугодным Господеву: истинный пост есть, злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи

и клятвopеcтyплeния. Cиx oскyдeниe, пocт иcтинный ecть, и блaгoпpиятный».

Итак, вот что такое *истинный* пост: не отказ только от скоромной пищи, но прежде всего — *«злых отчуждение»*, то-есть *отчуждение* себя, своей души *от всякого зла*. А далее в стихире идет яркое и понятное перечисление — от каких именно видов зла.

Предостерегают наши церковные песнопения и от неправильного поста — тех, кто всю суть постного подвига видят в одном только телесном воздержании от скоромной пищи, и решительно осуждают таких «постников».

«От брашен постящися, душе моя, и страстей не очистившися, всуе радуешися неядением: аще бо не вина ти будет ко исправлению, яко ложная возненавидена будеши от Бога, и злым демоном уподобишися, николиже ядущим» — так поется в стихире на подготовительной к Великому посту сырной седмице (в среду на утрени). Это значит: напрасно радуется своему посту тот, кто хотя не ест скоромной пищи, однако не заботится об очищении себя от греховных страстей. Такой лишь уподобляется злым демонам, которые совсем ничего не едят. Пост, который не служит внутреннему исправлению души, есть лицемерие, навлекающее гнев Божий.

Пост приятный и благоугодный Господу заключается в разумном сочетании телесного воздержания от скоромной пищи с духовным воздержанием от служения греховным страстям, причем это телесное воздержание должно рассматриваться не как самоцель, а лишь как *средство* для успешной борьбы с греховными страстями.

Сущность поста — именно в этой борьбе за освобождение своей души от порабощения ее злом.

С каким же злом надлежит нам прежде всего бороться?

Вышеприведенная стихира указывает, что истинный пост состоит, в первую очередь, в «воздержании языка». В самом деле, наблюдая повседневную жизнь, мы не можем не убедиться, что больше всего зла в жизни происходит от невоздержания языка. Замечательно ярко и выразительно говорит об этом святой апостол Иаков в своем соборном послании: *«Язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает. И язык огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим,*

а язык укротить никто из людей не может: это не удержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человека, сотворенных по подобию Божью. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братья мои, сему так быть» (Иак 3, 5–10).

Всегда это так было, но особенно в нынешнее время потери всякого уважения к человеческому слову, слова так часто расточаются на ветер и приводят к совершенно неожиданным последствиям, меняя иногда всю обстановку жизни, что страшно становится, как легкомысленно играют люди, эти «словесные твари», великим даром слова, — даром Своего Творца Бога-Слова. Мы не говорим здесь о злонамеренном злоупотреблении словом, о чем речь ниже, а лишь о так называемом *празднословии*, которое само по себе уже есть великое зло, почему и сказано Самим Господом: *«всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово (то есть дадут они ответ) в день судный»* (Мф 12, 36).

Вот почему во дни Великого поста Святая Церковь учит нас молиться словами преподобного Ефрема Сирина: *«Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми»*.

Многие подвижники христианского благочестия любили говорить, что они часто жа-

лели о произнесенных ими словах, но никогда не жалели о том, что молчали. Потому-то высшая степень христианского подвижничества и носит название *безмолвия*. «Если любишь покаяние, — говорит преподобный Исаак Сирий, — возлюби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства. *Паче всего возлюби молчание*. Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудия этого мира» (Слово 41 и 42).

Вся жизнь человечества преобразилась бы к лучшему, если бы все люди сознали эту великую истину и перестали бы легкомысленно бросать на ветер слова, предпочитая молчание.

На втором месте признаком истинного постничества наша стихира указывает *«ярости отложение»*. И это для нас должно быть совершенно ясно. Сколько ужасающего зла, делающего жизнь людей еще на земле кромешным адом, происходит от ярости, или от необузданного гнева!

«Гнев бо мужа правды Божия не соделовает (Гнев человека не творит правды Божией)», — говорит слово Божие (Иак 1, 20). Поэтому, *«солнце да не зайдет во гнев ваш»*, — увещевает христиан святой апостол Павел (Еф 4, 26). *«Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас»* (Еф 4, 31).

Единственный гнев, который не только допустим, но и заслуживает похвалы в христианах, это — гнев на родоначальника всякого зла сатану и на собственные грехи и страсти. В отношении же друг ко другу христиане должны быть, как завещает святой апостол Павел, *добры, сострадательны и исполнены всепрощения, «как и Бог во Христе простил»* (Еф 4, 32) всех нас, следуя наставлению Самого Господа: *«научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обряцете покой душам вашим»* (Мф 11, 29). Без кротости и смирения нет и не может быть покоя в душах человеческих, не может быть мира и благосостояния в жизни людей.

«Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал 5, 15), — предупреждает нас слово Божие.

Как мало думает об этом современное человечество, в гордыне своей самонадеянно отвергнувшее веру в Бога и Святое Евангелие!

И вот призрак гибели от вновь изобретенных страшных орудий разрушения повис над всею нашею планетою. Сами обезумевшие в злобе и ярости своей люди собственными руками своими уготовляют себе эту гибель.

Далее, как мы видим, истинный пост есть *«похотей отлучение»* — освобождение своей души от порабощения *похотями*. Человек, хотя

и состоит из души и тела и по телу своему подобен животным, но он — все же человек, а не животное, и имеет разум и свободную волю, которыми и должен руководиться в своей жизни, а не *«бессловесными стремленьми»*, каковы суть похоти, унижающие человеческое достоинство, когда человек неразумно и всецело удовлетворению их предается, и доводящие иногда человека подлинно до скотского состояния, по слову Писания: *«человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им»* (Пс 48, 13).

Похоти эти многовидны и многообразны, но более всего из них в настоящее время господствуют блуд, чревоугодие, пьянство и курение табака, которым современный человек с особенным бесстыдством и бесстрашием предается, большей частью уже не видя в них ничего предосудительного. И это делает современную жизнь особенно гнусной и отвратительной, ибо нет ничего более мерзкого, чем вид человека, созданного по образу Божию, который доходит до скотского состояния и готов на всякое преступление, лишь бы иметь возможность удовлетворения своих похотей. И что всего ужаснее и губительнее — для полного и окончательного усыпления совести даже мнимая наука привлекается на

помощь. Эта мнимая наука не стыдится провозглашать эти похоти законными и чуть ли не даже необходимыми потребностями человеческого естества.

Между тем слово Божие нам ясно говорит: *«Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют»* (1 Кор 6, 9). О курении табака здесь не говорится, так как этой особенно противостественной и зловредной страсти в то время еще не существовало.

Задача истинного христианина, желающего обрести душевный мир и стать наследником Царствия Божия, которое не есть *«пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе»* (Рим 14, 17), — бороться со своими страстями и похотями вплоть до полной победы над ними. Христианин должен быть господином над своими изменными животными влечениями, а не жалким рабом их.

«Иже Христовы суть, говорит слово Божие, плоть распяша со страстьми и похотьми» (Гал 5, 24).

Наконец, истинный пост состоит в *«оскудении» «оглаголения, лжи и клятвопреступления»*. Здесь речь идет о самой высшей степени злоупотребления человеческим словом. Если пре-

ступно всякое *праздно-сло*вие, то насколько грешнее и преступнее всякого рода *зло-сло*вие.

«Оглаголение» (оговаривание), или злоречие и клевета, ложь и клятвопреступление, как бы смертоносным ядом, отравляют человеческие души и, наряду с вышеперечисленными страстями и похотями, делают мрачной, нестерпимой и мучительной человеческую жизнь, нередко доводя человека до отчаяния и самоубийства.

Думают ли об этом современные клеветники, пересудчики, сплетники, злобные лжецы и клятвопреступники, для которых поистине нет ничего святого?

Не только отдельные люди, но и целые государства гибнут от лжи и клеветы, как мы это наглядно видели на примере нашей несчастной Родины — России.

Особенно пагубно исполненное лжи современное *печатное* слово, ибо оно представляет собою великую силу, и горе современному человеку от того, что эта мощная сила теперь почти полностью вся обращена на зло!

В душе каждого человека живет приращенное ему, вложенное от Бога, вместе с дыханием уст Божиих, стремление к правде, но отход от Бога неизбежно извращает это доброе стремление и толкает человека в духовный

плен к врагу Божию — диаволу, который, по слову Самого Христа Спасителя, *«ложь есть и отец лжи»* (Ин 8, 44). Правда в душе человека, отошедшего от Бога, от Церкви, которая одна есть *«столп и утверждение истины»* (1 Тим 3, 15), иногда неприметно для него самого подменяется ложью, и человек провозглашает ложь и служит лжи, порою даже искренно думая, что он — последователь истины.

Но ужаснее всего клевета и ложь, питаемые злобою. Они не знают для себя предела, и человек, впавший в это страшное губительное состояние, становится подлинно как бы одно, один дух с сатаною, самые имена которого значат: сатана — «обольститель», а диавол — «клеветник», тем самым характеризую его природу.

Вот и мы — русские эмигранты, покинувшие нашу Родину во имя правды, — мы нередко ублажаем сами себя, применяя к себе 8-ю заповедь блаженства: *«Блажени изгнани правды ради»* (Мф 5, 10).

Но есть ли в нас самих эта правда?

Она есть в нас лишь постольку, поскольку мы твердо держимся истинной Церкви. Но лишь только мы отходим от Церкви и провозглашаем истиной *свое собственное* мудрование, мы тотчас же попадаем в сети лжи и начинаем

провозглашать ложь, выдавая ее за истину. А отсюда уже проистекает и всякая клевета, оговаривание и злоречие, чем, к сожалению, так полна наша эмигрантская жизнь на чужбине. И все наши дразги, смуты и нестроения, как в церковной, так и в политической и общественной жизни, имеют один и тот же источник — диавольскую ложь, которую противопоставляют люди, отошедшие от Бога, от истинной Церкви, чистому и беспримесному учению нашей святой православной христианской веры, проповедуемой истинной Церковью.

Самое важное и самое ценное в христианине — это *стояние в истине* и полная непримиримость к диавольской лжи, в каких бы благовидных формах она ни являлась.

«Для меня нет большей радости, — говорит возлюбленный ученик Христов, святой апостол Иоанн Богослов, — как слышать, что дети мои ходят в истине» (3 Ин 1, 4).

И это потому, что Сам *«Господь Бог есть истина»* (Иер 10, 10).

Вот почему время Великого поста и должно быть для нас временем усиленной борьбы за искоренение из душ наших всякой лжи и за насаждение истины, которая приближает нас к Богу.

Что сказать о тех, которые постятся иначе? Пост их бесплоден. Наш великий святитель Тихон Задонский ясно говорит, что один телесный пост без поста духовного *«ничтоже есть»*.

Но вместе с тем нельзя относиться безразлично и пренебрежительно и к посту телесному, как это многие делают, в особенности в настоящее время. Не устанавливала бы Церковь телесного поста, если бы он был не нужен или маловажен.

Телесный пост — великое и могущественное оружие в борьбе с нашими страстями и похотями. И он настолько важен и необходим, что без него не может быть у нас надлежащего успеха и в посте духовном. Воздерживаясь от недозволенной постом пищи, мы оказываем послушание Церкви, которое смиряет нашу гордыню, являющуюся родоначальником всех греховных страстей и похотей. Вместе с тем телесный пост помогает нам совладать с нашей плотью, в которой как раз и гнездятся многие страсти и похоти, питаемые и укрепляемые невоздержанием в пище и питии. Дух в человеке должен занимать господствующее положение, а плоть — подчиненное. Но если плоть не смирять телесным постом, она начинает господствовать над ду-

хом, порабощая и угнетая его до такой степени, что духовная жизнь в человеке как бы замирает. Человек падает тогда с высоты своего человеческого достоинства и обращается в плоть бездушную, не способную иметь общение с Богом. Дух Божий тогда отступает от человека, по слову Самого Господа: *«не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть»* (Быт 6, 3).

Но если Дух Божий отступает от человека, тогда в сердце его открывается доступ бесу.

Вот почему сказано Господом: *«сей же род (бесовский) не исходит, токмо молитвою и постом»* (Мф 17, 21).

С этой точки зрения вполне понятно все то, что произошло с нашей несчастной Родиной. Русский народ, отступивший от Бога, поправший завет Евангелия и правила Святой Церкви, в том числе и правило о посте, подвергся страшному беснованию. Подобное же беснование, только в разных видах и формах, наблюдается ныне и во всем богоотступническом человеческом роде и влечет все человечество к конечной гибели. Единственное спасение для мира — в этом обоюдоостром оружии против бесов, по выражению наших великопостных церковных песнопений, — *в молитве и посте*.

Потому так и радуется еще не окончательно погрязшая в тине бесовского зла душа человеческая наступлению Великого поста, чувствуя в нем единственное мощное средство своего спасения. И зная это, Святая Церковь радостно взывает ко всем верным чадам своим: «Постное время светло начнем, к подвигом духовным себе подложивше: очистим душу, очистим плоть, постимся якоже в снадех от всякия страсти, добродетельми наслаждающиеся духа: в нихже совершающиеся любовью, да сподобимся вси видети всечестную страсть Христа Бога, и Святую Пасху, духовно радующиеся».

1959

Чему учит нас великий проповедник покаяния?

*Час присто провидя суда, рыдал еси
горько, Ефреме, яко любобезмолвный,
делателен же был еси в делех учитель,
преподобне. Темже, отче всемирный,
ленивые воздвизаеши к покаянию.*

(Кондак преп. Ефрему Сирину)

Такими словами Святая Церковь прославляет великого проповедника покаяния — пре-

подобного и богоносного отца нашего Ефрема Сирина, имя которого так тесно связано с Великим постом и память которого празднуется всегда незадолго до наступления Великого поста — 28 января ст. ст.

Кто не знает умилительной молитвы преподобного Ефрема: «Господи и Владыко живота моего...», без которой невозможно представить себе великопостного богослужения? Но мало кто из современных мирян знает, что и другие письменные творения преподобного Ефрема — его изумительные по силе глубокого покаянного чувства вдохновенные назидательные поучения включены Святой Церковью в круг великопостного богослужения, в виде особых, положенных уставом, чтений. Наряду с Великим покаянным канонем преподобного Андрея Критского, и эти дивные поучения преподобного Ефрема (которые — увы! — вовсе не читаются теперь в приходских храмах) таковы, что «и самую жесточайшую душу довольны умягчить и к бодрости благой воздвигнути» (синаксарь четвертка 5-й седмицы поста).

Многоплодовый духовный писатель и проповедник преподобный Ефрем Сирин оставил после себя множество замечательных и разнообразных по содержанию письменных

творений, высоко оцененных Святой Церковью. Соотечественники наименовали его «пророком сирским», но слава его вскоре распространилась далеко за пределами его отчества во всей Вселенской Церкви, великим отцом и учителем которой он стал на все последующие времена.

Блаженный Иероним пишет о нем: «Ефрем, диакон эдесский, достиг такой славы, что в некоторых церквях сочинения его читаются публично после Священного Писания». «Прославлять мне надобно того, — говорит святитель Григорий Нисский, — кто в устах всех христиан — Ефрема Сирина, того Ефрема, которого жизнь и наставления сияют в целом мире». Блаженный Феодорит называет преподобного Ефрема не иначе как «чудным Ефремом», а святой Феофан — «великим Ефремом». Творения преподобного Ефрема — истолковательные, догматические и песнопевческие — показывают в нем и глубокое знание Священного Писания, и обширную ученость.

Но более всего прославился преподобный Ефрем как *учитель христианской жизни и, в частности, как проповедник сокрушения сердечного*. По свидетельству нашего выдающегося церковного историка архиепископа Филарета

Черниговского, «сочинения последнего рода составляют именную печать души преподобного Ефрема и вместе его славу на все века». Святитель Григорий Нисский говорит, что «плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом, — день и ночь лились у него слезы».

Прославленный даром чудотворений, отрешившийся от всех земных привязанностей, отдавший непрестанной молитве, пощению, бдению, богомыслию, нестяжательности, но вместе с тем и милосердию, проявлявшемуся в деятельном служении ближним, необычайно смиренный подвижник, постоянно осуждавший себя, но в то же время ревностный и тонкий обличитель еретиков, неутомимый и глубокомысленный толкователь Священного Писания, искренний и искусный песнописец, редкий знаток человеческого сердца и пламеннейший проповедник покаяния и нравственного обновления, преподобный Ефрем, по словам святителя Григория Богослова, вмещал в себе все то, что составляет отличительные черты человека по Богу.

Знание духовной природы человека, приобретенное путем постоянного самоуглубления, привело его, однако, к сознанию того, что самое необходимое для человека — это

сокрушение сердечное и плач о грехах своих. И он сам постоянно плакал, и других в своих поучениях учил плакать, в строгом соответствии со второй заповедью блаженства: «блажени плачущи, яко тии утешатся» (Мф 5, 4). И поучения преподобного Ефрема, с одной стороны, поражают и сокрушают душу страхом, но в то же время, исполняя ее глубокого умиления, утешают высокою неземною радостью.

Ни о чем другом так много не говорил и не писал преподобный Ефрем, как о сокрушении сердечном, как о необходимости постоянно проливать слезы покаяния, потому что и сам он был проникнут чувством глубочайшего сокрушения о грехах своих. Ни днем, ни ночью не отступала от него эта мысль о грехах. «На ложе моем, — говорит он в одном из своих умиленных песнопений, — помыслил я о Тебе, Человеколюбче, и в полночь восстал прославить благодать Твою. Привел себе на память долги и грехи свои и пролил потоки слез. Ободряли меня разбойник, мытарь, Мария-грешница, хананеянка, и также кровоточивая и самаряныня при кладезе водном. Они говорили мне: восстань, умоляй о щедротах; Господь твой исполнен щедрот».

Полный сокрушения сердечного, преподобный Ефрем старается и других располо-

жить к такому же смиренному сознанию своих грехов, причем всегда выставляет наперед свое собственное недостойнство. «Будьте по сердоболию, — говорит он в одном своем поучении, — сострадательны ко мне, братие... склонитесь на воззвание человека, который обещался благоугождать Богу и солгал Сотворившему его; склонитесь, чтобы ваших ради молитв избавиться мне от обладающих мною грехов. С детства стал я сосудом непотребным и нечестным... Увы мне, какому подпал я осуждению! Увы мне, в каком я стыде... Подлинно, у меня только образ благочестия, а не сила его».

Стараясь в других возбудить сокрушение, он прежде стремится возбудить его в себе: «Сокрушайся, душе моя, сокрушайся о всех благах, которые получила ты от Бога и которых не соблюла. Сокрушайся о всех злых делах, которые совершила ты! Сокрушайся и кайся, чтобы не предали тебя во тьму крошечную». Вслед за тем обращается он и к другим: «Приидите, братие мои, приидите отцы, приидите рабы Христовы, сокрушим сердца свои и будем день и ночь плакать пред Господом... Приидите, в сокрушении и в простоте сердца припадем к Богу; потому что Он благ и милосерд и спасает кающихся».

Весьма характерны и важны последние слова этого призыва.

Они, как и многие другие места его творений, в корне опровергают мнение современных светских ученых, далеких от духа истинного христианства (см., например, Сиповский В.В. История русской словесности. Ч. I. Вып. 2-й. С. 32), будто преподобный Ефрем был *пессимистом* — мнение, которого держатся об истинном христианстве *вообще* современные мнимые христиане. Сокрушение преподобного Ефрема отнюдь не было каким-то горьким безотрадным состоянием души. Во всех проповедях своих он обращает мысль слушателей к христианскому учению о благодати Божией, а потому сквозь слезы в его словах сияет тихая небесная радость, истекающая из сердца, полного любви к Богу и крепкого упования на своего Спасителя. Слезы его были слезами не мрачного безотрадного отчаяния, как это было бы свойственно пессимисту, а слезами *сладкого* умиления. И сам он никогда не был мрачен с виду. «Лицо Ефрема, — говорит святитель Григорий Богослов, — цвело и сияло *радостью*, тогда как ручьи слез лились из глаз его. Ефрем и там, где говорит о сокрушении, возносится мыслью к благодати Божией, изливает благодарение

и хвалу Всевышнему. Во всех словах и делах его исторглось из души его псаломское слово: «на Него упова сердце мое» (Пс 27, 7)». И между наставлениями его видим мы целые размышления «О любви к Господу», «О блаженствах» надежды и проч. Оттого-то в поучениях преподобного Ефрема столько духовной сладости и силы: они и поражают и утешают, сокрушают страхом и наполняют кротким умилением.

Ввиду таких высоких достоинств наставления преподобного Ефрема приобрели и такую вполне заслуженную ими славу во Вселенской Церкви, что были включены в состав великопостного богослужения. Были они и самым любимым чтением, после Псалтири, и у наших благочестивых предков на Святой Руси, благоговевших перед святым Ефремом и воспитывавшихся на его творениях в духе истинного христианства — святого *Православия*.

Но что именно сделало преподобного Ефрема таким великим наставником подлинно христианского *православного благочестия*? Об этом ясно говорится в приведенном нами выше, в самом начале сей статьи, *кондаке* преподобному Ефрему, который, как и всякий

кондак, выражает *самую главную*, самую характерную черту празднуемого Церковью святого.

Какая же это черта у преподобного Ефрема?

Вот такая: *«Час присно провидя суда, рыдал еси горько, Ефреме...»* Самая главная, самая существенная, самая характерная черта в преподобном Ефреме, черта наиболее для него типичная, черта определившая все его устроение и поднявшая его на такую необычайную духовную высоту как одного из величайших проповедников христианской жизни, — это то, что он *«присно»*, то есть всегда, *непрестанно*, непрерывно *«провидел час суда»* — час последнего суда Божия над всем человеческим родом, час *Страшного Суда*.

И действительно, наиболее сильные, наиболее яркие, более всего потрясающие душу и располагающие ее к покаянию поучения преподобного Ефрема — это те, в которых он необыкновенно живо, так, как бы он сам все это видел своими собственными очами, изобразил приход антихриста, кончину мира, Второе Пришествие Христово и Страшный Суд. В собрании его творений мы находим целых двадцать два Слова, посвященных специально этой теме. Но и во всех других своих поучениях он так или иначе всегда касается

этой же темы, как несомненного центрального пункта, долженствующего определять все устроение истинного христианина.

Как видно из всего вышесказанного, это постоянное помышление о Втором Пришествии Христовом и Страшном Суде и было главным возбудителем никогда не оставлявшего преподобного Ефрема покаянного настроения духа. О, оно не только не парализовало его волю и энергию, не только не заставляло его сидеть сложа руки, а как раз наоборот — было сильнейшим и мощнейшим стимулом его поистине неутомимой и многоплодной деятельности, что и отмечено дальше в кондаке: *«делателен же был еси в делех учитель, преподобне...»* Он и сам старался, следуя призыву святого Иоанна Крестителя, «сотворить плоды достойные покаяния» (см.: Мф 3, 8) и других призывал к этому.

«Приидите, возлюбленные, займемся куплею, пока еще длится день купли, — взывал он, — приидите, приобретем вечную жизнь, купим спасение душ наших... Подвизайтесь в этот едионадесятый час, спешите, чтобы не остаться вне затворенных дверей. Вечер близко, и Мздовоздаятель идет с великою славою воздать каждому по делам его. Покаемся, братие, пока есть время».

«Подумай и смотри: се Жених уже приближается. Он грядет увенчать подвизавшихся законно и возлюбивших узкий и тесный путь... Се Жених — исходите в сретение! Боюсь, чтоб день оный не застал нас внезапно... Не будем же лениться... Пока не затворена дверь, спешите войти... постарайтесь благоугодить Богу, пока есть время... Придет и не замедлит страшный тот час» (Увещание к покаянию).

При всем том мы знаем из жития преподобного Ефрема, что он не был затворником, совершенно ушедшим от мира, прекратившим всякое общение с людьми и сидевшим взаперти. Он весь отдавался самой кипучей деятельности, направленной на благо Святой Церкви и на спасение душ. И это была настоящая, а не какая-либо показная, исполненная искания суетной славы деятельность. Ожидая, по заповеди Господней, близости Второго Пришествия Господа и Страшного Суда Его, он и сам *спешил* делать, и других, как мы видели, увещевал *спешить*. Так, он был участником Первого Вселенского Собора вместе со своим наставником, святителем Иаковом, епископом Низибийским; под его же руководством он не только сам изучал слово Божие, но и других учил в особом училище. Он участ-

вовал в чудесной защите Низибии от персидского царя Сапора. По смерти своего учителя святителя Иакова и падении Низибии под власть персов преподобный Ефрем удалился в Эдессу, где все свободное от труда, ради своего пропитания, время употреблял на проповедь слова Божия язычникам. Удалившись в пустынную эдесскую гору для подвигов, он начал писать там толкование на Пятикнижие. Вскоре он открыл в Эдессе целое училище, из которого впоследствии вышли знаменитые учителя Сирской Церкви. Попеременно святой Ефрем то наставлял иноков, то посещал город, неустанно проповедуя и утверждая в вере его жителей. Со всей свойственной ему пламенной ревностью боролся он против многочисленных еретиков — гностиков, манихеев и ариан и имел такой успех, что Эдесса сделалась подлинно твердыней Православия и городом, «цветущим благочестием». Это благочестие не поколебалось даже в тяжкие времена Юлиана Отступника. Трудно представить себе более кипучую пастырскую деятельность, чем та, которую вел преподобный Ефрем. В этом отношении он дает высокий пример всем христианским пастырям, которые не должны замыкаться от своих пасомых, но обязаны постоянно навещать их — не для

того, чтобы проводить время в гостях, а для того, чтобы утверждать их в вере и благочестии.

Мало того, ища для самого себя духовного назидания, преподобный Ефрем предпринял нелегкое по тем временам путешествие. Прежде всего он посетил колыбель монашества — Египет, желая видеть тамошних великих подвижников, а на обратном пути побывал в Кесарии, чтобы повидать там великого Василия. Святитель Василий поставил его в сан диакона и впоследствии пытался рукоположить его во епископа, но преподобный Ефрем притворным юродством избавился от этой чести, коей, по смирению, считал себя недостойным.

Возвратившись в Эдессу, преподобный Ефрем хотел остаток дней своих провести в уединении, но голод, поразивший близкий ему город, еще раз вызвал его туда на помощь страждущим. Сильным словом своим он смягчил жестокосердие богачей, и они стали приносить ему деньги и другие стяжания для помощи нуждающимся. Принимая эти приношения, преподобный Ефрем раздавал их голодающим, а для больных и бесприютных устроил богадельню. Только с прекращением голода преподобный Ефрем вернулся

в свою пещеру, где вскоре и предал дух свой Богу (372), оставив после себя замечательное, собственноручно написанное им завещание. В этом завещании он с особенной силой внушает ученикам ту же *ревность о сохранении правой веры*, которой горела душа его. «Ни днем, ни ночью, — говорил он, — всю жизнь свою никого не злословил я и с начала бытия своего ни с кем не ссорился, *но непрестанно состязался в собраниях с отступниками. Бегайте их и учения их* и не приближайтесь к ним!» Кротчайший и смиреннейший, преподавая благословение своим верным ученикам, продолжателям его дела, он с возмущением *припоминает имена изменников истины и предаёт их проклятию.*

Таков был этот славный подвижник, великий учитель христианской веры и благочестия, великий проповедник покаяния. Столь многоплодна была его деятельность, столь велики его заслуги перед Вселенской Церковью!

Все, что мы о нем знаем из его жития и творений, в корне опровергает ходячее ныне, неосновательное мнение о том, будто ожидание Второго Пришествия Христова и постоянное помышление о Страшном Суде отнимает жизненность, энергию и лишает воли к деятельности. Только любящие мир со

всеми его греховными обольщениями могут называть умонастроение, столь прославившее преподобного Ефрема Сирина и сделавшее его великим отцом и учителем Церкви, «пессимизмом». Распространенное в наше время отталкивание от мысли о Страшном Суде, нежелание слышать о нем есть только яркое проявление духа современности, глубоко враждебного истинному христианству и ищущего себе иных настроений, иных путей жизни, ведущих несомненно к антихристу, — яркий симптом отступления.

Проходя предстоящее нам теперь поприще Великого поста, будем, следуя заповеди Церкви, насколько это для нас возможно, назидать себя вдохновенными творениями преподобного Ефрема, впитывая в себя его дивные наставления о покаянии, и следовать его призыву о непрестанном памятовании Второго Пришествия Господня и неизбежно ожидающего нас всех Страшного Суда: *«День и ночь имей пред очами последний час!.. не преставай испытывать Божественные Писания, не преставай вопрошать мать свою — Церковь, когда придет желанный Жених? Расспрашивай и разведывай о знамении Его пришествия, потому что Судия не укоснит».*

1960

Торжество девства и хула на девство

Нынешний радостный праздник Благовещения — это праздник торжества девства, ибо это праздник Той, Которая, дав обет девства, сподобилась стать Материю Самого воплотившегося Бога; это праздник Той, Которую наша Святая Церковь ублажает как «Матерь Божию и Деву, рождшую и девствующую паки», как трижды дивную Деву — Деву до рождества, Деву в рождестве и Деву по рождестве, именуя Ее поэтому Приснодевой.

После Верховного Подвигоположника девственной жизни — Божественного Девственника Господа нашего Иисуса Христа — Богочеловека, Пречистая Дева Мария, как подобострастный нам человек, по всей справедливости должна почитаться Основоположницей девства. Так и учила всегда Святая Церковь от самых первых времен христианства. «Некогда в раю существовало девство, — говорит великий Златоуст, — и от змея растлело; посему в средние времена его не видно было; когда же пришел родившийся от Девы Иисус Христос, тогда оно снова явилось». «С того времени, как Дева учинилась Божиею Материю, —

говорит святитель Григорий Богослов, — уже открытым образом стали провождать безбрачную жизнь».

Основанием для девственной жизни в Новом Завете являются слова Самого Господа Иисуса Христа: *«суть бо скопцы, иже из чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася от человек: и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго»* (Мф 19, 12). Здесь различаются три вида скопцов: одни — от самого рождения неспособные к брачной жизни; другие — насильственно оскопленные людьми; третьи — сами себя сделавшие скопцами, но не физическими скопцами, ибо это строго воспрещалось законом Божиим, а духовными. Под этими скопцами, оскопившими себя Царствия ради Небесного, Церковь всегда понимала девственников, ради угождения Богу давших обет всегдашнего девства.

Узаконив таким образом для Своих последователей обет девства, Христос Спаситель сейчас же добавил: *«не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть: могий вместити да вместит»* (Мф 19, 11–12), то есть не все обязываются быть девственниками, но те, которые могут это «вместить», которые чувствуют себя способными к этому. Этим самым девство, как выс-

ший подвиг, к которому не все способны, поставляется выше супружества. Хотя и честное супружество благословлено (см.: Евр 13, 4), но чистое девство выше супружества, как это всегда учила Церковь: «брак — серебро, а девство — золото» (4-е огласительное слово святителя Кирилла Иерусалимского). «Нет подвига более девства», — говорит святитель Феогност, и это потому, что, как учит святой Иоанн Лествичник, «выше природы ставший малым чим или если позволено сказать, ничем не умален есть от Ангел». Справедливо поэтому многие из святых отцов называют девство «совершенною святостию» (св. Иоанн Лествичник), «печатью совершенства» (св. Антоний Великий), «цветом в вертограде Церкви» (св. Киприан), «красою и прославлением благодати, образом Божиим, сообразным святыне Господа» (св. Киприан), «приятнейшим благоуханием Господу Иисусу Христу» (св. Амфилохий Иконийский).

Из житий святых мы знаем, что многие девственники и девственницы, ради сохранения девства, готовы были пожертвовать всем, даже жизнью своею.

Но почему так высоко ценится девство и ставится выше брака, если брачная жизнь установлена Самим Богом еще при сотворении

первых людей, которые созданы мужем и женою?

Цель и высокое достоинство девства в том, что оно есть *подвиг*, в котором человек добровольно отказывается от дозволенного ему, ради того, чтобы *всецело посвятить себя Богу, жить только ради Бога и в Боге*. Об этом ясно говорит в 7-й главе своего 1-го Послания к Коринфянам святой апостол Павел: «А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины...» (1) «Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я (девственниками)...» (7) «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков...» (23) «...таковые (то есть вступившие в брак) будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль...» (28) «...я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развращения» (32–35). «Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше» (38).

Можно ли сказать яснее и убедительнее о преимуществах девства, чем это сказано в вышеприведенных словах святого апостола Павла?

Итак, цель обета девства — богоугождение. «Угождение Богу и для сего освящение духа и тела есть цель подвижающихся в девстве, — говорит Московский митрополит Филарет, — по сему стремлению всею силою ума и любви ко Господу и по направлению всей деятельности к благоугождению Ему девствующая душа и называется невестою Небесного Жениха».

Такое учение о высоте и святости девства исповедывала вся христианская Церковь в течение первых пятнадцати веков своего существования, вплоть до так называемой эпохи Возрождения. Эпоха Возрождения, бывшая по существу не чем иным, как возрождением язычества, принесла с собою новые веяния, в том числе и языческий культ плоти. Конечно, с культом плоти девство было несовместимо, а потому и началась якобы идейная борьба с девством. Девство было провозглашено противоестественным, противным природе, а потому и вредным. Начало этой мнимой идейной борьбе с девством в недрах христианства, правда уже отколовшегося от единения с истинной

Церковью, положил знаменитый основатель протестантизма римско-католический монах и ученый богослов Мартин Лютер.

Не будучи в силах бороться с одолевавшей его плотской похотью, он попра́л дан-
ный им монашеский обет девства, женившись
на монахине же. Как и всегда бывает в подоб-
ных случаях, этот шаг с целью оправдать свой
противозаконный поступок был предвари-
тельно подготовлен «идеологически». Проте-
стантизм объявил монашество упраздненным
и начал яростную борьбу против девства.
В крайнем увлечении своем этой борьбой,
протестанты, а за ними и все столь многочис-
ленные ныне сектанты, не остановились пе-
ред дерзкой хулой на Основоположницу дев-
ственной жизни — Пречистую Деву Марию.
Они не пожелали исповедывать Ее Присноде-
вой, как исповедывала Ее на протяжении пят-
надцати веков вся христианская Церковь,
и стали нечестиво учить — да простит нам
Пречистая Дева это вынужденное повторение
мерзкой хулы! — будто, после рождения от
Нее Спасителя мира, Она вступила со святым
праведным Иосифом в брачное сожительство
и имела от него других детей. Основание для
такой хулы на Приснодеву протестанты и сек-
танты видят в упоминании в Евангелии о «бра-

тьях и сестрах Иисуса» (см.: Мк 3, 32), а также в словах евангелиста Матфея, заканчивающих повествование о Рождестве Христовом: *«и не знаяше Ея, дондеже роди Сына Своего Первенца»* (Мф 1, 25).

Что касается «братьев и сестер Иисуса», то этот вопрос давно разрешен Преданием, ведущим начало от первых веков христианства. К сожалению, протестанты отвергли Священное Предание, а с ним отвергли и истину. Эти «братья и сестры» не были родными братьями и сестрами Господа, а только считались таковыми в очах народа, как и святой праведный Иосиф считался «отцом Его», не будучи таковым в действительности (см., напр.: Лк 2, 48). Это были дети Иосифа Обручника от его первого брака. По другому преданию, они были детьми двоюродной сестры Пресвятой Девы Марии — Марии Клеоповой. Однако эти предания могут быть легко согласованы, если принять во внимание существовавший у евреев закон ужичества. Во всяком случае известно, что у евреев назывались «братьями» вообще близкие родственники. Из весьма древнего предания известно, что святой Иаков, брат Господень, сопровождал святое семейство во время его бегства в Египет, будучи уже взрослым, и, следовательно, он был старше Господа

Иисуса Христа и не мог быть рожден после Него от святого Иосифа и Пресвятой Девы Марии, как то утверждают протестанты.

Справедливо замечает Златоуст, что такой праведник, как Иосиф, не мог бы решить-ся познать Деву после того, как Она столь чудесно — от Духа Святого — сделалась Матерью Самого Сына Божия. И Сама Она несомненно дала обет всегдашнего девства. Иначе совершенно непонятен был бы и лишен смысла вопрос, который задала Она Архангелу Гавриилу в ответ на предречение его о рождении от Нее Сына Божия: *«какo будет сие, идеже мужа не знаю?»* (Лк 1, 34).

Поэтому не чем иным, как кощунственной хулой, звучит толкование протестантами слова *дондеже* — по-гречески: *зос*, — употребленного святым евангелистом Матфеем в вышеприведенных словах его повествования о Рождестве Христовом. Они переводят это слово в смысле: «до тех пор, пока не», то есть что Иосиф не знал Девы Марии до рождения от Нее Спасителя, но после познал Ее. Словно предвидя эту кощунственную хулу протестантов, святой Златоуст, еще за тысячу лет до их появления, учил: «Здесь евангелист употребил слово “дондеже”, но ты не подозревай из того, будто Иосиф после познал Ее. Евангелист дает

этим только знать, что *Дева прежде рождения была совершенно неприкосновенной*». И далее святой Златоуст приводит целый ряд мест из Священного Писания, где это же греческое слово «эос» употребляется в смысле, противоположном тому, которое приписывают ему в данном месте Евангелия протестанты. «Это слово не означает определенного времени, — говорит он, — то есть не полагает предела, дальше которого действие не продолжалось, не означает никакого срока. Так в повествовании Книги Бытия о всемирном потопе сказано: не возвратился вран в ковчег, *дондеже* (“эос”) *изсяче вода от земли* (Быт 8, 7), но он и после не возвратился. Так же о Боге Писание говорит: *от века и до века Ты еси* (Пс 89, 2), но тем не полагает пределов. Так же и в псалме 109-м читаем: *Рече Господь Господеви Моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих* (Пс 109, 1), но и после покорения врагов Своих Сын Божий сидит одесную Бога Отца. У пророка Исаии находим: *аще снидет дождь или снег с небесе, и не возвратится, дондеже напоит землю* (55, 10), но очевидно, что и напоивши землю, дождь не возвратится. В притче о немилосердном должнике говорится: *«и прогневався господь его, предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой»* (Мф 18, 34), то есть в сущности

навсегда, ибо как и чем мог он уплатить свой долг, находясь в руках мучителей?» Это же слово («эос») употреблено и в прощании Господа с учениками: *«и се Аз, с вами есмь во вся дни до скончания века»* (Мф 28, 20); ведь не значит же это, справедливо замечает блаженный Феофилакт, что после скончания века Христос уже не будет с нами? Нет! Тогда-то именно тем более будет.

Вот почему в русском синодальном переводе Евангелия слово «эос», или, по-гречески: «дондеже», передано по смыслу: «как наконец» — *«и не знал Ее. Как наконец Она родила Сына Своего первенца»*. Но протестантам и сектантам такой перевод, конечно, был не по вкусу. Им хотелось внести в это место мысль о том, что после Рождества Христова у Пресвятой Девы Марии были другие дети, рожденные естественным путем от Иосифа. Такое их желание для нас нисколько не удивительно, ибо они давно известны нам как хулители девства и ненавистники Приснодевы. Но удивительно для нас и крайне прискорбно то, что нашлись среди русских православных богословов и даже священнослужителей лица, которые согласились сотрудничать с протестантами в такой тенденциозной порче евангельского текста. Мы имеем в виду предпринятый в эти послед-

ние два-три года британским и иностранным Библейским обществом новый перевод Священного Писания Нового Завета на русский язык. В прошлом году многим лицам был разослан пробный выпуск этого перевода, содержащий новый текст Евангелия от Матфея. В сопроводительном листке и предисловии было указано, что этот новый перевод исполнен переводческой комиссией Британского Общества, во главе которой стоит православный епископ — профессор Священного Писания в Православном Богословском институте в Париже и в которую входят «компетентные лица из разных православных кругов».

Очевидно в угоду протестантам и сектантам эта комиссия перевела вышеуказанное место, повествующее о Рождестве Христовом, в чисто протестантском духе: «И не знал Ея до *тех пор*, пока не родила Она»... Это «пока», усиленное к тому же словами «до тех пор», явно свидетельствует о проведении здесь переводчиком протестантской тенденции, тем более что в целом ряде других мест того же Евангелия «эос» переведено иначе и ему не придается значения «до тех пор, пока». Тут очевидно выражена кощунственная мысль протестантов о том, что после рождения Христа Спасителя Пресвятая Дева Мария уже не хранила

Своего девства, а вступила в брачное сожительство с праведным Иосифом.

Страшно за православного епископа-профессора, страшно за православных русских богословов, которые согласились принять участие с протестантами и сектантами в этой отвратительной хуле на Пречистую и Пренепорочную Матерь Бога нашего, Которую наша Святая Церковь прославляет как Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим. Вот к чему приводит эта тесная дружба с протестантами и сектантами и особенно материальная от них зависимость!

Это далеко не единичный факт. Все современное мнимонаучное «православное» богословие, в большей или меньшей степени, уже пропитано духом протестантского либерализма, модернизма, скептицизма и критицизма. А особенно характерно для него отталкивание от подвига христианской жизни, состоящего, по учению слова Божия и святых отцов, в непрестанной борьбе со страстями и похотьми. Более же всего ненавистно ему девство как высшая степень этого подвига, а потому и Приснодеву готово признать оно лишь обыкновенной женщиной.

Во всем этом нельзя не видеть подрыва устоев подлинного православного христианст-

ва, поскольку учение о подвиге борьбы со страстями и похотями и о девстве как о высшем равноангельском состоянии проходит красной нитью через все учение слова Божия, через всю жизнь и творения великих отцов Церкви и подвижников, признанных Церковью святыми. Это уже отступление от Православия, это яд измены нашей святой вере, тем более опасный, что преподается он весьма искусно подмешанным к здоровой духовной пище и остается неприметным для представителей современного расцерковленного общества, утратившего здоровый духовный вкус. И этим губительным ядом многие уже отравлены, да так, что и слышать не хотят, когда им, на основании слова Божия и святых отцов, ясно показывают, что они неправославно мыслят, неправославно чувствуют, неправославно строят свою жизнь.

На всех ревнующих о чистоте своей веры лежит долг борьбы за веру. Трудная это борьба! Но это и благословенная борьба, ибо это борьба за веру апостольскую, веру отеческую, веру православную, веру, которая вселенную утвердила. Главный залог успеха в этой борьбе — чтобы мы сами в своей личной жизни шли подлинно православным путем подвига борьбы со страстями и похотями и были,

по возможности, безукоризненны. И тогда в этой священной борьбе за веру с нами будет Бог и Сама Пресвятая, Пречистая, Преподобная Славная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария.

1955

Пасха, Господня Пасха!

*Воскресения день, просветимся лю-
дие: Пасха, Господня Пасха, от смер-
ти бо к жизни, и от земли к небеси,
Христос Бог нас преведе, победную
поющую.*

(Пасхальный канон. 1-я песнь)

Милостию Божиею вновь сподобились мы дожить до празднования величайшего и радостнейшего христианского праздника — «праздников Праздника и Торжества торжеств» *Светлого Воскресения Христова — Святой Пасхи.*

С любовью шлем мы всем нашим читателям неизменно новый, исполненный благодатной силы, вечно радостный пасхальный привет: *«Христос воскрес!»*

Как счастливы мы, православные христиане, что есть у нас этот дивный праздник, что еще можем мы, забывая все житейские невзго-

ды и скорби нынешней злокозненной земной жизни, ежегодно наслаждаться сего доброго и светлого торжества! Поистине нет веры более радостной, чем наша православная христианская вера. А это потому, что вдохновляется она *радостью о воскресшем Господе.*

Воскресение Христово — краеугольный камень нашей святой веры.

Поэтому и празднование его исполнено особенного торжества и ликования.

«Этот праздник, — говорит великий отец Церкви святитель Епифаний Кипрский, — торжественнее всех празднеств. Он составляет для всего мира празднество и обновления и спасения. Сей праздник есть глава и верх всех праздников».

Весьма характерно, что в нынешнее время только одна наша Святая Православная Церковь празднует сей нареченный и святой день так, как он праздновался первыми христианами в глубокой древности, и это само по себе уже является сильнейшим свидетельством истинности нашей святой православной веры, превосходства ее над всеми иными исповеданиями, называющими себя «христианскими», но отделившимися от святого Православия.

А как праздновалась Святая Пасха в первые века христианства, об этом красноречиво

и образно повествует нам святитель Григорий Нисский.

«Сегодня, — говорит он, — вся вселенная, как одно семейство, собравшееся для одного занятия, оставив дела обыкновенные, как бы по данному знаку, обращается к молитве. Нет сегодня путников на дорогах; не видно мореплавателей на море; земледелец, оставив плуг и заступ, украсился праздничною одеждою; корчемницы стоят пустыми, исчезли шумные сборища, как исчезает зима с появлением весны; беспокойства, смятения и бури житейские сменились тишиною праздника. Бедный украшается, как богатый; богатый одевается великолепнее обыкновенного; старец, подобно юноше, спешит принять участие в радости, и больной преодолагает болезнь свою; дитя, переменив одежду, празднует чувственно, потому что еще не может праздновать духовно; девственница веселится душою, потому что видит светлый торжественный залог своей надежды; мать семейства, торжествуя, радуется со всеми домашними своими, и сама она, и муж ее, и дети, и слуги, и домочадцы — все веселятся... Ныне и праведник радуется, и не очистивший свою совесть надеется исправиться покаянием. *Настоящий день облегчает всякую скорбь, и нет человека так печального,*

который не находил бы утешения в торжестве праздника».

А наша дивная пасхальная заутреня! Разве может что-нибудь на земле сравниться с умилиейнейшим и возвышеннейшим торжеством нашего пасхального богослужения, которое, как мы это часто видим, влечет в наши храмы в пасхальную ночь, с какой-то неоодолимой силой, даже людей, чуждых нам по вере?! В эту «священную и всепразднственную ночь» как бы само небо, какою-то своею частицею, опускается к нам на нашу грешную землю, и нам, в меру каждого — кто сколько может вместить, — дается вкусить нечто от райской сладости, от того невыразимого на человеческом языке райского блаженства, которое ожидает всех истинных христиан в будущей жизни.

В чем же заключается коренная причина этой светлой пасхальной радости?

В том, что, как поется в пасхальном песнопении, *«от смерти бо к жизни, и от земли к небу, Христос Бог нас преведе, победную поюция».*

Причина нашей светлой радости в том, что Воскресением Христовым *побеждено зло — побеждено последствие зла — наш злейший враг — смерть, и от этой, исполненной зла грешной земли мы возведены на небо.*

Воскресением Христовым мы избавлены от мрачной власти ада и нам дана возможность *иной вечной блаженной жизни*.

Торжествуя эту победу над смертью и адом, Святая Церковь радостно призывает нас принять участие в ее победном пении: *«Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало»*.

«Ныне спасение миру, — поучает святитель Григорий Богослов, — миру видимому и миру невидимому. Христос из мертвых — восстаньте с Ним и вы! Христос во славе Своей — восходите и вы! Христос из гроба — освобождайтесь от уз греха! Отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам, совершается новый: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор 5, 17)».

«Будем же праздновать этот величайший и светлый праздник, — взывает святитель Иоанн Златоуст, — в который воскрес Господь! будем праздновать его светло и вместе благочестиво, ибо *Господь воскрес и воскресил вместе с Собой вселенную*».

Что означает наша радость в день праздника Пасхи, наши светлые возвышенные переживания во время пасхальной заутрени, как не ясный голос, из глубины нашего внутреннего сознания исходящий, что та наша обычная

повседневная жизнь, которою мы живем на земле, не есть настоящая жизнь, к коей мы предназначены, что душа наша стремится к *иной* жизни — к той именно светлой блаженной жизни, возможность которой даровал нам Господь Своим воскресением, жизни, в свободной от уз греха, жизни, чистой, небесной, что наша подлинная радость, подлинное блаженство — подлинное *счастье* не на земле, а *на небе*, не в земном, а в *небесном*.

А потому с негодованием должны мы отметить от себя, решительно отвергать все, что крепко привязывает нас к земле, что делает нас самих «земными», неспособными вознестись к небу, бесчувственными к миру небесному, духовному. Мы созданы не для этой тленной земли, а для вечной *нетленной* жизни, которую Господь, освободив нас от власти греха, вновь даровал нам Своим Воскресением.

Светло празднуя радость Святой Пасхи, пока это еще доступно нам, будем же всячески ограждать себя от тлетворного влияния мира, Воскресение Христово не приемлющего, будем всячески бегать бесчисленных соблазнов, всюду ныне для уловления душ рассеянных, будем тщательно, в тесном союзе с истинною Церковью, готовить себя к вечной нетленной жизни, уготованной нам воскресшим Господом,

радостно воспевая вместе со всеми верными победную песнь: «Пасха нетления — мира спасение!»

1960

Всему свое время

*Всему свое время, и время всякой
вещи под небом... время плакать,
и время смеяться; время сетовать,
и время плясать...*

(Еккл 3, 1, 4)

Такую самоочевидную, казалось бы, истину высказал, по вдохновению от Духа Божия, еще в далекие от нас ветхозаветные времена премудрый Екклесиаст. Тот самый Екклесиаст, который, будучи царем над Израилем в Иерусалиме, исследовал и испытал мудростью все, что делается под небом... Видел все дела, какие делаются под солнцем, и нашел, что всё — суета и томление духа (Еккл 1, 12–14).

И вот к какому заключению пришел он: «бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо» (Еккл 12, 13–14).

Все эти богооткровенные и непреложные истины навеки запечатлены для нас в слове

Божием и постоянно проповедуются Святою Церковью. Но не внемлет им человеческая греховная испорченность: упорно силится она на место закона Божия поставить свой собственный закон. И делает это весьма часто вопреки всякому здравому смыслу... на собственную гибель.

Так, много, очень много нездорового, ненормального, противного закону Божию, нравственно разлагающего, духовно растлевающего вошло в жизнь нашего русского общества перед страшной катастрофой, постигшей Русскую землю, так называемой революцией. Тяжко сетовали на это, постоянно говорили об этом и писали наши выдающиеся архипастыри, пастыри и лучшие представители верующего русского народа.

Одной из таких нравственных болезней, подточивших здоровый нравственный организм православного русского народа и сыгравших свою пагубную роль в деле крушения России, была все усиливавшаяся в последнее время у нас *страсть к развлечениям* — развлечениям неумеренным, нездоровым.

Вот как говорил об этом еще в самом начале XX столетия (1904) наш великий всероссийский пастырь, молитвенник и чудотворец, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский

в своей высокопоучительной беседе с сопастырями-священнослужителями: «Удивительная болезнь явилась нынче — это *страсть к развлечениям*. Никогда не было такой потребности к развлечениям, как нынче. Это — прямой показатель того, что *людям нечем стало жить*, что они разучились жить серьезной жизнью — трудом на пользу нуждающихся и внутренней духовной жизнью. И начали скучать! И меняют глубину и содержание духовной жизни на развлечения! Какое безумие! Точно дети, лишенные разума! А между тем *развлечение — это уже общественный порок, уже общественная страсть!*»

Много и других подобного же рода сетований находим мы в замечательном дневнике приснопамятного отца Иоанна «Моя жизнь во Христе», которому надлежало бы быть настольной книгой в каждой русской семье.

И неудивительно.

Достаточно вспомнить, что погубило древний, некогда «железный», как его называли, Рим, перед именем которого трепетали все народы земли и который сделался подлинной столицей тогдашнего мира.

«Хлеба и зрелищ!» — этот зловещий клич римской толпы, столь хорошо известный нам из истории, красноречиво характеризовал со-

бою то моральное разложение римского общества, которое и привело в конце концов к страшному падению славившуюся вначале своими высокими нравственными доблестями великую мировую империю, легко сделавшуюся добычей варваров.

Чего же хорошего можно было ожидать нашему христианскому обществу, которое отреклось от небесных высот духовной жизни, променяло глубину и богатство сокровенной жизни в Боге на телесные наслаждения и развлечения и таким образом пошло по тому же гибельному пути римского языческого общества?

Страшное кровавое бедствие, постигшее Россию, служит нам ответом на этот вопрос. Нравственное разложение духовно опустошенного русского общества явилось причиной крушения нашей исторической России, катастрофического падения ее и подчинения ее власти лютых безбожников.

Казалось бы, после такого страшного потрясения всем русским людям следовало бы окончательно протрезвиться. Увы, такого настоящего массового отрезвления, по крайней мере за границей, мы, к несчастью нашему, не видим.

Зато видим все ту же нездоровую страсть к развлечениям, на которую так сетовал наш

великий всероссийский пастырь. И не с большим ли еще правом мы можем повторить вышеприведенные слова его в настоящее время?

Современные газеты, выходящие на русском языке, просто пестрят объявлениями о всевозможных балах, вечерах и тому подобных увеселениях и развлечениях с «танцами до утра», какими-то «бочками счастья», «выборами королевы» и самыми широковещательными зазываниями на них в виде целых статей, занимающих иногда большую часть страницы под разными благовидными предложениями. И это притом совершенно безотнositельно от того, какие дни мы переживаем. Устраиваются эти развлечения чаще всего в кануны воскресных и праздничных дней, когда в храмах наших совершаются всенощные бдения, в дни постов, когда Церковь вообще запрещает всякое веселие, а тем более объедение и пьянство, даже в дни скорби и траура, когда поминаются усопшие — убиенная царская семья наша и неисчислимые жертвы безбожников, заливших кровью нашу несчастную Родину!

Устроителям и участникам этих легкомысленных, претящих нравственному христианскому чувству увеселений все нипочем.

Додумались они даже до совершенно невероятного, неслыханного понятия — «*траурных балов*», о чем не стыдясь объявила не так давно одна из наших эмигрантских газет.

Куда уж идти дальше? Что сказал бы по поводу такого современного «опьянения» увеселениями наш приснопамятный праведник отец Иоанн и какими словами выразил бы он свою скорбь?

Если страсть к развлечениям показывает, по его словам, что «людям нечем стало жить», то страсть эта в *наше время* свидетельствует уже о полном и безнадежно неисцельном духовном опустошении современного русского общества, ибо в переживаемое нами время она еще преступнее, еще предосудительнее.

Пусть в те времена (в 1904 году) еще не всем было ясно, куда может привести нас эта духовная пустота, которую стремились заполнить несчастные русские люди развлечениями. Теперь, после страшного 1917 года, мы уже не можем не видеть, к чему она нас привела, какие грозные последствия для нас за собою повлекла.

Неужели же и дальше, после всего того кроваво-жуткого, что стряслось над нашей Родиной, продолжать нам идти все тем же

путем — *все тою же духовной пустотой наполнять нашу жизнь?*

«*Всему свое время*» (Еккл 3, 1). Развлекаются ли и пляшут ли дети в доме, где есть тяжелобольные, где находятся при последнем издыхании умирающие, где лежит на столе мать-покойница?

А ведь мы именно в таком положении. Наша мать-Родина вот уже сорок лет истекает кровью, лежа как бы на смертном одре. Миллионы и миллионы русских людей — наших отцов и матерей, наших братьев и сестер, наших сынов и дочерей — невинно гибнут от рук безбожных палачей, умирают от непосильного труда, от голода и холода в страшных концлагерях.

А мы, вместо того чтобы молить Бога о них, плакать и каяться во грехах своих, приведших к такому лютому несчастью, даже часы церковных богослужений проводим на «вечерах смеха».

Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать (Еккл 3, 4). Сейчас для нас время плача, а не время смеха, время сетования, а не время плясания. И это тем более так потому, что не только наша несчастная страждущая Родина, но и весь мир, несмотря на свое видимое материальное благополучие, находится на краю гибели, грозящей ему от рук

обезумевших, осатаневших, потерявших человеческий облик и зарвавшихся в своем страшном богоборчестве людей.

И если кто может спасти нас от ужасов, несомненно грядущих на вселенную, то только Сам Господь, наша слезная молитва и всецелое обращение к Нему.

Устроители всех этих бесчисленных увеселений часто любят оправдывать себя тем, что увеселения устраиваются ими с благотворительной целью. Даже для помощи военным инвалидам устраиваются «инвалидные балы», причем нередко в дни поста и даже Великого поста. На нашей памяти такой «инвалидный бал» был устроен в Париже в ночь под Неделю Крестопоклонную, когда выносятся на всенощной Крест Христов для поклонения. Газеты взывали: «Приходите все на бал, чтобы помочь вашим инвалидам!»

А разве нельзя помочь инвалидам, не приходя на такой кощунственный бал, устраиваемый в дни поста, в дни воспоминания Страстей Христовых?

К чести наших военных надо сказать, что этот бал вызвал тогда резкую и решительную отповедь одного из наших заслуженных старых воинов и самих же инвалидов. Но газеты отказались напечатать их протест.

Не странно ли и не стыдно ли нам, православным русским людям, сынам и дочерям Святой Руси, что такое святое дело, как помощь нуждающимся, особенно инвалидам, проливавшим за нас кровь свою, непременно должно связываться с танцами, со всякого рода веселым и легкомысленным времяпровождением, с объядением и пьянством? И все это к тому же соединяется еще с грубым попранием церковных правил, с оплевыванием всех наших исконных благочестивых традиций и обычаев, с подрыванием тех вековых устоев, на которых созидалась наша Святая Русь?

Разве так благодетельствовали ближним первые христиане, которые ничего не хотели называть своим, но продавали имения и всякую собственность и вырученные за них деньги приносили *«и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»* (Деян 4, 35)?

Разве такая благотворительность была прежде у нас на Святой Руси, до того как наша народная жизнь была отравлена тлетворным влиянием Запада, когда наши князья и богатые люди щедрой рукой раздавали милостыню Христа ради, а нередко отправляли нуждающимся целые подводы, нагружен-

ные хлебом и всевозможными съестными припасами?

Нет! Современная мнимая благотворительность, неразрывно связанная с балами и вечерами, это — вовсе не благотворительность, а только благовидный предлог к разнузданному и нескромному веселью, к плохо прикрытому разврату, какой представляют собою современные танцы в полуобнаженном виде. Кто без посещения бала и участия в этих танцах не желает жертвовать на нуждающихся, тот *не ради помощи ближним* идет на бал, а ради того, чтобы получить нескромное удовольствие. И деньги, которые он платит, это вовсе не жертва на нуждающихся, а *плата за получаемое им удовольствие*.

Неужели это кому-нибудь может быть не ясно?

Но кроме благотворительности мы видим много и других предлогов к этим нескончаемым увеселениям. Например, так называемая встреча Нового года. Сколько боролись наши пастыри в предреволюционной России с этой «гражданской встречей», которая носит вполне языческий характер и основана на суеверном убеждении язычников, что чем веселее встретить момент наступления Нового года, тем счастливее будет наступающий год.

Напрасно внушалось русским людям, что наше счастье зависит только от Бога, а потому Новый год надо встречать не танцами и не пьянством, а *молитвою*. А теперь за границей додумались даже до такой нелепости, как двойная встреча Нового года — и по новому и по старому стилю. И что бессмысленнее всего, встречают Новый год по старому стилю даже те, которые старый стиль принципиально отвергают.

Радуются тому, что находят еще лишний повод к веселью!

Встречающие Новый год по новому стилю нисколько не желают считаться с тем, что это — дни Рождественского поста, когда Святая Церковь наша призывает нас молитвою и постом достойно подготовить себя к великому празднику Рождества Христова и когда неуместно поэтому никакое веселие и недопустимо вкушение скоромной пищи.

Устроители и участники всех этих «пьянящих», как они сами выражаются, увеселений любят обыкновенно в оправдание свое ссылаться на то, что все это позволялось и было принято еще в царской России.

Весьма плохое оправдание! Потому-то царскую Россию и постигло такое страшное крушение, что к началу XX столетия все ре-

лигиозно-нравственные устои жизни в России были окончательно подорваны. Торжество безбожного большевизма систематически и задолго до 1917 года подготовлялось. В течение весьма длительного периода времени шла эта упорная и планомерная работа по расшатыванию всех религиозно-нравственных основ русской народной жизни. *И в этой работе видное место занимала борьба против христианских праздников и постов.* До такой степени, что даже наши гражданские законы — Законы Российской империи, вначале во всем согласовавшиеся с уставами Церкви, постепенно все более и более ослабляли строгость своих требований. Тем не менее все же до самого начала XX столетия мы видим, насколько строго еще оберегала наша государственная власть святость праздничных дней и постов.

Вот, например, текст Закона об охране православной веры, глава XXV:

«§979. Публичные маскарады и зрелища (кроме драматических представлений на иностранных языках) запрещаются двадцать третьего, двадцать четвертого и двадцать пятого декабря, накануне воскресных дней и двенадесятых праздников, в течение всего Великого поста, в неделю Святой Пасхи,

в Успенский пост, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи и в день Воздвижения Креста Господня.

§980. Запрещается давать публичные концерты как светские, так и духовные на первой и страстной неделях Великого поста, накануне Благовещения, в Вербные субботу и воскресенье. По другим же субботним дням Великого поста, как и во весь круг года, а равно накануне двенадесятих праздников дозволяются лишь духовные концерты».

И нет ничего удивительного, что в 1900 году строгость этого нашего гражданского закона была значительно ослаблена. С началом «прогрессивного» XX века все в России особенно быстро покатилося вниз по наклонной плоскости. А в 1905 году, по мудрому выражению одного из выдающихся наших миссионеров, была в сущности объявлена «свобода от совести». С Церковью и ее уставами в нашем обществе не только перестали считаться, но и над людьми, сохранявшими верность Церкви, стали насмехаться, как над «отсталыми». Эта тлетворная зараза затронула и наименее стойкие круги духовенства: в их среде появились такие либеральные течения, которые породили потом «живую церковь», дух коей

дает себя знать еще до сих пор, даже здесь, за границей.

Одним словом, еще задолго до революции уже чувствовалось во всем «начало конца». Нужен был только сильный толчок, чтобы Россия покатилась в кровавую пропасть. И этот толчок сделан был большевиками.

Так неужели нам и теперь, после всего случившегося, картина чего столь ясна, надо жить прежними настроениями? Теми пагубными настроениями, которые так характерны были для русского предреволюционного общества, *еще в царской России?*

И продолжать отрекаться от высоких духовных ценностей нашего святого Православия, презирать Церковь и ее спасительные уставы, «менять глубину и содержание духовной жизни на развлечения»?

«Какое безумие делать это, особенно теперь! — не можем не повторить мы горестного и скорбного восклицания нашего великого всероссийского пастыря. — *Точно дети, лишенные разума!*»

Время ли сейчас так неумеренно и безудержно предаваться веселию, и притом во дни и часы, когда Святая Церковь призывает нас к молитве? Подумайте об этом серьезнее, братие, пока не поздно.

Что такое праздники, для чего они?

Мысли в Неделю 27-ю по Пятидесятнице

Сколь велико снисхождение Божие к нам, грешным! Зная, как привязаны мы к житейским заботам, как волнует нас мысль о куске хлеба и об устройстве своего земного благосостояния, Он милостиво разрешает нам трудиться ради удовлетворения наших насущных потребностей целых шесть дней в неделю. «Шесть дней делай, — говорит Он в четвертой заповеди Своего Божественного закона, — шесть дней даю тебе на заботы о земном, — твори в течение их дела твоя, а Мне дай только один: день же седьмой — субботу — посвети Господу Богу твоему! (см.: Исх 20, 9—10). Выдели этот седьмой день из ряда обычных дней, помни его всегда, чтобы освящать его молитвою, богослужением и творением добрых дел! Пусть этот день будет особенным — святым днем! Вот каково происхождение дней праздничных.

Праздники — это не дни праздности, праздношатайства, безделья, ничегонеделания, но дни праздные, то есть свободные от всяких житейских трудов, забот и попечений, с тем

чтобы можно было легче и всецело посвятить их Богу, это дни святые — «святки», как их называли у нас в народе.

К сожалению и к несчастью для себя, утопающие в прелестях греховных люди, как это бывало и прежде и как это особенно бывает теперь, все доброе и прекрасное, что установил Господь для нашего блага, для нашего спасения, извращают, коверкают и уродуют. Извращают на все лады, в ту или другую сторону.

Так, еще в ветхозаветные времена евреи извратили смысл празднования седьмого дня — субботы, что видно так ярко из целого ряда случаев, когда Господь Иисус Христос совершал Свои дивные чудеса исцелений в субботу, а в частности из сегодняшнего евангельского чтения 27-й Недели по Пятидесятнице (см.: Лк 13, 10—17), в котором рассказывается, как начальник синагоги вознегодовал на Господа Иисуса Христа за то, что Он исцелил сгорбленную от тяжкого недуга женщину в день субботний.

Господь, возражая против такого неправильного понимания заповеди о субботнем покое, подчеркнул, что в седьмой день не только можно, но и должно творить дела милосердия и вообще — дела Божии. Седьмой день для этого и назначается.

Но в то время как евреи придавали ошибочно-преувеличенное значение заповеди о святости седьмого дня, думая, что в этот день нельзя делать даже добрых дел, современные христиане зачастую проявляют полное пренебрежение к святости седьмого дня, позволяя себе заниматься в этот день делами непохвальными и не позволенными и в обыкновенные, будничные дни, тем самым оскорбляя и оскверняя святость этого дня. Узкоматериалистический эгоизм, служение страстям своим вместо Бога до того довели современного «христианина», что он даже и одного дня в неделю не желает посвятить Богу.

Как мало осталось в наше время христиан, которые считают своим святым долгом, своей радостной обязанностью каждый воскресный и праздничный день присутствовать в храме за богослужением и искренно скорбят, если по какой-либо неотложной нужде или по болезни приходится пропустить праздничное богослужение!

А еще меньше теперь христиан, которые и остальную часть воскресного или праздничного дня посвящали бы Богу — проводили бы свято и богоугодно: в домашней молитве, в чтении назидательных и душеполезных книг, в душеполезных беседах, поднимающих дух,

со своими близкими и друзьями и в творении дел христианского милосердия.

Обычно на праздник смотрят у нас теперь как на день полной духовной распоясанности и греховной разнузданности. Страшно даже подумать, как многие из современных «христиан» оскорбляют и просто оскверняют возвышенную святость праздничного дня. И это осквернение святости праздничного дня нередко начинается уже с вечера, в канун праздника, когда, по воззрениям Церкви, наступает праздник.

В церкви за всенощным бдением священнослужитель молится от лица всех: «Вечера всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим», а многие из нынешних христиан даже и не помышляют о том, чтобы этот святой вечер наступления праздника провести «свято, мирно и безгрешно», а совсем напротив: проводят его нечестиво, шумно и греховно на каком-нибудь общественном увеселении: в театре или кинематографе, на балу или на вечеринке, нередко в нетрезвом виде и с танцами «до утра», как это заманчиво и широковещательно рекламируется еще заранее в газетах и на афишах. В последние годы особенно пошла мода устраивать такие развлечения и увеселения именно в кануны

воскресных и праздничных дней, как будто с определенным намерением и лукавым расчетом — отвлечь людей от христианской встречи святых дней и заставить их шумными и беспорядочными, порою даже безнравственными развлечениями надругаться над святостью этих Божиих дней, осквернить их бесчисленными плясками, объядением и пьянством и всякого рода греховным времяпровождением.

Небогоугодно начатый еще с вечера праздничный день уже естественно так же небогоугодно и греховно продолжается и завершается. Утром уже не хочется, а иногда и физически невозможно, после бессонно проведенной ночи, идти в церковь к Божественной литургии. Вот главная половина праздничного дня — Божиего дня — и пропала! После обеда — новые развлечения в современном чисто светском духе, где так или иначе рисуются во всевозможных привлекательных красках и формах разные пороки и страсти людские. Затем — празднословные, пустые, лишенные всякого серьезного и глубокого содержания беседы в гостях со столь тоже модным осуждением ближних, сплетнями и пересудами — ни слова о Боге, о душе, о духовной жизни: это, видите ли, совсем не модно теперь, в наши слишком

уж «высококультурные времена», скучно и никому не интересно, да можно еще прослыть «ханжой» и «лицемером-фарисеем»; надо чего-нибудь такого, что возбуждало бы и расшевелило низкие инстинкты человеческой природы, надо, наконец, излить перед кем-то яд, накопившийся в душе за неделю, и отравить этим ядом души других...

Все это столь небогоугодно проводимое время кажется как будто отдыхом, но что это за «отдых»: это не больше как самообман — на самом деле от такого времяпрепровождения происходит лишь еще большее истощение сил как телесных, так и душевных. Источник жизненных сил такого человека расплескивается от такого духовно порочного провождения свободного времени, и ускоряется приближение смерти как телесной, так еще более страшной — смерти духовной.

Праздничные ночные увеселения стали поистине каким-то зловещим знамением времени, отличительной чертой «духа времени», с которым даже бороться стало почти невозможно. Ведь дело дошло до того, что и некоторые священники, слава Богу, кажется, только не принадлежащие к нашей Русской Зарубежной Церкви, принимают самое деятельное участие в этих ночных увеселениях, проводя

в них время вместо всенощного бдения, а утром ничтоже сумняшеся совершают Божественную литургию, приобщаясь после такого «приготовления» Святых Христовых Таин! Не яркий ли это признак наступления последнего времени, когда должен явиться антихрист, о котором такие люди говорят теперь с какой-то нехорошей усмешкой, свидетельствующей о их неверии во все то, что предсказано словом Божиим!

Особенно не к лицу проводить так нечестиво воскресные и праздничные дни нам, православным русским людям! Ведь мы пережили страшную кровавую катастрофу и потеряли нашу Родину именно за наше нечестие и, в частности, как раз за такое препровождение праздничных дней, которое началось еще в прежней нашей России совершенно вразрез с ее высоким призванием быть Святою Русью. В изгнании мы находимся как бы под Божией епитимьей и должны каяться и молить Бога о прощении грехов отцов наших и своих собственных. Прилично ли, уместно ли в таком случае еще больше оскорблять Бога таким грубым пренебрежением к святыне дней Божиих, установленных Самим Богом для нашего спасения?! Не безумие ли это самое настоящее?!

Да не будет у нас этого, братие! Пусть дни праздников будут для нас действительно днями святыми, посвященными Богу. Не позволим врагу человеческого рода довести себя до полной утраты духовности, до чего уже дошло огромное большинство современных людей, живущих только плотской жизнью, без помышления о Боге и о приготовлении себя к ожидающей нас вечности. А для этого прежде всего необходимо каждый воскресный и праздничный день искренно от души помолиться в храме при совершении всенощного бдения и Божественной литургии, со всем усердием прося Бога, чтобы Он вразумил, научил и умудрил нас, как и весь этот день провести «свято, мирно и безгрешно», по Его святой воле. И тогда благодать Божия неприметно коснется наших душ и Дух Святой, по обетованию Христову, наставит нас на всякую истину, пробудит в нас желание и искание спасительной жизни духовной.

Бедные-бедные, жалкие и глубоко неразумные те люди, которые не приходят помолиться в храм Божий в дни воскресные и праздничные: они и сами не подозревают, каких духовных богатств, какой духовной радости, утешения и удовлетворения себя лишают! Христианин без церкви духом черствеет, ожесточается, озлобляется, жизнь духовная в нем замирает,

и является ощущение жуткой пустоты духовной, которую и стараются современные люди заполнить развлечениями и увеселениями, но тщетно, испытывая только гнетущую душу тоску и разочарование. Вот где причина увлечения наркоманией, не говоря уже о пьянстве и разврате. Вот откуда идут все преступления и столь катастрофически падает нравственная жизнь и растет все больше и больше ужасающая преступность!

А помолившись в церкви от души, не одними лишь устами, а и сердцем, и всем внутренним существом своим, мы настроимся и весь день провести свято, по-Божески, — вот и будет у нас истинный праздник и действительное отдохновение от повседневной работы и мирских забот.

И такое разумное празднование христианских праздников, укоренившись в наших душах, приведет нас к концу нашей земной жизни (который ведь рано или поздно наступит для каждого из нас!) на вечный, нескончаемый праздник в чертогах райских, идеже празднующих глас непрестанный и неизреченная сладость зрящих лица Божия доброту неизреченную, чего каждый из нас может достигнуть, если будет всегда помнить день седьмой, *«еже святити его»* (Исх 20, 8). Аминь!

Святая ревность

Огонь пришел Я низвести на землю,
и как желал бы, чтобы он уже возго-
релся!

(Лк 12, 49)

Самое главное в христианстве, по ясному учению слова Божия, это — огонь божественной ревности, ревности о Боге и о Его славе, — та святая ревность, которая одна только и способна воодушевлять человека на труды и подвиги богоугождения и без коей нет и подлинной жизни духовной, нет и не может быть истинного христианства. Без этой святой ревности христиане — только по имени «христиане»: они только «имя носят, будто живы», а в действительности «они мертвы», как это было сказано святому тайновидцу Иоанну (см.: Откр 3, 1). Истинная духовная ревность выражается прежде всего в ревности о славе Божией, чему учат нас слова молитвы Господней, стоящие в самом начале ее: *«да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли»* (Мф 6, 9).

Ревнующий о славе Божией и сам всем сердцем славит Бога — и в мыслях, и в чувствах, и словами, и делами, и всею жизнью своею — и естественно горячо желает, чтобы и все

другие люди так же славили Бога, как и он, а потому, конечно, не может равнодушно терпеть, чтобы в его присутствии так или иначе хулили имя Божие или ругались над святыней. Ревнуя о Боге, он искренно стремится сам угождать Богу и Ему Единому служить всеми силами существа своего и готов до самозабвения, вплоть до пожертвования самою жизнью своею, всех людей приводить к богоугождению и служению Богу. Не может он спокойно слушать кощунства, а потому не может поддерживать общения и вести дружбу с кощунниками, хулителями имени Божия и поносителями святыни.

Живой и чрезвычайно яркий пример такой огненной ревности о славе Божией являет нам еще в глубине веков Ветхого Завета великий пророк Божий пламенный Илия, который скорбел душою, видя богоотступничество своего народа во главе с нечестивым царем Ахавом, введшим в Израиле языческое служение Ваалу вместо Бога истинного.

«Ревнуя поревновах по Господе Боже Вседержителю, — так неоднократно восклицал он, выражая свою скорбь, — яко оставиша Тя сынове Израилевы, олтари Твоя раскопаша, и пророки Твоя избиша оружием, и остах аз един, и ищут души моя изъяти ю» (3 Цар 19, 10).

И вот эта святая ревность побудила его, силою почивавшей на нем благодати Божией, в наказание отступившему от Бога Израилю, заключить небо (см.: 3 Цар 17, 1; 18, 42–45; Иак 5, 17–18), так что не было ни дождя, ни росы *лета три и месяц шесть*.

Эта же ревность побудила затем Илию заколоть ложных пророков и жрецов Вааловых после чудесного ниспадения огня с неба на горе Кармил, дабы эти обманщики не отвращали более сынов Израилевых от истинного богочитания (см.: 3 Цар 18, 40).

Силою той же ревности Божией святой Илия низвел огонь с неба, который попалил посланных царем схватить его пятидесятников с их воинами (см.: 4 Цар 1, 9–14).

А то, что все это была действительно святая ревность, угодная Богу, засвидетельствовано было тем, что святой пророк Илия не умер обычной для всех людей смертью, а был чудесно вознесен на небо на огненной колеснице, как бы знаменовавшей его подлинно огненную ревность о Боге (см.: 4 Цар 2, 10–12).

Но уже тогда, в суровом Ветхом Завете, все же показано было Самим Господом Его верному служителю, что к таким строгим мерам можно прибегать только в крайних случаях, ибо Господь не в большом и сильном ветре,

раздирающем горы и сокрушающем скалы и не в землетрясении, и не в огне, а в веянии тихого ветра (см.: 3 Цар 19, 11–12).

И вот почему, когда особенно горячо ревновавшие о славе своего Божественного Учителя Иаков и Иоанн захотели, подражая святому пророку Илии, низвести огонь с неба, чтобы наказать самарян, не пожелавших принять Его, когда Он шел через самарянское селение во Иерусалим, Господь запретил им делать это, сказав: *«не знаете, какого вы духа, ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать»* (Лк 9, 55–56).

И тем не менее все же (во внимание неумеренным миролюбцам!) Сам Господь Иисус Христос, говоривший: *«научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем»* (Мф 11, 29), находил иногда нужным проявлять большую строгость и прибегать к суровым мерам, уча тем самым и нас, что кротость и смирение не означают мягкотелости и не должны склоняться перед явным злом и что истинный христианин должен быть далек от слащавой сентиментальности и не отступать перед злом, нагло поднимающим голову, а должен всегда быть непримиримым ко злу, борясь с ним всеми доступными ему мерами и средствами, дабы решительно пресечь распространение и укрепление зла среди людей.

Вспомним, с какой суровой обличительной речью обратился Господь к духовным вождям еврейского народа книжникам и фарисеям, осуждая их за лицемерие и беззаконие: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры»* (Мф 23, 25), и грозя им судом Божиим.

А там, где слов оказывалось недостаточно, Он применял воздействие на беззаконников самым делом. Так Он *«нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул»* (Ин 2, 14–15; см.: Мф 21, 12–13).

Да и мало ли других примеров из Священной и Церковной истории мы знаем, когда одни слова убеждения оказывались недостаточными и для пресечения зла необходимо было прибегать к более суровым мерам и решительным действиям.

Важно только, чтобы в подобных случаях говорила в человеке действительно одна чистая и святая ревность о славе Божией без всякой примеси самолюбия и всяких иных приражений страстей человеческих, только прикрывающих себя якобы святой ревностью о Боге!

Такой подлинно святой ревностью, с решительной непримиримостью ко злу, прославился

в истории Церкви великий святитель Христов Николай, архиепископ Мирликийский, Чудотворец, память которого мы празднуем 6 декабря по нашему православному календарю.

Кто не знает этого дивного святителя Христова Николая?

Знают его и благоговейно чтут не только христиане, но даже магометане и язычники как великого и преславного чудотворца и скорого помощника людям во всех бедах и напастях. Кто бывал на берегах Черного моря, мог видеть не раз икону святителя Николая на турецких фелюгах. Можно было видеть ее и в убогих саклях и юртах многочисленных инородцев, населявших север и восток России вплоть до Маньчжурии и Китая.

Наиболее характерная черта святителя Николая, давшая ему такую славу, это его необыкновенное христианское милосердие. «Никола Милостивец» — так обычно звали его среди простого русского народа, основываясь на данных его дивного жития и бесчисленных случаях помощи его людям.

И вот этот великий святитель, столь прославившийся своим милостивым отношением к ближним, однажды допустил поступок, кото-

рый многих смущал и доселе смущает, хотя достоверность его свидетельствуется церковным преданием, запечатленным в нашей иконописи и богослужении.

Согласно преданию, святитель Николай принимал участие в Первом Вселенском Соборе, бывшем в Никее, который вынес осуждение еретика Ария, отвергавшего Божество Второй Ипостаси Святой Троицы — Сына Божия. Во время происходивших при этом прений святитель Николай не мог равнодушно слушать богохульных речей одержимого гордостью надменного еретика Ария, унижавшего Божественное достоинство Сына Божия, и при всем Соборе «заушил его», то есть ударил рукой по лицу. Это вызвало такое общее смущение, что отцы Собора постановили лишить дерзновенного святителя епископского сана. Но в ту же ночь они были вразумлены дивным видением: они увидели, как Господь Иисус Христос подавал святителю Николаю Свое Святое Евангелие, а Пречистая Матерь Божия возлагала на его плечи архиерейский омофор. И тогда они поняли, что святитель Николай руководился в своем поступке не какими-либо недобрыми, страстно-греховными побуждениями, а единственно одной чистой,

святой ревностью о славе Божией. И помиловали святителя, отменив свой приговор о нем.

Приводя этот столь красочный пример, мы отнюдь не хотим сказать, что и каждый из нас может и должен следовать этому примеру буквально: для этого нужно самому быть таким же великим святым, каков был святитель Николай. Но это безусловно должно убеждать всех нас в том, что мы не смеем оставаться безразличными и равнодушно относиться к проявлениям зла в мире, особенно когда дело касается славы Божией, нашей святой веры и Церкви. Тут мы должны проявлять себя совершенно непримиримыми и не смеем идти ни на какие лукавые компромиссы, примирение, хотя бы чисто внешнее, или какое бы то ни было соглашательство со злом. Личным своим врагам, по заповеди Христовой, мы должны все прощать, но с врагами Божиими мира у нас быть не может! Дружба с врагами Божиими делает и нас самих врагами Богу: это — предательство и измена Богу, под какими бы самыми благовидными предложениями это бы ни делалось, и тут никакое лукавство и изворотливое самооправдание нам помочь не может!

Интересно отметить то, как не нравится этот поступок святителя Николая всем совре-

менным соглашателям со злом, пропагандистам мнимой христианской любви, готовой мириться не только с еретиками, гонителями веры и Церкви, но и с самим дьяволом во имя «всеобщего мира» и «единения всех» — лозунгов, ставших в наши дни столь модными. Ради этого они — соглашатели эти — стараются даже отвергнуть самый факт участия святителя Николая в Первом Вселенском Соборе, хотя этот факт принимается нашей Святой Церковью, а потому всеми нами должен почитаться как достоверный.

Все это, конечно, потому, что нет уже у современных людей, даже из числа именующих себя христианами, подлинной святой ревности о Боге и о Его славе, нет ревности о Христе, Спасителе нашем, ревности о Святой Церкви и о всякой святыне Божией. Вместо этого преобладает теплохладное безразличие, равнодушное отношение ко всему, кроме своего собственного земного благополучия, с забвением о неминуемо ожидающем всех нас нелицеприятном суде Божиим и открывающейся по смерти вечности.

А без этой святой ревности, как мы подчеркнули в начале, нет и истинного христианства, нет подлинной жизни духовной — жизни

во Христе. Вот и заменено все это теперь всякими дешевыми суррогатами, порою весьма низкопробными, но часто отвечающими вкусам и настроениям современного человека. А потому такие псевдохристиане, искусно прикрывающие свою духовную пустоту лицемерием, нередко имеют большой успех в современном, выхолощенном от подлинной духовности обществе, — подлинные же ревнители славы Божией презираемы и гонимы как «люди тяжелые», «нетерпимые фанатики», «люди, отставшие от века».

Так уже теперь, на наших глазах, происходит отсеивание: кто остается со Христом до конца, а кто легко и естественно примкнет к стану Его противника — антихриста, особенно когда наступит час грозных испытаний для нашей веры, когда именно и нужно будет проявить во всей полноте всю силу нашей святой ревности, которой сейчас многие гнушаются как фанатизмом.

Но нельзя в то же время забывать, что кроме истинной святой ревности бывает еще «ревность не по разуму» — та ревность, которая обесценивается отсутствием в ней важнейшей христианской добродетели — рассуждения, и потому вместо пользы может приносить вред.

А есть также и мнимая, ложная ревность, под личиной которой скрывается кипение обычных греховных страстей — чаще всего гордости, властолюбия и честолюбия и интересы партийности, подобной той, какая играет главную роль в политической борьбе и которой не может быть места в жизни духовной, жизни общественно-церковной, что, к несчастью, в наше время очень часто встречается и бывает главным возбудителем всевозможных распрей и смут церковных, заправилы и вдохновители которых нередко прикрываются какой-то будто бы идейностью, а в действительности преследуют только свои собственные, личные цели, стремясь угодить не Богу, а своей «самости» и ревнуя не о славе Божией, а о своей собственной славе и славе своих партийных коллег и единомышленников.

Все это, само собой понятно, глубоко чуждо истинной святой ревности, противно ей, греховно и преступно, ибо только компрометирует нашу святую веру и Церковь!

Итак, нам предстоит выбор: со Христом мы или с антихристом?

«Время близко» (Откр 22, 10) — предостерегали нас, христиан, еще святые апостолы. А если

оно было *близко* тогда, в апостольские времена, то насколько же оно стало ближе теперь, в наши зловещие дни явного отступления от Христа и гонения на нашу святую веру и Церковь?!

И если мы твердо решаем в эти судьбоносные дни остаться со Христом, не на словах только, но и на деле, то нам совершенно необходимо теперь же, не откладывая, порвать всякие дружественные связи, всякое взаимодействие со слугами грядущего антихриста, которых уже так много завербовано им в современном мире под лъстивыми предложениями «всеобщего мира и благоденствия», а особенно — безусловно освободить себя от всякой подчиненности им и зависимости от них, хотя бы это было связано с ущербом для нашего земного благополучия или даже с опасностью для самой нашей земной жизни.

Вечность важнее нашего кратковременного существования на земле, и к ней именно должны мы себя готовить!

А потому одна святая ревность о Боге, о Христе, без всякой примеси какого бы то ни было лукавства и двусмысленной лукавой политики, должна руководить нами во всех действиях и поступках.

Иначе грозит нам строгий приговор: *«как ты... не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* (Откр 3, 16). *«Итак будь ревностен и покайся»* (3, 19)!

Примечания

1. Вот как, например, характеризует эту его просто-таки болезненную черту другой выдающийся и авторитетный ученый проф. Н.Н. Глубоковский: «Почтенный историк исходил из слишком крайнего недоверия ко всяким историческим источникам и, впадая иногда в мелочную придирчивость, пропускал без необходимой оценки весьма крупное... Человеческую возможность ошибаться Е.Е. Голубинский прямо обратил в фактическую потенциальность лгать, обязательно сопричисляя всем историческим материалам. Этот безбрежный скептицизм грозил подрывом всякой исторической достоверности и колебал самое научное бытие, поскольку во имя абсолютной и потому эмпирически не существующей несомненности фактической он заранее уничтожал всякую относительную реальность и оказывался не в силах заменить или обеспечить за недоста-

точностью фактической бесспорности, которой собственно никогда и нигде не бывает в здешнем мире... Его критический молот был не просто внушительно-тяжелый, но и неразборчиво-грубый, бивший на своем пути направо и налево все попадавшееся прямо насмерть» (*Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии. — Варшава, 1928).

Нарочно приводим эти слова авторитетного ученого для острастки и вразумления чрезмерных поклонников исторического метода проф. Е.Е.Голубинского и его труда «История Русской Церкви», каких и теперь еще немало. — *Прим. авт.*

Содержание

5	<i>Предисловие</i>
9	Крещение Руси и заветы святого князя Владимира русскому народу
49	Проповеди
49	<i>Сорокалетие безмерного падения и неслыханных страданий</i>
62	<i>Религиозно-мистический смысл убийства царской семьи</i>
70	<i>Июль – месяц русских святых</i>
98	<i>Чему поучает нас Успение Пресвятой Богородицы?</i>
111	<i>Крест – верных утверждение</i>
123	<i>Правило веры</i>
138	<i>С нами Бог!</i>
144	<i>С Новым годом, с новым счастьем!</i>

150	<i>Постимся постом приятным</i>
166	<i>Чему учит нас великий проповедник покаяния?</i>
181	<i>Торжество девства и хула на девство</i>
194	<i>Пасха, Господня Пасха!</i>
200	<i>Всему свое время</i>
214	<i>Что такое праздники, для чего они?</i>
223	<i>Святая ревность</i>
236	<i>Примечания</i>

Архиепископ Аверкий (Таушев)

Пока не поздно...

ДУХОВНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

Составитель

В. И. Марченко

Редактор

М. Г. Жукова

Художник серии

послушник Илья Самохин

Технический редактор

А. Н. Кузнецова

Верстка

М. Ю. Родионов

Технолог

М. Ю. Мыскин

ЛР № 030613 от 24.07.99

Подписано в печать 26.09.2006. Формат 70 × 100^{1/32}

Объем 7,5 п.л. Гарнитура NewBaskerville

Печать офсетная. Бумага писчая белая

Тираж 5000 экз. Зак. № 371

Издательство Сретенского монастыря

Адрес издательства: 107031, Москва, Б. Лубянка, 19

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com

Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

Патриаршего издательско-полиграфического центра

г. Сергиев Посад. Тел./факс: (495) 721-2645

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

**Архиепископ
Аверкий (Таушев)**

мемуары

письма

дневники

проповеди

лекции

статьи

исследования

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Архиепископ Аверкий (Таушев) родился в 1906 г. в Казани. В 1920 г. он покинул Россию и проживал в Болгарии в Варне. В 1930 г. окончил богословский факультет Софийского университета. Переехал в 1931 г. в Прикарпатскую Русь. Пострижен в монашество в Свято-Николаевском монастыре в селе Иза, затем рукоположен во иеромонаха. В 1932 г. назначен приходским священником в Ужгород, позднее — настоятелем. В 1937 г. возведен в сан игумена. В 1938 г. — настоятель прихода в Мукачеве. После захвата Прикарпатской Руси венграми в 1940 г. уехал в Югославию. Служил священником в Свято-Троицкой церкви. В 1944 г. возведен в сан архимандрита, затем эмигрировал в Австрию. В 1945 г. с Архиерейским Синодом прибыл в Мюнхен, где работал законоучителем. В 1951 г. переехал в США. Назначен преподавателем, затем — ректором Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. В 1953 г. хиротонисан во епископа Сиракузского. В 1960 г. избран настоятелем Свято-Троицкого монастыря. С 1961 г. — архиепископ. С 1964 г. — постоянный член Архиерейского Синода РПЦЗ. Скончался в 1976 г. Погребен в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле.